

Книжный червь Переводы книги

Соглашение

The book cover features a composite background image. The upper portion shows a close-up of a man's face, with his hands near his eyes in a contemplative or distressed pose. The lower portion shows the Golden Gate Bridge at night, with vibrant orange and yellow light trails from traffic crossing it. The overall color palette is dominated by teal, orange, and yellow.

Автор бестселлеров по мнению *USA Today & New York Times*

КАРИНА ХЕЙЛ

Все началось с клятвы на мизинцах... Линден МакГрегор — настоящий ковбой, красивый, сильный, высокий; очаровательный пилот вертолета с шотландским акцентом. Стефани Робосон — красивая, забавная и амбициозная бизнес-леди (с чертовски клевой попкой). Они дружат с незапамятных времен, Линден — один из лучших друзей Стеф, а Стеф — лучшая подруга Линдена. Но некоторые отношения невозможно поместить в определенные рамки, невозможно квалифицировать или сохранить неизменными. Где-то между вторым и третьим десятком, в Сан-Франциско, устав соревноваться в количестве бессмысленных свиданий, Стеф и Линден заключают соглашение, согласно которому они поженятся, если ни у кого из них не будет серьезных отношений к тридцати. Это похоже на игру, но время летит, любовники приходят и уходят, и соглашение приобретает новую силу. Секс неизбежен. Дружба проверена. Сердца друзей на кону. Соглашение может все изменить. «Соглашение» — роман вне серии, рекомендован для прочтения зрелой аудиторией.

Карина Хейл
Соглашение

— Итак, ты хочешь выйти замуж?

Я настолько поглощена мыслями о своем неудавшемся свидании, что едва слышу Линдена. А это говорит о многом. Что бы ни происходило, Линден всегда находится в центре моего внимания. Наверно, все дело в сегодняшнем ужине с мистером Задницей. Это было слишком, даже для меня. В смысле, какой парень наденет эскотский галстук и будет при этом ковыряться в носу перед вами? (прим. эскотский галстук — галстук с широкими, как у шарфа, концами).

— Стеф, — повторяет он со своим легким шотландским акцентом, после чего я, наконец, отрываюсь от созерцания пузырьков в своем пиве и поднимаю на него взгляд. Иногда я задаюсь вопросом, как я вообще могу смотреть по сторонам, когда рядом со мной такой красавчик.

Кстати, этот красавчик мой лучший друг. И я уверена, что он только что попросил меня выйти за него замуж.

— Что? — переспрашиваю я, желая убедиться, что все правильно поняла.

Он с улыбкой смотрит на меня. Я бы предпочла, чтобы он этого не делал. Его улыбка порой выбивает весь воздух из моих легких. Это происходит так резко и неожиданно, что я ничего не могу поделать. Лучше бы он перестал улыбаться, потому что, черт возьми, мне нравится дышать.

— Я спросил, хочешь ли ты выйти замуж? — говорит он, и я понимаю, что, возможно, пропустила что-то чрезвычайно важное. Кроме того, Линден и брак... это две абсолютно несовместимые вещи.

— Э, — говорю я, чувствуя, как начинаю краснеть. — Выйти замуж? За тебя?

Он пожимает плечами и делает глоток пива в своей привычной беззаботной манере. В баре царит мертвая тишина, за исключением доносящейся из колонок песни FaithNoMore под названием «Kingfor a Day». Джеймс всегда её ставит, когда вечерняя смена в баре подходит к концу, и он хочет, чтобы оставшиеся посетители свалили куда подальше.

Джеймс Дапрес — владелец бара «Бургундский Лев», мой бывший парень и лучший друг Линдена. Он слоняется неподалеку, убирая столы и бросая пассивно-агрессивные взгляды на группу из четырех человек, которая расположилась за столиком в углу, тогда как все остальные покинули бар за десять минут до закрытия.

— Да, за меня, — небрежно бросает Линден, как будто мы решаем, какой фильм посмотреть в выходные. — Но я также имел в виду вообще, чисто теоретически.

Какое-то время я просто смотрю на него. Линден как всегда выглядит чертовски уверенным в себе. Он встречает мой взгляд, проводя пальцами по всей длине своей бороды. Мы с ним очень близки — настолько близки, насколько это возможно для чисто платонического развития отношений между мужчиной и женщиной. Но, несмотря на это, мы никогда не обсуждали такие темы, как эта. Наши дерьмовые свидания — да. Но брак, будущее и то, что мы действительно хотим от жизни? Нет.

— Позволь уточнить, — говорю я, но не могу найти слов, чтобы продолжить. Я делаю глубокий вдох. — Ты просишь меня выйти за тебя замуж?

Линден вздыхает и откидывается на спинку стула. Протянув руку, он играет пальцами с кончиками моих волос, недавно окрашенных в черный как смола цвет.

— Мальвинка, — говорит он, Линден называет меня так с тех пор, как мы познакомились, потому что в день нашей первой встречи мои волосы были синими как воды Карибского моря. — Расскажи мне еще раз о своем свидании.

Я смотрю на него в ответ.

— Пожалуй, не стоит, ковбой. — Мое личное прозвище для него, которое лишь следствие того, что он похож на молодого Клинта Иствуда с этим своим проникновенным взглядом и нахмуренным лбом. Кроме того, иногда он ведет себя как шовинистический мудака, коими являются большинство стереотипных ковбоев.

— Верно. Я бы тоже предпочел не разбираться в том, почему пять моих последних свиданий закончились мастурбацией в душе.

Пожалуйстааа, не заставляй меня думать о том, как ты мастурбируешь в душе, мысленно прошу я, иначе дело быстро примет крайне непристойный оборот. По крайней мере, что касается мыслей у меня в голове. С другой стороны, когда я думала о чем-нибудь приличном. Мой мозг как страничка на Pinterest с горячими полуголыми мужчинами, которые мелькают там двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. (прим. Pinterest — социальный интернет-сервис, фотохостинг, позволяющий пользователям добавлять в режиме онлайн изображения и помещать их в тематические коллекции и делиться ими с другими пользователями.).

— И, кроме того, — продолжает он, заставляя меня сфокусироваться на том, что он говорит, вместо воображаемых пикантных картинок, — ты не думаешь, что так будет гораздо проще? Ты умная, красивая, я красивый и умный... — он замолкает и улыбается, — ну это и так очевидно. Нам будет по двадцать пять в этом году... Что, если дальше ничего не изменится? Вдруг все это дерьмо никуда не денется.

Я поднимаю бровь, не зная, как реагировать на его высказывания. Он морочит мне голову или говорит серьезно? На его лице всегда эта тошнотворная ухмылка, неважно, что за чушь он несет, и я уже несколько раз покупалась на это.

— Ну, мне хочется думать, что впереди меня ждет что-то более оптимистичное, — говорю я ему.

Он улыбается и кивает. — Само собой. Серьезно, посмотри на себя.

Посмотреть на себя? Интересно, что же он видит.

— Но что, если планета полна чертовых идиотов? Тогда... — он затихает и осматривает бар перед тем, как наклониться ко мне. Я смотрю в его темно-голубые глаза и только тогда замечаю, что он пьян. — Мы хорошо подходим друг другу. В этом есть смысл.

Я не знаю, что и думать.

— Ты пьян, Линден.

— Я человек, у которого есть план.

— С каких это пор твои жизненные планы начали включать брак?

Он пожимает плечами и запускает руку в свои густые, коричневато-красные волосы. — Ты можешь быть моим лучшим другом, Мальвинка, но не думай, что ты знаешь обо мне абсолютно все.

— Похоже, что так.

Его рот изгибается в полуулыбке. — Но когда мы поженимся, у нас будет время для того, чтобы узнать друг друга получше. И для секса.

Ладно, теперь я вижу, что для него это такая же шутка, как и почти все остальное в этой жизни. — А что, если я вообще не хочу выходить замуж? — подчеркиваю я, прогоняя из

головы мысли о нашем горячем, потном сексе. — Разве я когда-нибудь упоминала о браке или детях?

— Никогда, — признается он. — Но это не значит, что ты не думаешь об этом. Иначе, зачем тогда ты ходишь на свидания?

— Потому что мне нравится заниматься сексом.

Он смеется. — Еще одна причина, по которой мы идеально подходим друг другу.

Я поджимаю губы, уставившись на него. Думаю, мне нужно еще выпить.

Линден словно читает мои мысли. Он встает со стула и идет за бар. Джеймс не обращает на это никакого внимания, но даже если бы и обратил, вряд ли бы он что-то сказал. Нам с Линденом было по двадцать одному, а Джеймсу — двадцать три, когда мы оба начали работать с ним в Бургундском Льве. Со временем мы с Линденом начали стремиться к большему и надеяться на лучшее, тогда как Джеймс закончил тем, что просто купил это место. Однако, мы до сих пор чувствуем себя частью этого места, своеобразный менталитет сотрудника, и я не думаю, что Джеймс когда-либо требовал с нас за напитки.

Линден берет две бутылки пива Anchor Steam из холодильника и толкает их в мою сторону. Сейчас в Сан-Франциско стоит типичная осенняя жара, и рукава его серой рубашки закатаны до локтей, демонстрируя сильные загорелые руки и цитату Чарльза Буковски, вытатуированную на внутренней стороне предплечья. На Линдене шорты цвета хаки, которые открывают его ноги ниже колен и откровенно подчеркивают накачанный зад. На ногах у него потрепанные черные кеды, и мне кажется, что они у него с тех пор, как мы встретились, но его это вполне устраивает.

Наверно, это неправильно — иногда глазеть на своего лучшего друга, но в таком случае я не хочу быть правильной.

— Так что скажешь? — спрашивает он, снова садясь рядом со мной. — Как насчет того, что мы поженимся, если не найдем никого к возрасту, допустим, тридцати лет?

— Ты, правда, серьезно?

— Да. — Он кивает и подталкивает ко мне пиво. — Выпей, может быть тогда ты, наконец, скажешь да. Должен заметить, своими сомнениями ты ранишь мое эго.

— Ну, идея неплохая, — говорю я на полном серьезе. Линден Макгрегор — смешной, добрый, умный, красивый и амбициозный парень. У него степень бакалавра в бизнесе и он в шаге от получения лицензии на пилотирование вертолета. Линден — горячий парень, любая девушка была бы не прочь поймать его на крючок.

Но кроме всего прочего он — игрок, эгоистичный, самоуверенный и высокомерный. Ему не свойственно открытое проявление каких-либо чувств, кроме разве что проницательности — порой он смотрит на вас так, словно видит насквозь. Линден всегда был эгоистом, он может быть страстно увлечен чем-то (или кем-то), но уже в следующую минуту его заинтересованность сменяется равнодушием. Да, у него сложный характер, но именно он тот, кого я имею честь называть своим лучшим другом.

И все же, брак — это ад, а отношения — это не та игра, в которую я готова или хочу с ним играть. Да, он великолепен, да, иногда он смотрит на меня так, что внизу живота у меня происходит что-то невероятное, и да, я часто думаю о том, чтобы с ним переспать.

В смысле чаще, чем должна.

Но этот наш уговор на счет замужества точно ничего не решит.

К счастью, я знаю, что он просто шутит.

Я делаю большой глоток пива, заставляя Линдена томиться в ожидании моего ответа, и

тем самым задевая его эго. Наконец, я киваю и говорю: — Хорошо.

— Ты серьезно?

— Думаю, да?

Он широко улыбается, демонстрируя свое секретное оружие — ямочки на щеках, и заявляет: — Ты только что сделала меня самым счастливым человеком, Стефани Робсон.

Я закатываю глаза. — Это мы еще посмотрим. Если повезет, мы оба будем в серьезных отношениях к тридцати годам, и мне не придется тешить себя мыслью о том, чтобы стирать твоё бельё всю свою оставшуюся жизнь.

— Или придется, — добавляет он и подмигивает, от чего я закатываю глаза ещё сильнее. — Клятва на мизинцах. Ты знаешь, что я такое не нарушаю.

Это правда, он никогда не отступится от подобного обещания. Возможно, для него всё более серьёзно, чем я думала.

Сглотнув, я протягиваю свой мизинец. Он быстро скрещивает наши пальцы, на ощупь его кожа горячая и мягкая.

— Если к тридцати ни один из нас не будет в серьезных отношениях, — говорит он, глядя мне в глаза так пристально, что я буквально перестаю дышать, — тогда мы соглашаемся вступить в брак друг с другом, короче говоря, пожениться. Согласна?

Я с трудом обретаю дар речи. — Согласна.

Затем он подносит мою руку к своему рту и целует её, заставив ещё больше воздуха покинуть мои лёгкие.

— Думаю, я только что придумал лучший запасной план в своей жизни, — говорит он, скользя губами вдоль моей кожи, прежде чем отпустить мою руку. Линден берет своё пиво и чокается со мной.

— За нас.

Я пытаюсь что-то сказать, но не получается.

— Черт, им понадобится целая вечность, чтобы уйти, — говорит Джеймс, обходя нас. — Сколько ещё раз мне надо повторить «мы скоро закрываемся», прежде чем до них, наконец, дойдет.

— Может, тебе следует достать пистолет, — говорит Линден. — Или, ещё лучше, начать петь.

— Заткнись, — отвечает ему Джеймс. — Я пел на бэк-вокале раз в жизни и никогда этого не забуду. — Линден и Джеймс раньше играли в местной группе, Линден был на вокале и соло-гитаре, а Джеймс — на басах, у них неплохо получалось, но не достаточно хорошо, чтобы продолжать этим заниматься и дальше. В Сан-Франциско довольно конкурентоспособная инди-сцена.

— Кстати, угадай, что только что произошло, — говорит Линден, его глаза сверкают.

— А стоит? — устало спрашивает Джеймс и идет за бар, чтобы в миллионный раз вытереть стойку.

— Мы со Стеф женимся, — заявляет он.

Джеймс замолкает и смотрит на меня, чтобы понять, серьёзен ли Линден. — Это правда, — говорю я, хотя звучит как-то не искренне.

— Что? — спрашивает он, глядя на нас обоих. Нет, в выражении его лица нет ни намека на боль, но я не могу быть уверена на все сто. Иногда я забываю, что мы были любовниками, что отчасти смешно. Это случилось спустя несколько дней после того, как я начала работать в Бургундском Льве, мы с Джеймсом быстро нашли общий язык и закончили тем, что

провстречались около года. Линден был его лучшим другом, собственно, так я с ним и познакомилась.

Разумеется, расстались мы абсолютно полюбовно и в итоге остались хорошими друзьями. Но на самом деле именно я порвала с ним, в то время как Джеймс вел себя так, словно все это было более-менее взаимно. Я всегда задавалась вопросом, не причинила ли я ему больше боли, чем тогда думала.

— Ты же знаешь, как я обожаю свои запасные планы, — продолжает Линден. — Поэтому мы заключили соглашение. Если к тридцати годам ни один из нас не будет находиться в серьезных отношениях, то мы поженимся.

Джеймс тупо моргает, заправляя прядь своих густых черных волос за ухо. — Это самая глупая идея, которую я когда-либо слышал.

Линден поднимает подбородок. — Ой, не будь ревнивым, дружище.

Джеймс усмехается. — Я не ревнивый. Вы и брак? Самая привередливая женщина в мире с самым большим в мире блядуном? Что ж, удачи вам, ребята.

— Эй, — говорю я возмущенно. Не такая уж я и привередливая.

Но Линден не обижается. — О-о, спасибо. Так почему бы тебе не открыть шампанское, чтобы отпраздновать такое событие?

Джеймс язвительно смотрит на него. — Ты угощаешь?

Он пожимает плечами. — Будем считать это твоим предсвадебным подарком.

Джеймс тяжело вздыхает, словно у него на плечах неподъемный груз, но уступает. Он всегда уступает Линдену.

— Ладно, — говорит он и достает бутылку шампанского из холодильника. Эффектно открыв его, он разливает содержимое бутылки в бокалы из Мейсона.

Подняв тост за наше нелепое соглашение, мы заводим привычный разговор о недавно появившихся группах, фильмах, ТВ-шоу, хоккее (Джеймс и Линден — большие поклонники команды «Сан-Хосе Шаркс»).

Я потягиваю свое шампанское, чувствуя отчасти странное облегчение. Через пять лет все свидания и метания могут быть закончены. Через пять лет с определенной долей вероятности я могу выйти замуж за своего лучшего друга.

Интересно, пять лет — это достаточно долго для того, чтобы я успела передумать.

Солнечные лучи пробиваются сквозь окно моей спальни, освещая темные волосы на руках и ногах мужчины, лежащего рядом со мной. Я абсолютно ничего не имею против волос на мужском теле, но почему-то вчера в баре он не казался мне похожим на гориллу. Похоже, я была изрядно пьяна. Думаю, что делала все на автомате до тех пор, пока мужчина-обезьяна не схватил меня и не начал целовать, утащив прочь.

Застонав, я перекатываюсь от него подальше. Он не двигается, и я изо всех сил пытаюсь вспомнить его имя. Не могу с уверенностью сказать, занимались ли мы вчера сексом, но тут я замечаю презерватив, выброшенный на полпути между кроватью и мусорной корзиной. Засранец. Ответственный, но все равно засранец.

Вчера была вечеринка по поводу моего дня рождения в лаунж-баре «Tiki», что объясняет не только мой роман на одну ночь и невыносимую головную боль, но и цветочные гирлянды, разбросанные по краям кровати. Я чувствую горечь разочарования — я хотела вступить в новый возраст с новыми правилами (другими словами, перестать так много пить по выходным и прекратить спать со случайными парнями) но, похоже, мой план провалился в первый же день.

Я медленно встаю с кровати и вытаскиваю из ящика ночную рубашку. Натянув её, я дополняю свой образ пеньюаром, в то время как мой волосатый друг продолжает спать. Меня охватывает ужас при мысли, что он может быть мертв, но я тут же успокаиваюсь, заметив, как его спина равномерно вздымается вверх-вниз.

Оказавшись в ванной, я пристально вглядываюсь в свое отражение в зеркале. Я знаю, что во мне нет ничего необычного, но все же что-то изменилось. На моем лице остались следы летнего загара, но оно немного отекает, круглые глаза все такие же голубые, лишь в самых уголках скопились небольшие морщинки. Мои волосы на днях были подстрижены в элегантный темно-красный боб, но сейчас они кажутся грязными и безжизненными. Но главное, я выгляжу усталой. И не потому, что провела большую часть ночи, распивая коктейли Май Тай, танцуя со странными чуваками и опираясь на своих друзей для поддержания равновесия в перерывах, а потому, что я действительно устала.

Я так чертовски устала идти к своей цели и оказываться от неё все дальше. Я думала, что к двадцати шести годам я, наконец-то, разберусь со всем этим дерьмом, но меня не покидает ощущение, что я всего лишь на полпути.

В двадцать шесть я хотела жить в собственном доме, но я все еще делю квартиру со своей подругой Кайлой. Давайте смотреть правде в глаза, Сан-Франциско до неприличия дорогой город, и без осуществления второй части моего плана я не могу позволить себе жить отдельно.

Вторая часть моего плана заключается в том, что я должна бросить работу управляющей магазином одежды «All Saints» в центре города и, наконец, стать самостоятельной в плане бизнеса, открыв собственный магазин.

Этого не произошло. На самом деле, моя мечта никогда не казалась такой недостижимой. Я боюсь трудностей — найти помещение, заключить договор, регулярно платить за аренду, вести собственные закупки, подобрать персонал, плюс ко всему надо

будет подумать о маркетинге и рекламе. Хотя я всегда мечтала о собственном магазине, но похоже, что чем старше я становлюсь, тем страшнее мне в итоге на что-то решиться. Мечты превращаются в знаки доллара и массу аспектов, из-за которых ты можешь потерпеть неудачу, и все равно придется за это платить.

А я не хочу потерпеть неудачу. Но и не могу продолжать плыть по течению, как сейчас.

Я захожу на кухню и завариваю целый кофейник бодрящего ароматного кофе, хотя знаю, что из-за адского похмелья осилю в лучшем случае только чашку. В этот момент начинает звонить мой сотовый. Я отвечаю сразу же после первого гудка, боясь разбудить дремлющую обезьяну.

— Привет, старушка, — раздается из трубки очаровательный акцент Линдена, — как самочувствие?

— Фуу, — говорю я и улыбаюсь. — Я чувствую себя куском дерьма.

— Так я и думал, — говорит он. — Кстати о дерьме, что за парень, черт возьми, был с тобой прошлой ночью?

Я вздыхаю и прикладываю руку ко лбу, перегнувшись через столешницу.

— Если бы я знала. Он сейчас в моей кровати, спит так, будто я его чем-то накачала.

Повисает пауза, после чего Линден говорит.

— А что случилось с «я больше не сплю с кем попало» и «двадцать шесть — это совершенно новый этап моей жизни»?

— Ладно-ладно, ты сам то чем вчера занимался? Я, кажется, припоминаю, как ты полвечера засовывал свой язык в горло какой-то цыпочки.

— Язык в горло, член в пизду, все одно и то же, — говорит он, в ответ на что я издаю полный праведного негодования возглас. Но если честно, какой бы ни был выбор слов, нечто подобное всегда звучит сексуально, когда исходит от него. Можете называть это шотландским сленгом, как угодно. — Кроме того, после своего дня рождения я не предъявлял никому глупых претензий, в отличие от некоторых.

Это верно, но опять же, Линдену нет нужды что-либо менять в своей жизни. У него есть собственная лицензия на пилотирование вертолета и работа в местной чартерной компании. Его родители — важные шишки, они купили ему квартиру в Russian Hill, в которой он живет совершенно один, и я ни разу не слышала, чтобы для него было проблемой переспать с телочкой. На самом деле, не переспать с телочкой — вот в чем его проблема.

— Ладно, проехали, — говорит он, — как на счет завтрака? Позднего завтрака? Ланча?

— Я только за, — отвечаю я, прикидывая, как быстро могу собраться. — Я буду готова через полчаса, но не знаю, как быстро удастся избавиться от парня в моей кровати.

— Предоставь это мне, — говорит Линден и вешает трубку.

Вот дерьмо. Что бы ни задумал Линден, мне уже страшно. Порой он реально перегибает палку.

Я подхожу к спальне и заглядываю внутрь. Волосатый незнакомец все еще спит, слегка похрапывая. Схватив черные джинсы и длинную футболку в заклепках, я иду обратно в ванную. После душа я зачесываю назад свои влажные волосы и собираю их в пучок, после чего делаю легкий макияж. Я все еще чувствую себя, как дерьмо, но, по крайней мере, у моих щек и губ теперь есть цвет.

Вернувшись в спальню, я застываю на пороге при виде парня, стоящего у окна в одних трусах. Он поворачивается и улыбается мне с тенью удивления. Да, он милый, с этим не поспоришь, но не достаточно милый для того, чтобы я попросила его остаться.

— О, привет. Отличный вид, — говорит он, кивая в сторону окна.

Я хмурюсь в недоумении. Мои окна выходят на незатейливый Мексиканский ресторан, картину дополняет ржавый велосипед, который вечно прикован к опоре линии передач.

— Э-э, спасибо, — говорю я, отчетливо понимая, что так и не вспомнила его имя.

— Ты была что-то с чем-то прошлой ночью, — говорит он с нетерпеливой улыбкой и делает шаг по направлению ко мне.

— Чокнутой красоткой? — вставляю я, делая шаг назад.

— Горячей красоткой, — поправляет он.

Очаровательно.

— Как насчет второго раунда? — спрашивает он, протягивая ко мне руку.

Черт возьми, только не это.

— Дорогая, я дома! — слышу я голос Линдена, и у меня против воли вырывается вздох облегчения. Парень хмурится, пребывая в явном замешательстве, когда дверь в комнату открывается и на пороге появляется Линден.

— Вот так сюрприз, а это кто? — спрашивает он с улыбкой, пристально разглядывая парня в трусах. Его высокая фигура, широкая грудь и огромные плечи едва помещаются в дверном проеме, когда он как ни в чем не бывало прислоняется к косяку. Одетый в черную футболку и темные джинсы, Линден выглядит довольно повседневно, но в то же время невероятно мужественно. На ногах — как всегда кеды.

Я смотрю на парня, ожидая, что он скажет свое имя, потому что сама я этого точно не сделаю.

— Я — Дрейк, — говорит он, глядя на нас. Явно напуган. Линден в несколько раз крупнее его, и это производит должный эффект.

— Дрейк, — повторяет Линден, после чего поворачивается ко мне. — Ты с ним уже закончила? Теперь моя очередь?

— Что? — вскрикивает Дрейк, и страх пронзает его насквозь.

— Именно, — говорит Линден, скрещая руки на груди. — Видишь ли, мы со Стеф привыкли делиться. Сначала она берет свое, ну а после уже я. Ты ведь не против, правда?

Парень становится красным как свекла и начинает запинаться.

— Эмм, мм, думаю, мне лучше уйти.

Линден поднимает обе руки вверх.

— Нет, нет, оставайся. Мы можем и на троих сообразить, так даже проще. Только если ты не против быть снизу.

Дрейк хватается за джинсы и судорожно пытается их натянуть. Охваченный паникой, он даже не думает искать свою футболку.

— Линден, — предупреждаю я, на что тот улыбается и отходит в сторону, когда Дрейк пулей проносится мимо него в прихожую. Он хватается за свои ботинки, и я слышу, как за ним закрывается входная дверь.

— Как грубо, — говорит Линден. — Этот урод даже спасибо не сказал.

Я закатываю глаза. — Знаешь, я и сама могла бы выпроводить его отсюда.

— Да, но как же веселье?

Самое смешное, Линдену редко приходится что-либо делать, чтобы отогнать от меня мужчин, ему достаточно просто появиться. Многие парни, с которыми я раньше встречалась, были против нашей дружбы с Линденом. Они просто не могли понять, как мы можем быть так близки, притом, что между нами ничего нет и никогда не было.

Я могу объяснить это только тем, что сначала я начала встречаться с Джеймсом. Хотя я работала с Линденом, но, по сути, знала его через Джеймса. Хорошо, когда ты знаешь лучшего друга своего парня, так они оба остаются в поле твоего зрения. Но даже сейчас, спустя годы после нашего расставания с Джеймсом, проявлять интерес к Линдену было бы как-то неправильно.

Конечно, он мой друг, и я не думаю о нем в этом смысле. Просто иногда глазею.

— Так куда мы идем? — спрашиваю я, хватая свою сумочку и выбрасывая футболку Дрейка в мусор.

— Не хочешь полетать на вертолете?

Я поднимаю голову, застигнутая врасплох его идеей.

— Мы должны позвать Джеймса, потому что если мы этого не сделаем, он реально обидится. — Джеймс всегда жалуется, что Линден еще ни разу не поднимал его в воздух. Меня он тоже еще не катал, но мне кажется, будет неправильно делать это без Джеймса. Мы — трое закадычных друзей, хотя в последнее время такое чувство, что нас только двое.

— Он работает, Мальвинка, — отвечает он легкомысленно. — Ты же знаешь, он всегда работает. На этот раз только ты и я.

Как же мне хочется успокоить трепет в своем сердце. Я откашливаюсь. — Ладно.

Спустя час мы уже в округе Марин, откуда Линден совершает свои полеты. К сожалению, из нашей затеи ничего не выходит. Нет ни одного свободного вертолета, и в итоге мы оказываемся в приморском баре в Саусалито. Признаюсь, я немного разочарована из-за того, что не увидела Линдена в действии, но, не смотря на это, я все равно наслаждаюсь его компанией, своей Кровавой Мэри и умопомрачительным видом.

Какое-то время мы просто молча наблюдаем за тем, как волны плещутся о берег на фоне городского пейзажа.

— Знаешь, когда мы поженимся, — говорит Линден, — я буду брать тебя в небо, когда захочешь.

Я не могу сдержать улыбки.

— О, так мы все еще женимся?

— Тридцатилетие совсем не за горами.

Я удивленно смотрю на него.

— Эй, мне только что исполнилось двадцать шесть. Дай мне передохнуть.

Он пожимает плечами.

— Просто напоминаю тебе об этом. Уговор — есть уговор.

— Точно, — говорю я, делая большой глоток Кровавой Мэри. Как бы мне хотелось, чтобы вся моя оставшаяся жизнь была предопределена этим соглашением. Я искоса смотрю на него. — Так значит, в любое время, когда захочу?

— Конечно, — говорит он. — Ты же будешь моей женой. И ты обязательно полюбишь С&С.

— С&С? Это парусник?

— Вертолет и член (прим. С&С—Chopper and cock), — говорит он. — Член в кабине вертолета. Минет во время полета. Нет ничего лучше.

— Не говори мне, что ты это уже делал, — вставляю я, и меня передергивает при мысли о том, что ему прямо в воздухе делает минет какая-то шлюха.

Он тянется через стол и гладит мою руку. — Ты будешь первой.

— Ты такой романтик, — сухо отвечаю я, заставляя его рассмеяться.

Так проходит еще один год.

Думаю, я влюблена в Оуэна Гири.

Нет, не так, я знаю, что влюблена в Оуэна Гири. От звука его имени с моей кровью творится что-то невероятное, она буквально вскипает, а голова идет кругом.

Кажется, двадцать седьмой год станет лучшим годом в моей жизни.

Сейчас середина октября, и Сан-Франциско накрыло очередной волной жары. Надев кожаные шорты, которые обычно ношу на работе в AllSaints, я изо всех сил пытаюсь игнорировать первые признаки целлюлита, проступающего на моих бедрах при неправильном освещении. Мне все еще двадцать с небольшим, и жизнь по-прежнему прекрасна и удивительна. Я могу пережить тот факт, что моя собственная кожа ополчилась против меня.

Иногда я задаюсь вопросом, а не стать ли мне вегетарианкой, не переключиться ли на капусту с орехами, и забыть о кексах и фруктовых коктейлях. После вчерашнего дня рождения я приняла осознанное решение начать пользоваться ночным кремом, сыворотками и новомодными солнцезащитными средствами. Благодаря более темной коже моего отца, имевшего средиземноморские корни, я и так затянула с этим, но рано или поздно этот момент должен был наступить.

Еще я решила заняться йогой и начать бегать. Несколько недель назад проходил один из городских марафонов и куча подтянутых, стройных цыпочек устремились покорять длинную дистанцию через парк Золотые ворота, менее отважные выбрали короткую по лестнице на Твин Пикс. Когда-то я могла не волноваться о своем внешнем виде, но сейчас мое тело начинает набирать лишний вес, накапливая жир на бедрах, животе и в области груди. По части сисек меня все устраивает, но если я не начну в ближайшее время что-то с собой делать, то превращусь в ходящий шарик. Шарик с большими сиськами.

Часть меня просто хочет продолжить жить как прежде, но я не могу себе этого позволить. У меня есть цели. Конечно, я все еще работаю менеджером в AllSaints, но мечта о собственном магазине уже не кажется мне такой недостижимой. И моя личная жизнь наконец-то наладилась.

Да, Оуэн не идеален. Он — бухгалтер в крупной фирме, и его карьера развивается довольно успешно, но он очень много работает и совершенно не умеет мечтать. Оуэн красив в классическом понимании американской красоты, и это здорово, хотя его уши немного крупноваты и слишком острые на концах. А еще он любит говорить о гольфе, тогда как я предпочитаю хоккей.

Но, несмотря на все это, сложно придумать к чему-то еще. Я имею в виду, что на этом его недостатки заканчиваются. Плюс, он довольно хорош в постели и нам всегда есть о чем поговорить. Более того, он надежный и я могу положиться на него в любую минуту, особенно сейчас, когда вся моя жизнь буквально висит на волоске.

Мои родители решили разойтись, и их разрыв стал для меня самой большой неожиданностью за прошедший год. Я всегда считала развод чем-то, что разрушило семьи моих друзей в период начальной школы и впоследствии сказалось на них в старших классах. Мне и в голову не приходило, что это может случиться со мной за пределами бурного

подросткового периода. Но внезапно, по крайней мере, мне это показалось внезапным, отец решил, что ему нужна свобода. Он собрал свои вещи и переехал в Оклахому.

И я все еще не знаю почему. Моя мама тоже не знает или просто делает вид, что не знает. Я рискнула предположить, что папа нашел себе кого-то, но родители в один голос твердят мне, что все дело в переменах. Отцу нужны перемены.

Я просто не понимаю, как можно прожить с кем-то тридцать пять лет, а затем вдруг решить, что тебе нужны перемены. Почему через тридцать пять лет? Почему не через тридцать? Или двадцать? После того, через что прошла наша семья из-за моего брата, Нэйтона, после того, как мы долгие годы боролись за его жизнь и двигались дальше, не смотря ни на что... почему сейчас?

Я чувствую себя виноватой и поэтому провожу все свои выходные с мамой в Петалуме. Мой отец изредка звонит мне или пишет по электронной почте. Возможно, его тоже терзает чувство вины. Мне ненавистно видеть маму такой. Она то и дело грустит и кажется бесконечно уставшей от жизни в нашем пустом доме.

Возможно, именно поэтому я и начала встречаться с Оуэном — чтобы показать своей матери, что я способна построить серьезные отношения с надежным мужчиной, даже если она не смогла. Надежный мужчина — это тот, кто будет ждать вас, не смотря ни на что, тот, кто предложит вам руку и сердце. Не плейбой. Не мечтатель. И, очевидно, не кто-то похожий на моего отца.

И не важно, что думает моя мать. Я люблю Оуэна Гири.

С тех пор, как я начала встречаться с ним несколько месяцев назад, я стала гораздо реже видаться с Джеймсом и Линденом и чаще проводить время со своей подругой Николой Прайс. Вообще-то мы с Николой вместе учились в начальной школе, но стали общаться только когда обе поступили в институт искусств на отделение мерчендайзинга в сфере моды. Оуэну нравится Никола, в отличие от Джеймса и Линдена. Думаю, это потому, что Джеймс — мой бывший парень, а Линден — парень, с которым я довольно близка. Ну и потому, что Линден это Линден.

Но сегодня, благодаря собственному дню рождения, мне удалось собрать их всех вместе за ужином. Закончив смену в магазине, я спешу вернуться домой. Сегодня я провела на работе всего четыре часа, занимаясь в основном сортировкой одежды на стеллажах и наведением порядка в документации. Я сажусь за руль, радуясь, что сегодня не придется ехать на автобусе.

Оуэн уже у меня, наливает себе чистой водки в честь праздника. Не знаю, почему ему так нравится её пить, по мне так это самый отстойный напиток всех времен и народов. Но Оуэну уже тридцать три, и думаю, он в состоянии разобраться с тем, что ему пить.

На нем рубашка в тонкую полоску, зауженные брюки и лаковые туфли. Все вещи дизайнерские и отлично на нем сидят. Он довольно стройный, и, кажется, с возрастом становится еще стройнее, тогда как я начинаю полнеть, но в данный момент мы составляем идеальный баланс. В последнее время я стараюсь одеваться не так претенциозно, как раньше, и с недавних пор прикрываю свои татуировки на запястьях (на одном — имя моего брата, на втором — слово «верю») длинными рукавами. Мы красивая пара, особенно сейчас, когда я покрасила волосы в прекрасный каштаново-красный оттенок, который так гармонирует с цветом волос Оуэна.

Мы хорошо смотримся вместе. Уверенные и надежные.

Я надеваю шелковый топ к своим шортам и поправляю макияж, когда раздается стук в

дверь. До этого момента я не осознавала, как сильно нервничаю, но от резкого удара я чуть не вскрикиваю. Было бы здорово, если бы Кайла, моя соседка по комнате, пошла с нами, ну или хотя бы была сейчас дома. Она всегда находит способ разрядить обстановку, а у меня такое предчувствие, что сегодняшний вечер может оказаться немного неловким.

Или еще хуже — чертовски неловким.

По крайней мере, из-за Джеймса и Оуэна. Первым заходит Джеймс, он коротко кивает мне и поздравляет с днем рождения, после чего кивает Оуэну. Его челюсть напряжена, и он вторит действиям Оуэна — типичное проявление враждебного подозрения. Они смотрят друг на друга, словно два льва на остатки еды, и я в некотором роде удивлена видеть подобное поведение со стороны Джеймса. Обычно он не более чем невзрачная фигура на заднем плане.

Возможно, это потому что Джеймс выглядит так, что с ним лучше не связываться. У него всегда довольно грозный вид: растрепанные темные волосы, бледная кожа, татуировки и пирсинг. Но он не такой пугающий, каким кажется на первый взгляд. На самом деле он сверхчувствительный здоровяк, который сильно переживает о мнении окружающих, но чтобы это понять, вам просто нужно узнать Джеймса.

Признаюсь, меня привлекло в нем именно то, каким человеком он казался. Но как ни печально, в реальности мы друг другу не подошли.

Линден полная его противоположность. Он врывается в комнату и сжимает меня в своих медвежьих объятиях. От него пахнет шалфеем и древесиной. Его руки горячие, словно раскаленная сталь. В объятиях Линдена я чувствую себя в абсолютной безопасности, и часть меня жалеет, что мы так долго с ним не виделись.

— Прими мои запоздалые поздравления, Мальвинка, — бормочет он мне в шею, и я на секунду закрываю глаза. Когда мы размыкаем объятия, я понимаю, что все это время Джеймс и Оуэн смотрели на нас. Подозрение в их взглядах читается еще более явно.

— Спасибо, — говорю я ему, прочищая горло, словно чем-то поперхнулась, в то время как Линден уже делает шаг к Оуэну и протягивает ему руку.

— Рад снова тебя видеть, — говорит ему Линден. Оуэну требуется мгновение, чтобы среагировать и протянуть свою руку в ответ, быстро, легко и без эмоций.

— И я тебя, — говорит Оуэн, после чего его губы сжимаются в тонкую линию.

Мы едем в бар в Джепэнтауне. Линден явно "знаком" с местной управляющей и смог зарезервировать нам столик, хотя при обычных обстоятельствах нам бы пришлось ждать неделю. Возле тускло освещенного ресторана, наполненного людьми с грустными лицами, мы находим дверь без каких-либо опознавательных знаков. Нет никакого условного стука, ничего, лишь номер телефона, по которому нужно отправить сообщение для того, чтобы вас пустили.

Несколько минут мы все вчетвером стоим возле двери, неловко переминаясь с ноги на ногу, в то время как несколько бездомных проходят мимо нас, катя перед собой тележки, полные одеял и пивных банок. Наконец дверь открывается и нас встречает высокая, длинноногая хостесс.

— Привет, Линден, — говорит она, хлопая густо накрашенными ресницами. Однако ее макияж сделан со вкусом и выглядит скорее чувственным, чем вульгарным. Понятия не имею, почему меня это так сильно беспокоит, и почему меня это вообще беспокоит.

Линден скользит по ней своим косым ковбойским взглядом и глупо усмехается.

— Эмили, — приветствует он. — Как ты? — мне нравится то, как движется его язык,

когда он произносит отдельные буквы.

Опустив руку на бедро, она демонстрирует разрез своего платья, открывающий её длинные стройные ноги. Без целлюлита.

— Отлично. Не ожидала, что ты мне позвонишь или что-то в этом роде.

Поджав губы, я стараюсь не рассмеяться. Кто говорит такое дерьмо?

Очевидно, Эмили. Линден только усмехается в ответ.

— Ну, будем считать, что я тебе позвонил, ок?

Эмили прищуривается, не впечатлившись его заявлением.

— Идите за мной.

Она ведет нас по темному узкому коридору, который тянется так долго, что у меня начинают закрадываться подозрения. Возможно, это её хитроумный план по обольщению Линдена? Но тут до нас доносятся приглушенные звуки музыки, и справа я замечаю вход в небольшое помещение. Внутри все блестит от висящих повсюду позолоченных черепов, низкие диванчики обрамлены белым бархатом. За стойкой молодой симпатичный бармен смешивает разноцветные напитки.

Это не классический бар, к которому я привыкла, но здесь все равно довольно мило.

Эмили ведет нас к столику в задней части помещения, и мы с Оуэном занимаем одну сторону кабинки. Меня можно отвести в самый отстойный ресторан или бар, и я все равно буду счастлива, если смогу занять место в кабинке. Мне даже пить необязательно. Комфортно сидеть — одно из самых недооцененных удовольствий в мире. Бархатные подушки супер мягкие и я буквально утопаю в них, откинув голову на обитую бархатом спинку. Растворившись в стене из черепов, я блаженно вздыхаю.

— Я знал, что тебе понравится, — говорит Линден, сядя напротив меня. — Я подумал, что эти кабинки просто вызывают "Стефани".

— Черепа выглядят очень круто, — говорит Джеймс, оглядываясь на Линдена. На самом деле, из нас четверых именно Джеймс смотрится здесь довольно уместно, балансируя на грани между любителями тяжелого рока, роллерами и немногочисленными хипстерами.

Оуэн ничего не говорит в течение нескольких секунд, после чего кивает в сторону бара.

— У них есть водка «Perkele», — говорит он. Это его любимый бренд финской водки и, пожалуй, это максимум из того, что Оуэн может сказать о данном месте. Такого плана бар определенно не его тип заведения, и его сердитый взгляд перемещается от Джеймса к Линдену и обратно.

Часом позже, после того как Линден угостил меня парочкой (грязных-при-грязных) мартини в честь моего дня рождения, Оуэн ушел в уборную, а Джейм отправился на улицу покурить. Мы с Линденом остались наедине.

Я скучала по этому.

— Не думаю, что особо нравлюсь твоему парню, — говорит мне Линден, делая глоток пива и покачивая бутылку в своих огромных руках.

— Оуэну? — спрашиваю я. Немного странно слышать, как его называют моим парнем, особенно из уст Линдена (который после двух грязных-при-грязных мартини выглядит гораздо привлекательнее Оуэна).

— У тебя есть и другие парни, о которых мне следует знать? — спрашивает он, приподнимая свою идеально изогнутую бровь.

— Нет. Но никто из тех парней, что я встречала, не испытывал к тебе особо теплых чувств.

Он улыбается. Это самоуверенная улыбка заядлого подонка и негодяя.

— Это потому, что все они знают, что в один прекрасный день мы поженимся?

Я прищуриваюсь, тогда, как мое сердце начинает биться на порядок быстрее.

— Нет. И не говори ничего такого при Оуэне, ладно?

Он выглядит удивленным.

— Почему нет? Это правда.

Пожав губы, я судорожно пытаюсь отыскать помаду в своей сумочке.

— Это правда, Стеф, — повторяет Линден. Пока я выкручиваю свою пурпурную помаду, он хмурится, глядя на меня. — Только не говори, что ты всерьез думаешь провести следующие несколько лет вместе с этим тупицей.

Я бросаю на него сердитый взгляд.

— Знаешь, я в курсе, что он не кажется таким уж... хорошим вариантом для меня, но я влюблена в него, так что да, я рассчитываю провести с ним следующие несколько лет. И не называй его тупицей.

Линден несколько раз быстро моргает, и его челюсть начинает нервно подергиваться.

— Ты влюблена в него?

— Вот только не надо делать вид, что это просто ужасно, — говорю я, несмотря на то, что выражение его лица внушает в меня чувство страха. — Это должно было произойти. И это хорошо. Правда, хорошо. Я счастлива.

— Счастлива?

Наклонив голову, я внимательно изучаю его лицо. На моих глазах морщинки на его лбу разглаживаются, и челюсть перестает дергаться. Он расслабляется и снова становится моим лучшим другом Линденом. Я не уверена, кем был тот другой парень, но думаю, что хотела бы пообщаться с ним чуточку дольше.

— Не обращай внимания, — отвечает он быстро. — Ты счастлива. Ну, тогда, черт возьми, я рад за тебя, Мальвинка, реально рад. А он — гребаный счастливчик.

Я все еще внимательно наблюдаю за Линденом.

— Ты, правда, хотел на мне жениться? — спрашиваю я. — Или ты просто хотел жениться?

На его губах появляется улыбка.

— Теперь ты этого не узнаешь.

Оуэн возвращается из уборной, и я сажусь назад на свое место, посылая ему широкую улыбку. Я чувствую себя так, словно сделала что-то неправильное, хотя, по сути ничего такого я не делала.

Стукнув ладонью о стол, Линден извиняется и встает. Я смотрю на его высокое, мускулистое тело, когда он идет, по всей видимости, за Джеймсом. Большинство женщин в зале провожают его своим взглядом, наблюдая за тем, как он пересекает комнату.

От женского внимания, направленного на Линдена, мое сердце словно жалят медузы, но я сглатываю и смотрю на Оуэна.

Оуэн — милый парень. Он надежный. Он моя опора. Он никуда не денется.

Я влюблена в Оуэна Гири. Двадцать седьмой год станет лучшим годом в моей жизни.

ЛИНДЕН

— Привет, придурок, — раздается голос моего брата из телефонной трубки.

— От придурка слышу, привет, — отвечаю я, прочистив горло. Похоже, я заболеваю, в горле дерет так, словно туда засунули колючую проволоку. Только этого мне сейчас не хватало.

— Чего тебе?

— Ну, я собирался пожелать тебе счастливого дня рождения, тупой ты осел.

— Точно, — говорю я, кивая, хоть он меня и не видит. Я выуживаю из кармана джинсов ключи от машины и открываю свой Jeep. На заднем плане поднимается в воздух один из вертолетов, и я быстро забираюсь в машину, чтобы лучше слышать Брэма.

— Ты в аэропорту? Только не говори мне, что работаешь в свой день рождения.

— Большинству людей приходится работать в свой день рождения, — замечаю я. Конечно, Брэм вообще ни черта не работает, он просто тусит в окрестностях Манхеттена, словно какой-то особо привилегированный плейбой. Кто-то может сказать, что я не сильно от него отличаюсь, но, по крайней мере, у меня есть работа и карьера. Брэм же всю свою жизнь живет на деньги наших родителей. Еще смешнее то, что он старше, и по идее должен подавать мне пример.

В какой-то степени это действительно так. Когда я окончил школу, то поклялся себе никогда не быть таким, как Брэм.

— Тебе следует взять выходной, — говорит он. Его слова прерывает зевок, и я практически вижу его со сложенными за головой руками. — Ты уже говорил с мамой и папой?

Я вздыхаю, откинувшись на спинку сидения. Сейчас апрель, но на улице чертовски холодно. Даже несмотря на то, что я переехал в Сан-Франциско когда мне было двадцать с небольшим, я все еще не могу привыкнуть к здешнему климату. В Нью-Йорке времена года сменяют друг друга в правильном порядке, есть зима, весна, лето и осень. В Аберлине, в Шотландии, где я вырос, климат так же довольно мягкий и приятный. Но здесь же осенью всегда стоит жара, летом жуткий холод, и большую часть времени довольно туманно. Меня одолевает желание завести Jeep и включить обогреватель, но я тут же представляю, как Стефани начнет надо мной потешаться.

— Нет, я не разговаривал с родителями несколько недель, — говорю я ему. И мы оба понимаем, что я имею в виду. Под словом родители я подразумеваю исключительно отца. Мать никогда не звонит мне, и это чертовски круто.

— Надеюсь, они не забудут про твой рождения, — говорит Брэм так, словно надеется, что они и правда забудут. — По крайней мере, у тебя хороший брат.

Я закатываю глаза.

— Ага.

— Послушай, — продолжает он, и по его тону я понимаю, что мой день рождения далеко не та причина, по которой он мне звонит. — Я тут подумал, не окажешь ли ты мне

одну услугу.

Я тереблю мочку уха, немного удивившись.

— Оказать тебе услугу?

— Да, Линден, это то, что братья делают друг для друга. Я собираюсь приехать в Сан-Франциско на следующие выходные и планирую привезти свою девушку. Она любит Алькатрас. Как думаешь, ты сможешь свозить нас туда?

— Свозить вас туда? — ошеломленно переспрашиваю я. Какого черта?

— Да, — отвечает он, как ни в чем не бывало. — Я имею в виду, на вертолете.

Я выпускаю долгий усталый вздох и пощипываю себя за переносицу, пытаясь собраться с мыслями.

— Брэм, послушай. Я работаю на чартерную компанию. И у меня вообще-то нет собственного вертолета, чтобы возить тебя повсюду.

— Ну, тогда мы возьмем его в аренду.

— И я не могу просто так полететь на Алькатрас. Это частная собственность. Ты не можешь приземлиться там без разрешения. Я даже не уверен, если ли там посадочная площадка.

— Так получи разрешение.

Я снова вздыхаю.

— Не выйдет. С чего ты вообще сюда собрался? Ты никогда не бываешь на западном побережье.

— Мне скучно, — говорит он. — А у Эйзерры есть родственники в районе залива.

— Эйзерра?

— Моя девушка.

— Точно, ее именно так и зовут.

— По крайней мере, у меня есть девушка.

— Чудно, Брэм. Сколько тебе, тридцать два?

— А тебе?

— Двадцать восемь, сегодня. Но мы говорим не обо мне.

— Ну так что, ты сможешь отвезти нас?

— Подожди, — говорю я ему раздраженно и открываю календарь у себя в телефоне. На утро у меня запланировано несколько полетов, но после обеда я свободен. Я говорю ему, что могу забронировать это время для него, но не ручаюсь, что меня не отправят на частный рейс. И в любом случае мы не полетим ни на какой чертов Алькатрас.

Положив трубку, я сразу же пишу сообщение Стефани.

Что ты делаешь в следующие выходные? Не хочешь прокатиться?

Она знает, что это означает, Стеф уже пару раз поднималась со мной в воздух, и ей безумно это нравится. Мой лучший друг Джеймс тоже любит летать, но в его компании у меня не возникает то чувство, что я испытываю, наблюдая за Стеф. Во время полета её лицо буквально сияет, и она ерзает на месте, как маленький ребенок. Кроме того, она будет превосходным буфером между мной и моим братом, и я уверен, что ей легко удастся найти общие темы для разговора с Эйзеррой. Стеф каким-то образом удастся находить общий язык со всеми, ну или практически со всеми, тогда как Джеймс обычно ведет себя как маленький убудодок-эмо.

Ответ от нее приходит довольно быстро.

Конечно, Джеймс полетит?

Я чувствую себя отчасти виноватым из-за того, что не приглашаю и его тоже. Хотя, это скорее вопрос вменяемости вертолета.

Нет, мой брат будет в городе со своей девушкой, так что будем только мы вчетвером.

Проходит несколько секунд, прежде чем она отвечает.

Типа двойное свидание?

Я не знаю, тебя это смущает? — пишу я в ответ.

Заткнись, — отвечает она. — **Ладно, звучит отлично. Так мы идем сегодня в «Лев»?**

Закрыв глаза, я откидываюсь на подголовник. Сейчас я даже думать не могу о том, чтобы вечером что-то праздновать. На самом деле, я просто хочу лечь спать.

Наконец, я отвечаю ей.

Не уверен, что пойду.

Она пишет:

Но сегодня же твой день рождения.

Я в курсе. Похоже, я слишком устал. Так что лучше я просто останусь дома, посмотрю фильм и немного отдохну.

Ты стареешь, — отвечает она. Может, Стеф и права. Раньше я бы отправился тусить, не смотря ни на что. Но сейчас сама мысль о том, чтобы куда-то пойти, кажется мне смерти подобна.

Что бы мне действительно хотелось сделать, так это пригласить ее посмотреть фильм вместе со мной.

Я бы так и сделал, но тогда мне придется пригласить и Джеймса, а если сильно повезет еще и ее подругу Николу, которая постоянно требует к себе внимания. Но сегодня мне как никогда не хочется их видеть, я хочу, чтобы рядом была только Стеф.

Несколько лет назад я заключил со Стефани соглашение, согласно которому мы поженимся, если к тридцати годам не будем с кем-то в серьезных отношениях. Ей исполнится двадцать восемь только в октябре, и у нас есть еще пара лет в запасе. Но месяц назад Стеф разорвала отношения со своим бывшим — Оуэном — который все это время вешал ей лапшу на уши, и последние два месяца я не видел никого с ней рядом.

Жаль, что мне сегодня не стукнуло тридцать, тогда бы я наконец-то начал действовать.

Я знаю, что Стефани считает это соглашение всего лишь шуткой и думает, что я заключил его ради веселья и уж точно не для того, чтобы когда-нибудь жениться на ней. А с чего ей думать иначе? Романтика, секс — ничего такого у нас никогда даже и близко не было. Мы не более чем хорошие друзья с тех самых пор, как впервые встретились.

Но на самом деле все было не совсем так. Когда я впервые положил на нее глаз, она была одета в тесные джинсы и рваную майку, демонстрировавшую нужное количество обнаженной плоти, а ее волосы были сумасшедшего синего цвета. В тот момент мысль о том, чтобы стать ее другом, была бы последним, что пришло мне на ум.

Я хотел трахнуть ее, очень сильно хотел.

Но был Джеймс, с которым она тогда встречалась, и это стало началом конца. Так что вместо того, чтобы трахнуть Стеф, я стал ее другом.

Хотя, желание трахнуть ее никуда не делось. Но я стараюсь изо всех сил не показывать этого. Хотеть девушку своего друга — полный отстой. Ты не должен этого делать. Даже

когда их отношения рушатся, а ты оказываешься посреди этих обломков. Даже тогда ты не должен и думать об этом.

Тем более что мы стали хорошими друзьями.

Тем более что я иногда думаю, будто Джеймс все еще в неё влюблен.

Тем более что Стеф считает меня самым большим в мире игроком.

И она права. Но если бы я когда-то поиграл с ней, у неё бы не осталось причин так думать.

В какой-то мере наше соглашение выглядит довольно глупо, на самом деле оно просто откладывает то, о чем я мог бы позаботиться уже сейчас. Но я боюсь переходить к активным действиям, потому что Джейм все еще может быть влюблен в Стеф. Я боюсь, что она отвергнет меня и скажет, что никогда не воспринимала меня больше, чем просто друга, я боюсь, что она не захочет рушить нашу дружбу. Мне реально страшно, что тем самым я запросто могу испортить отношения сразу с двумя своими лучшими друзьями.

Так что, соглашение пока отходит на второй план.

Еще два года, и тогда я займусь этим.

Еще два года, и все изменится, к лучшему или к худшему.

Боль в горле становится еще сильнее. Я еду к себе домой и к тому моменту, как оказываюсь перед собственной дверью, меня охватывает грусть.

Я принимаю горячий душ, стараясь согреться, после чего достаю из шкафа спальный мешок и заворачиваюсь в него. Он пахнет сосной, навевая воспоминания о Джеймсе, Стеф и ее соседке по комнате Кайле.

Я вспоминаю, как мы разбили лагерь возле лесов Мьюир. Мы со Стеф разжигали костер, и я был так пьян, что моя речь не попадала ни под какую цензуру, правда лилась из моего рта сплошным потоком, и я не мог ничего с этим поделать. Опасно так напиваться; я был чертовски близок к тому, чтобы рассказать Стеф о своих настоящих чувствах.

Думаю, она заметила, что со мной что-то не так, потому что наша беседа внезапно перешла к Кайле.

— Думаешь, она горячая штучка, да? — спросила Стеф.

Я пожал плечами.

— Конечно.

Кайла и правда была горячей штучкой. Спортивная и подтянутая, с кремовой кожей японки и длинными черными волосами. Я бы даже назвал её милой, не будь она такой злокой. Но она — не Стефани.

— Я думаю, ты ей нравишься, — сказала Стеф.

— Мы что, в начальной школе? Она сказала тебе это на переменке?

Стеф молча смотрела на меня какое-то время, после чего, поджав губы, сказала:

— Прекрасно, думаю, она хочет с тобой трахнуться. Так лучше?

Я не мог понять, зачем она это делает. Она специально провоцирует меня, желая услышать, что меня не интересует ее подруга? Или она действительно старается свести меня с Кайлой? К чему все это?

— Не уверен, что это хорошая идея, — сказал я ей, потому что так оно и было.

Я сделал шаг к Стефани. Ее голубые глаза были огромными, словно луна в ночном небе, и чем ближе я подходил, тем больше они становились.

— Думаю, вы были бы хорошей парой, — сказала она, после чего резко развернулась на каблуках и пошла обратно к костру.

Позже той ночью я действительно трахнул Кайлу, прижимая ее тело к дереву, а ближе к утру мы продолжили в моей палатке, как только Джеймс ушел готовить завтрак.

Мы не стали хорошей парой. Я и Кайла дурачились еще несколько недель, после чего я бросил ее, и мне какое-то время пришлось не ходить к Стеф домой.

Кроме того, трахаясь с Кайлой, я чувствовал, что трахаюсь с кем-то другим. В тот момент последняя надежда на что-то большее между мной и Стеф исчезла. После Кайлы я принял осознанное решение выбросить Стеф из своей головы. Я перетраhal бесчисленное множество девушек, и стал тем игроком, которым Стефани меня всегда считала. Я сделал все, что мог, чтобы быть для нее просто другом.

И это сработало. Но жизнь не стоит на месте, в двадцать пять я уже устал от стройных длинноногих девушек, не имевших для меня никакого значения. Не этого я хотел от жизни. Все это уже было в моем детстве — равнодушие и безразличие, пристрастившаяся к таблеткам мать и бессердечный отец; мои родители никогда не проявляли к друг другу ни капли любви, не говоря уже о нас с братом. Я вырос в высшем обществе омертвевших сердец, ленивой морали и жестоких амбиций.

Я не хотел стать таким же как они. Мне хотелось чего-то чистого и настоящего, пускай это звучит словно сопливая ерунда, потому что я действительно нуждался в ком-то, с кем мог разделить всю свою жизнь.

И я хотел Стеф. Свою лучшую подругу. Она была моей мальвинкой, а я был ее ковбоем.

Так и появилось соглашение, это дурацкое соглашение.

Положив спальный мешок на диван, я сворачиваюсь на нем клубочком. Я думаю о том, чтобы включить телевизор, но усталость берет верх, и я проваливаюсь в сон.

Меня будит звонок мобильного. Вся подушка и щека в моей слюне.

Я быстро вытираю рот и отвечаю. Это Стеф.

— Эй, Стеф, — говорю я, но вместо этого получается лишь хриплое бормотание.

— Линден? Ты в порядке?

— Ага, прости, — говорю я, откашливаясь. — Просто немного вздремнул.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как самый больной на свете человек.

— Мне приехать?

Да, мне чертовки нужно, чтобы ты приехала. Я с трудом сажусь ровнее.

— А ты наденешь униформу распутной медсестры?

Пауза.

— Ты — свинья.

— Хрю. А если серьезно. Униформа медсестры?

— Ты хочешь, чтобы я пришла или нет?

Я усмехаюсь.

— Да, да. Я буду ждать тебя на диване.

— Пожалуйста, пусть на тебе будет одежда.

— Никаких обещаний.

Через сорок пять минут я слышу как Стеф вставляет в дверь запасной ключ; она появляется на пороге, держа в руках два пакета с продуктами. У нее обеспокоенный вид: лицо немного покраснелось, а длинные волосы спутались. Стеф выглядит так, словно у нее только что был секс, и я могу представить, как она бросает свои пакеты, подходит к дивану и, задрав юбку, садится на меня верхом.

Я пытаюсь поправить свои штаны под спальным мешком, чтобы моя эрекция не была столько очевидна.

— Выглядишь дерьмово, — говорит она, прежде чем отнести пакеты на кухню. Я слышу, как она копается там так, словно это ее кухня. Раздаются звуки открывающихся шкафчиков, включается чайник.

Когда она возвращается, я замечаю у нее в руках маленький пластиковый стаканчик, наполненный синей жидкостью.

— Хочешь накачать меня? — спрашиваю я.

— Да, это «Nyquil» (прим. «Nyquil» — противо-простудное средство), — говорит она. Стеф подносит стаканчик к моему лицу. — Выпей или умри.

Я осторожно забираю его у неё из ее рук.

— Если я правильно помню, то в последний раз, когда я выпил Nyquil, я и правда чуть не умер.

— Это потому, что ты выпил весь блок из шести бутылок. Так что пей.

Выпив противный голубой сироп, я расслабляюсь на диване. Должен признаться, что в некотором роде здорово, когда кто-то заботиться о вас, особенно если у этого кого-то такая же клевая задница, как у Стефани. Кажется, что она становится лучше и лучше с каждым днем.

Стеф уходит на кухню и возвращается с кружкой горячего чая, от которого идет пар.

— С лимоном и медом, — говорит она. Стеф собирается снова развернуться и направиться на кухню, но я останавливаю её, схватив за руку.

Мое движение удивляет ее, она молча смотрит на мою руку, сжимающую ее запястье.

— Просто расслабься, Мальвинка, — говорю я и тяну ее к себе. — Прекрати обо мне волноваться.

Она улыбается, и на её щеках появляется легкий румянец.

— Прости. Старые привычки.

Я сочувственно ей киваю. Бедная Стеф. Когда она была моложе, ее младший брат умер от какого-то аутоиммунного заболевания. Она редко говорит об этом, так что меня удивляет, что она упомянула о нем сейчас. Я знаю лишь то, что он был яркой звездочкой для всей ее семьи, мальчиком-гением, но с годами стал очень восприимчив к болезням. Он умер от пневмонии, когда Стеф было восемнадцать, а ему четырнадцать. Думаю, она провела много времени, заботясь о нем.

Я отпускаю ее руку, осознавая, что держал ее дольше, чем следовало.

— Садись, это приказ.

— Знаешь, может мне стоит заказать тебе медсестру в качестве подарка на день рождения.

Я приподнимаю бровь.

— Да, кстати, а где униформа?

Она вздыхает и сдается, присаживаясь на краешек дивана у моих ног. Прядь бронзовых волос падает ей на лицо, и я смотрю на неё несколько секунд, думая, уберет ли она её. Мне не нравится, что эта прядь скрывает выражение её лица, но Стеф очень часто нарочно прячется за своими волосами. Ее лицо настолько выразительно, что все её эмоции как на ладони.

— Чем хочешь заняться? — спрашивает она, перекладывая мои ноги себе на колени.

Она смотрит на них с наигранным презрением.

— Я не буду массировать тебе ноги, если ты об этом подумал.

— Я ничего такого не думал. Что ты хочешь посмотреть? Телевизор? Я записал Симпсонов на DVD, все сезоны, еще есть Американская история ужасов и странное дерьмо от Клайва Оуэна.

Стеф поворачивает голову и смотрит на меня с любопытством. И только тогда я осознаю, что она и так знает, что у меня есть; она была в этой квартире миллион раз, и мы бесчисленное множество раз пересматривали все мои DVD. Просто сейчас здесь нет Джеймса, и похоже, что я веду себе как идиот.

Я тянусь за чаем, пытаюсь себя чем-то занять. Если бы бутылка Nyquil была сейчас под рукой, я наверное бы выпил и её.

— Давай посмотрим что сейчас идет по TV, — говорит она, беря пульт от телевизора, и начинает листать каналы. Я смотрю на ее маленькие нежные ручки и темно-зеленый перламутровый лак на её ноготках, нанесенный с нереальной точностью. Цвет её волос меняется словно окраска хамелеона, и мне интересно, были ли её волосы когда-нибудь такого же зеленого цвета. Кто знает, какой она была до того, как я ее повстречал. Даже несмотря на то, что я знаю её уже много лет, есть так много всего, что я до сих пор не знаю о ней, и так много того, что я хотел бы узнать.

Спустя мгновение я спрашиваю, — Так ты нашла уже помещение?

Она отрывает взгляд от яркого рекламного ролика.

— Помещение?

— Для твоего магазина.

Она моргает несколько раз.

— Ох. Нет.

— Стеф... — начинаю я.

— Что?

— Давай я помогу тебе.

Ее брови поднимаются.

— Поможешь мне?

Я вздыхаю и сажусь.

— Да, помогу. Что тебя останавливает? Время, деньги? Я могу помочь тебе и с тем и с другим.

Она нервно хихикает.

— Нет, не можешь. И даже если бы мог, проблема не в этом.

— Тогда в чем проблема?

Она снова смотрит на экран, крутя в руках пульт от телевизора.

— Я не знаю. Но я точно знаю, что хочу сделать все сама, — она поджимает губы и наконец-то убирает прядь волос за ухо. — Почему из всех, кого я знаю, ты единственный, кто спрашивает меня об этом?

Я наклоняю голову.

— Я?

Она кивает.

— Ага. Мои родители все еще думают, что это какая-то нелепая мечта, все остальные просто вежливо кивают, когда я рассказываю им, что хочу начать свой собственный бизнес. Ты — единственный, кто продолжает спрашивать об этом, продолжает подталкивать меня к моей мечте.

— Ну, думаю, всем нам нужен человек, который будет напоминать нам о том, что действительно важно, — говорю я ей на чистоту. — Я думаю, ты гораздо лучше большинства управляющих впариваешь наряды, которые сможет носить только некое двуполое создание на канале SNL. Так что тебе следует обзавестись собственным магазином. Ты заботишься об одежде, здорово находишь общий язык с людьми, даже если ненавидишь кого-то из них. У тебя превосходный стиль, вкус... — я останавливаюсь. — Думаю, это сделало бы тебя счастливой. Ты заслуживаешь счастья.

Она сглатывает и смотрит на меня несколько секунд. Надеюсь, в моих глазах она прочтает, что я искренно верю в то, что только что сказал. Стефани амбициозна, она сильная, умная и сможет многого добиться. Ей просто нужен правильный толчок и кто-то, кто сделает этот толчок.

Я хочу быть этим кем-то.

Меня в некотором роде удивляет, что я единственный, кто поддерживает её в этом. Отчасти это лестно, отчасти обременительно. Интересно, а что Джеймс? Когда они были вместе, подбадривал ли он Стеф, подталкивал ли к ее мечте? В конце концов, он сам стал владельцем собственного небольшого бизнеса. Что на счет других ее парней или друзей? Разве они не беспокоятся о ней, не видят ее потенциал?

Она снова переключает свое внимание на экран телевизора и не произносит больше ни слова. Через несколько минут Стеф находит диснеевский мультфильм «Вверх». Похоже, она не видела его раньше, и я не говорю ей, что уже смотрел этот мультфильм и что он вовсе не такой веселый и беззаботный, как кажется.

Спустя некоторое время перед нами разворачивается трагическая сцена, ничего не могу с собой поделать, я всей душой сопереживаю главным героям, а мое сердце ноет боли. Да, хоть я и веду себя как мачо, но этот бедный старик из мультфильма не может оставить меня равнодушным. Я с удивлением слышу всхлипывания и, повернув голову в сторону Стеф, с еще большим удивлением вижу слезы, струящиеся у неё по щекам.

— О, боже, ты плачешь, — говорю я. С моей стороны было не особо тактично ловить её на этом, но до этого момента я лишь однажды видел, как она плачет — после расставания с Джеймсом и кучи выпитых бутылок вина.

Она отворачивается от меня и начинает усердно вытирать свои слезы.

— Я не плачу.

— Нет, плачешь, — я не могу сдержать улыбку. — Ты такая милая, когда плачешь, — говорю я и, схватив её за руку, притягиваю к себе.

— Прекрати, — говорит она, смеясь и плача одновременно, и прислоняется к моей груди. Я неосознанно вытираю слезы с ее щек своими большими пальцами, мягко скользя по ее коже. — Это было грустно, — бормочет она, боясь встретиться со мной взглядом. Ей неловко и она смущена.

Я ничего не говорю. Просто смотрю на нее. Она выглядит такой уязвимой, что в моей груди что-то содрогается.

— Очень грустно, — продолжает она, слегка хмурясь, как будто не совсем понимает, почему я все еще смотрю на нее. — Бедный старичок потерял свою жену и у него совсем ничего не осталось.

— Да, — говорю я, но звук выходит не громче шепота. Я вообще не думаю сейчас о мультфильме.

Ее глаза такие голубые и такие огромные, что похожи на чистое утреннее небо. Я

смотрю на её идеальные полные губы и провожу большим пальцем по нижней губе, после чего слизываю со своего пальца соль от ее слез.

Мне просто нужно это сделать. Мне, черт возьми, просто нужно это сделать.

Я громко сглатываю, в моем горле ком, и я знаю, что виной этому не простуда. Все дело в моем желании и страхе.

— На что ты смотришь? — спрашивает она, и ее голос слегка дрожит.

Просто поцелуй ее, черт тебя побери.

— У меня в глазах двоится, — шепчу я. И это разрушает все волшебство.

Она вздыхает с облегчением.

— Ох, — говорит Стеф. — Кажется, тебе унесло так же далеко, как того воздушного змея.

Я посылаю ей разочарованную улыбку.

— Это все «Nyquil».

Она встает и отходит от меня, снова усаживаясь на краешке дивана.

— Ну, если ты отключаешься, то я, наверное, не буду тебе мешать.

Я бы предпочел, чтобы ты этого не делала, думаю я, но не произношу это вслух. Откинувшись на подушки, я краем глаза смотрю, как на экране телевизора счастливые моменты мультика сменяют друг друга. Стеф тихонько хихикает, и мое сердце тает. Надо было принять побольше «Nyquil», чтобы скрыть свои чувства, но вскоре к собственному облегчению я засыпаю.

Еще два года.

Как много всего может измениться за эти два года.

СТЕФАНИ

Я сделала это. Я все-таки это сделала.

«Fog&Cloth» наконец-то увидел свет.

Мне понадобилась целая неделя, чтобы осознать тот факт, что двери моего магазина открылись. Больше того, туда приходят люди и покупают вещи. Они покупают гребанные вещи! У меня!

Я, мать вашу, действительно это сделала. Теперь я владелица и управляющая собственного, черт его побери, магазина одежды.

Все совпало и получилось как нельзя кстати.

По крайней мере, мне так кажется. Я кое-как согласовала по времени открытие магазина со своим двадцать девятым днем рождения, несмотря на то, что последнее выпадало на неделю раньше. В прошлом году у меня в заднице словно появился маленький моторчик, и я наконец осуществила задуманное. Но если бы не придирки Линдена, не уверена, что это случилось бы вообще.

Полагаю, что на меня главным образом подействовал тот факт, что он не переставал предлагать деньги, чтобы помочь с бизнесом. Но проблема была не только в деньгах. За долгие годы я накопила достаточно денег, к тому же, мой отец выделил мне кругленькую сумму, когда я закончила среднюю школу. Он считал, что я собираюсь получать дорогое профессионально-техническое образование, но вместо этого я лишь год проучилась в художественной школе, откладывая все остальное на потом.

Но предложения Линдена были чрезвычайно искренними и шли от сердца. Порой казалось, что он был единственным, кто верил в меня и уговаривал идти к своей мечте. Наверно, это потому что он сам как никто шел к своей. Было приятно, что есть кто-то, кого ты хочешь заставить гордиться собой. Моя семья питала на мой счет другие надежды. Они планировали, что я пойду по стопам своего брата. Кажется, порой мои родители забывают, что это были мечты моего брата и только его, и они умерли вместе с ним.

Магазин одежды никогда не входил в их планы. Но это то, чего хотела я, даже если они были против. И с тех пор, как Линден начал без умолку твердить мне о магазине, я решила сделать это и доказать ему, что и я что-то могу. Я хотела показать Линдену, что смогу добиться успеха без его денег, но с его поддержкой.

Я хотела, чтобы родители увидели, что я все еще жива, что я рядом, и делаю что-то стоящее.

И я это сделала. Было нелегко. Я отрабатывала полный рабочий день в «AllSaints», а вечера проводила за исследованиями, составлением планов или расчетом бюджета. Я редко куда-то выходила. Большую часть времени я проводила как анти-социальный отшельник, а когда я им не была, то общалась с представителями этой же сферы – покупателями, дизайнерами, мерчендайзерами, производителями, моделями. Каждую свободную минуту своей жизни я заполняла вещами и людьми, которые впоследствии могли стать полезными.

Каким-то образом дни тяжелой работы переросли в недели тяжелого труда, а те в

месяцы напряженной работы.

И вот я пришла к этому.

Мне еще никогда не была так страшно, как в день открытия.

Я боялась, что никто не придет, и что всем будет просто наплевать. Переживала, что одежда на стеллажах так и останется нетронутой, касса не откроется, а закуски и шампанское не привлекут даже случайных прохожих, проходящих мимо магазина.

Было такое ощущение, будто весь мой труд и все мои мечты воплотились в этом дне. Но это было только начало. День прошел просто отлично, люди приходили, пили шампанское из моих стаканчиков и ели мои дешевые закуски. Одежда покупалась. Моими витринами любовались. Меня поздравляли. Этот день не был днем осуществления моих мечтаний, этот день стал лишь началом их реализации.

Это было нечто.

Линден и Джеймс тоже пришли. Линден привел свою девушку.

Да. Девушку.

Надин Коллингвуд.

Я до сих пор не могу в это поверить, даже после того, как лично познакомилась с ней. Она милая, что меня удивило, и на вид нормальная. Женщины, с которыми Линден прежде встречался, были похожи друг на друга как две капли воды — высокие, худые, длинноногие, со светлыми волосами, достойными красоваться в рекламе шампуня, и с фальшивыми улыбками, блестящими белоснежными винирами. По правде говоря, каждая из них — полная моя противоположность.

Но Надин совершенно другая. Она среднего роста, не столько худая, сколько стройная и подтянутая, с прямыми рыжими волосами и россыпью веснушек на светлой молочной коже. Она носит джинсы и фланелевые блузки, ничего интересного, но этот стиль девочки-сорванца ей идет.

Если подумать, то она смахивает на шотландку. Возможно, Линден скучает по родине. Он перехал в Штаты, когда учился в средней школе, его отец получил работу в ООН в Нью-Йорке.

Как бы то ни было, кажется, он счастлив. Я рада за него. Правда, рада. Клянусь, так онс и есть. К тому же, она хорошая, и значит будет хорошо с ним обращаться. Полагаю теперь, когда мы становимся старше, он начинает задумываться о том, чтобы свить свое гнездышко с кем-то. С кем-то, кто не похож на меня.

Возможно, наше соглашение в итоге потеряет свой смысл. Скорее всего к тридцати я одна останусь не замужем, а Линден и Надин сыграют экстравагантную свадьбу и обзаведутся мини копиями Джерарда Батлера.

Стук в витрину магазина заставляет меня оторваться от мыслей о приторно сладкой свадьбе. Я смотрю в окно и вижу, как Джеймс машет мне рукой с улицы. Держа в руках большую хозяйственную сумку, набитую всякой всячиной, он глуповато улыбается.

Я подхожу к двери, размышляя о причинах его визита. Я должна была уйти домой еще час тому назад и подготовиться к сегодняшнему вечеру. Думаю, Джеймс что-то приготовил по поводу моего дня рождения в «Бургундском льве», но я абсолютно потеряла счет времени. В последние дни такое часто случается. Иногда я засиживаюсь в магазине допоздна, уходя не раньше десяти вечера.

Я открываю дверь, и меня сразу же встречает прохладный бриз из Саттера. На улицы опускается туман, захватывая в свои объятия вершины зданий через дорогу.

Джеймс широко улыбается, поглядывая на меня сверху вниз.

— Так и знал, что ты все еще здесь.

Я немного удивлена видеть его здесь, но шире открываю дверь, приглашая Джеймса войти.

— Знаю, извини. Однажды, я повешу табличку «Закрыто» или же стану достаточно успешной, чтобы нанять сотрудников, которые будут это делать за меня.

Джеймс заходит внутрь, принеся с собой запах дождя. Я замечаю, что его черные волосы мокрые, влажными прядями они спускаются вдоль его шеи до самых плеч, прилипая к воротнику джинсовой куртки.

— У тебя там идет дождь? — спрашиваю я. Он живет в Хайт, возле парка Золотые ворота, а там погода всегда немного отличается от той, что внизу.

Джеймс молча кивает. Пройдя через весь зал широкими шагами, он ставит свою сумку на прилавок, прямо на мою документацию.

— Что все это такое? — спрашиваю я его, скрестив на груди руки.

Он заглядывает в сумку и достает от туда бутылку красного вина, клетчатый плед и несколько небольших пластиковых контейнеров. Должна заметить, вино не простое, это одно из тех дорогих искусственно состаренных вин в покрытой пылью бутылке. — Это твой день рождения.

Я хмурюсь в недоумении. — Не понимаю.

— Линден с Надин не придут, — говорит он и внимательно на меня смотрит.

— Что? — переспрашиваю я, чувствуя острую боль от его слов.

Он приподнимает бровь, явно удивленный моей реакцией.

— У нее, кажется, аппендицит. Они в больнице, на обследовании.

— О, — говорю я, и боль превращается в чувство вины. — Боже, вот невезуха. Она в порядке?

Он пожимает плечами. — Наверное нет, но я уверен, что если будут какие-то проблемы, они просто это удалят. Так что здесь только ты и я. Я подумал, что так будет гораздо веселее, чем просто пойти в «Лев».

Я разглядываю то, что походит на составляющие романтического пикника. За все то время, что мы были вместе, Джеймс никогда не делал для меня ничего подобного. Нужно поразмыслить над тем, что сейчас происходит, и как все это изменить.

К тому же, я не уверена, что провести вечер с ним наедине будет веселее, чем просто посидеть в баре.

— Не смотри так подозрительно, — говорит он и отводит взгляд в сторону, явно упав духом. — Это же твой день рождения, не так ли? Я что, не могу сделать что-то приятное для тебя?

Ну вот, другое дело. Теперь это больше похоже на Джеймса, которого я знаю. Переменчив и раним.

— Конечно, можешь, — говорю я. — Я лишь немного удивлена, только и всего. Просто не припомню, когда в последний раз мы делали что-то вдвоем, только ты и я.

— Знаю. Именно поэтому я и подумал, что это отличная идея. — Развернув плед, он кладет его на пол перед прилавком, прямо между стойкой с украшениями, на поиски которых я потратила несколько месяцев, и подносом со всякой ерундой. Усатые пластыри, леопардовые резинки для волос, как ни странно, все это снова в моде.

Поставив на плед бутылку вина, он вытягивает из сумки пару бокалов и снимает

крышки с контейнеров.

— Ты можешь присесть, если что, — говорит Джеймс, указывая на одеяло.

Я послушно сажусь и рассматриваю содержимое контейнеров. Клубника в шоколаде, сыр и компот. Еще я замечаю жареный картофель в беконе. Здесь все, что я люблю.

— Вау, — говорю я. — Я впечатлена.

— Это последний год в твоём двадцатом десятке. Ты должна проводить его с шиком.

Я улыбаюсь, удивленная таким вниманием с его стороны. Мы с Джеймсом расстались довольно давно, наши отношения изменились и сейчас все это по меньшей мере странно. — Что ж, спасибо.

— Не стоит. Для этого и нужны друзья, верно? Позволь мне, — говорит он и наливает вина в мой бокал, после чего кладет мне в руку небольшую вилку и подталкивает коробку с картофелем в беконе.

— Ты сам все это приготовил? — спрашиваю я, глядя на аппетитные закуски.

Он качает головой, выглядя немного смущенным.

— Нет, я купил это в WholeFoods.

Должна признаться, мне немного полегчало. Я уверена, что Джеймс хороший повар и все такое, но сама мысль о том, что он готовит что-то специально для меня, кажется мне не совсем правильной, даже если все это чисто по-дружески.

Я беру кусочек и кладу в рот, наслаждаюсь ароматной корочкой. — Вкусно.

Он лучезарно улыбается в ответ. — Приятно слышать.

Попробовав вина, я хвалю и его тоже. Интересно, мне кажется или ситуация действительно становится немного неловкой? Не важно. Нет ничего плохого в том, что два друга вместе отпраздную день рождения одного из них. Даже если со стороны это выглядит несколько странно.

Вскоре атмосфера немного разряжается. Возможно из-за вина, возможно из-за разговоров о моем бизнесе, но у меня складывается такое ощущение, что мы вернулись в старые добрые времена. После того, как мы закончили с картофелем и перешли на сыр, наш разговор сместился с темы музыки на что-то более личное.

— Ты ведь не относишься серьезно к этому соглашению с Линденом, не так ли? — спрашивает он как бы невзначай. Но когда я смотрю на него, то замечаю, как сильно сжаты его челюсти.

— Серьезно? Нет, что ты. — По крайней мере, не больше, чем я готова в этом признаться.

— Хорошо.

— Почему?

— Ну, знаешь... Я просто не хочу видеть, как тебе будет больно, ну, если ты и правда питаешь какие-то надежды по этому поводу.

— Почему мне будет больно?

Он пожимает плечами.

— Линден игрок, ты же знаешь. Ты ему нравишься, Стеф, но только как друг. Я бы не хотел, чтобы ты думала иначе. Было бы глупо разрушить то, что у вас есть, ребята, есть, только из-за того, что он любит заигрывать и все время играет. Он же никогда не относился серьезно к этому соглашению, и ты это знаешь. Вот с Надин у него все серьезно. Не удивлюсь, если они пожениятся до тридцати.

Из меня словно весь дух вышибли. Я молча пытаюсь отдышаться, взять себя в руки.

Должна признаться, такой бурной реакции я от себя не ожидала. — Это было бы слишком быстро для Линдена. Они вместе не больше месяца.

— Да, но они спали вместе задолго до этого.

У меня глаза полезли на лоб. Этого я не знала.

— Спали?

Он кивает и смотрит на меня так, словно бы я ничего не знаю о жизни. — Она работает на ресепшне в чартерной компании Линдена. Конечно, спали. С самого первого дня.

— Я понятия не имела, — тихо говорю я. Мое сердце бьется все медленнее.

— Что ж, может вы не настолько близки, как ты думаешь, — говорит он и еще одна стрела попадает прямиком в мое сердце. Он быстро наливает мне еще один бокал вина. — Вот, выпей. Ты должна улыбаться, а не заморачиваться на счет Линдена.

— Но он мой друг.

— Он такой же твой друг, как и я. И то, с кем он встречается, вообще не должно тебя волновать, если конечно Надин не превратится в чокнутую стерву. Но пока она кажется нормальной. Я одобряю его выбор.

Прищурившись, он внимательно смотрит на меня.

— А ты так не думаешь?

— Конечно, — отвечаю я на автомате. Я знаю, что у Джеймса и в мыслях не было причинять мне боль. По сути, его слова вообще не должны были меня так задеть. Это правда. Линден мой друг, он всегда был и будет для меня только другом, не больше. И меня не должно волновать то, с кем он встречается, по крайней мере, не так.

Но думаю, я слишком долго врала сама себе, потому пока я сижу рядом с Джеймсом, мое сердце буквально обливается кровью. Мне приходится прикладывать невероятные усилия, чтобы не выдать собственных чувств.

Джеймс внимательно смотрит на меня, будто что-то подозревает. Увидев то, что его, по всей видимости, удовлетворило, он откидывается назад и говорит, — Думаю, главная загадка кроется в том, почему ты до сих пор одна.

Я улыбаюсь, едва не пролив вино.

— Нет никакой загадки, Джеймс. Кому, как ни тебе это знать.

Что-то промелькнуло в его взгляде, прежде чем он ответил, — Мне было хорошо с тобой.

— Это не совсем то, что я имела в виду, — говорю я. — Теперь мы оба владеем собственным бизнесом. Я помню, как ты работал не покладая рук, чтобы «Лев» стал твоим. У тебя не было времени для общения с Линденом, со мной или с кем-то еще. Что-то подобное происходит сейчас и со мной. У меня просто нет времени.

— Верно. Но до этого ты тоже, кажется, ни с кем не встречалась. По крайней мере, серьезно. Был только этот придурок Оуэн.

Я решаю не спорить с ним по этому поводу. Оуэн и вправду оказался большим засранцем и обманщиком, а вовсе не той надежной скалой и опорой, на которую я так рассчитывала.

— А сам то, — говорю я, переводя на него стрелки.

Он улыбается, и мои мысли переносят меня в то время, когда мы впервые встретились. Джеймс чистил пивные бокалы, и я могу поклясться, что луч от прожектора с небольшой сцены «Льва» светил прямо на него. Он был воплощением всего, о чем я мечтала еще со времен средней школы, но не могла ни в ком найти, или же мне просто не хватало смелости

подойти к кому-то похожему на него. Высокий, стройный, с тугими мышцами и длинными немного вьющимися черными волосами. Ко всему прочему у него были туннели в ушах, кольцо в носу и множество татуировок. Все в нем буквально кричало о том, что он плохой парень, но этот плохой парень был настоящим предметом мечтаний для неприметной девушки из Петалумы, какой я когда-то была.

Джеймс, будучи на пару лет старше меня, был управляющим бара в то время. Я протянула ему свое резюме и смущенно стояла напротив него, пока он его просматривал. Помню, как зашел Линден, чтобы угостить кого-то выпивкой, и я невольно засмотрелась на его потрясающую воображение мускулатуру, горячий, напряженный взгляд и невероятно мужественную походку. Добавьте сексуальный шотландский акцент, и я буквально потеряла дар речи. Я не могла поверить, что вижу двух таких красавчиков в одном месте.

Я была уверена: мне не получить эту работу. Девушке вроде меня не может так повезти. Но стоило Джеймсу посмотреть на меня и улыбнуться, и я поняла, что пропала. Слишком широкая для такого мужественного лица улыбка делала с его карими глазами что-то невероятное, заставляя их практически искриться. Позже я узнаю, что за ней скрывается пренебрежение, которое скрыто глубоко у него внутри.

Он сказал, — Выглядит неплохо. Когда сможешь начать?

Только и всего. Моя первая смена была на следующий вечер, а через неделю мы с Джеймсом уже встречались.

Он действительно был всем тем, что я искала в парне в то время. Помимо его внешнего вида в стиле эдж (прим. *Straightedge/ стрейтэдж — ответвление хардкор-субкультуры, возникшее как реакция на сексуальную революцию, гедонизм и другое отсутствие воздержанности, связанное с панк-роком), который я воспринимала, как признак честности, он был музыкантом. Группа, в которой он играл вместе с Линденом, была довольно успешной, несмотря на то, что выступали они обычно в «Льве» и играли лишь каверы.

Он был забавный и умный, хоть и старался этого не показывать. А еще у него отлично получалось держать меня на взводе. Он был довольно темпераментным и легко мог слететь с катушек без всяких на то причин. Стоило какому-то парню не так на меня посмотреть, Джеймс тут же обвинял меня в связи с ним.

Со временем его обвинения становились все более нелепыми, если верить словам Джеймса, то я крутила роман с половиной города.

В конце концов его ревность и собственнический инстинкт стали просто невыносимы. Не поймите меня неправильно, мне нравится, когда парень ревнует, но его ревность постепенно стала распространяться и на моих подруг. Единственным человеком, с которым мне позволялось дружить, был Линден, и то только потому, что Линден всегда был на виду у Джеймса и тот контролировал каждый его шаг в мою сторону.

В итоге я порвала с ним. У Джеймса было тяжелое детство, его отец пил и скверно с ним обращался. Он ушел из семьи, когда Джеймс был еще ребенком, и это наложило свой отпечаток. Но я не могла быть девочкой на коротком поводке. Я хотела жить собственной жизнью и быть собой, а не ходить все время на цыпочках. Отношения с Джеймсом выматывали меня. Да, секс был хорош: у него пирсинг на члене, который каждый раз попадал куда надо, но одного секса было мало, чтобы удержать меня рядом с ним.

Ему было больно. Знаю, что было. И я была уверена, что он меня уволит. Я решила, что приму все как есть, и откажусь от этой работы, потому что я чувствовала себя просто ужасно из-за всей этой ситуации. Но к чести Джеймса, он не уволил меня. Он повел себя так, словно

наш разрыв был общим решением. Возможно, в некоторой степени так и было — нам было тяжело вместе.

Я сохранила свою работу. Несколько месяцев между нами ощущалась некоторая неловкость, но все это время Линден был буфером между мной и Джейсом. Я наконец-то узнала его получше, но мы стали тусоваться вместе, только когда Джеймс, казалось, отпустил ситуацию. А до этого мы часто переписывались по смс и через Facebook.

Время лечит все раны, или, по крайней мере, затягивает их. К счастью, для Джеймса наш разрыв не стал неразрешимой проблемой, и со временем наша троица снова вернулась в былые времена трех мушкетеров. Конечно, эта боль не исчезла бесследно. Я сознательно пыталась не упоминать других парней при Джеймсе и он, казалось, делал то же самое касаясь любой женщины, с которой он встречался (хоть их и было немного). Но со временем все встало на свои места.

Прошло почти сем лет с тех пор, как мы перестали быть парой и стали друзьями. Семь лет ушло на то, чтобы мы снова могли общаться наедине.

Откашлявшись, Джемс налил себе бокал вина.

— Говоришь, нет никакой загадки, но я в это не верю.

— Хорошо, — говорю я, поджав под себя ноги. — Почему ты один столько времени? Я помню только эту...как там ее, Лауру?

Он заправляет волосы за ухо и пожимает плечами. — Я не знаю. Много дел.

— То же самое и у меня. Но, возможно, ты слишком разборчив.

Он резко смотрит на меня.

— Как и ты.

— В этом нет ничего плохого.

— Нет, — говорит он, уставившись на плед. — Но только если это не мешает тебе двигаться вперед.

Я недовольно хмурюсь.

— Я двигаюсь вперед, Джеймс. Посмотри вокруг. Это, — говорю я, показывая на магазин, — то, чего я всегда хотела.

— А как же любовь?

Я закатываю глаза.

— Любовь может прийти, когда угодно. Пока меня все полностью устраивает.

— А как на счет секса?

Я искоса бросаю на него взгляд.

— А что не так с сексом? Это совершенно разные вещи. Я не какая-то там скромница. Джеймс, да ты и сам это знаешь.

— Да, это правда, — говорит он, улыбаясь про себя. Джеймс смотрит на меня, и его глаза темнеют. — Ты можешь наслаждаться сексом и без любви.

Я не успеваю ответить, как он резко наклоняется вперед и целует меня, опрокинув стакан с вином,

Я слишком потрясена, чтобы сопротивляться. Его губы и язык ощущаются так знакомо, что меня бросает в дрожь. Я словно перенеслась во времени на семь лет назад. Хоть я и не думала о Джемсе в этом плане уже много лет, но его прикосновения не ощущаются чем-то ужасным.

На самом деле, это даже приятно.

Но я все еще хочу знать, что происходит.

Я отпрянула, думая о вине, которое просачивается сквозь мои джинсы в области колен.

— Эй, — едва успеваю сказать я, переводя дух. Я пытаюсь занять себя, промокая салфеткой пятно от вина на плече.

— Займемся этим позже, — быстро говорит Джеймс, и я снова ощущаю его губы на своих. В его поцелуе столько отчаяния, и я не понимаю, чем оно вызвано.

Или, может быть, понимаю.

Все дело в одиночестве.

— Джеймс, — его губы быстро перемещаются вдоль моей челюсти, вниз по шее. — Я не уверена, что это хорошая идея.

— Конечно, хорошая, — возражает он и кладет мне руку на грудь, сжимая нежную плоть. Мой тонкий кружевной бюстгальтер никак этому не препятствует, скорее наоборот. — Я хочу тебя, ты хочешь меня.

Это не совсем так. Я упираюсь ему в грудь и внимательно смотрю на него. Глаза Джеймса затуманены страстью, и ему с трудом удастся сфокусироваться на мне.

— Джеймс, — снова говорю я, на этот раз более уверенно.

— Что? — отвечает он, беспокойно убирая волосы с лица. — Стеф, послушай... это всего лишь секс. Ничего больше.

Я смотрю на него с подозрением.

— Поверь мне, — говорит он, лаская мои волосы и притягивая меня ближе. — Только секс. Было время, когда у нас неплохо это получалось. Почему бы не повторить?

— Потому что это может положить конец нашей дружбе, — отвечаю я. Это же очевидно. Возможно, для кого-то это обычное дело, спать со своими бывшими, но я не такая. Я знаю, что ни к чему хорошему это не приведет, особенно если вы постоянно общаетесь.

— Одна ночь ничего для меня не изменит, — говорит он. — А для тебя?

Я не уверена. Я знаю, как отношусь к Джеймсу, но переспать с ним, это как одеть теплый, старый свитер.

А я люблю носить уютные теплые свитера в холодную погоду.

— Нет, говорю я ему, — немного смягчившись. — Это ничего для меня не изменит.

Он улыбается мне своей широкой улыбкой, от которой его глаза начинают сверкать, как фейерверк в ночном небе. — Тогда, в честь старых добрых времен...

Он встает и выключает свет в магазине, прежде чем вернуться ко мне на плед. Мы падаем на еду и вино. Не верьте тому, что показывают в фильмах, это вовсе не так весело, как кажется. Пока он стягивает мою блузку через голову, я молюсь, чтобы он не бросил ее на вино, а когда он посасывает мои соски, я думаю лишь о сыре с плесенью, который в данный момент прилипает к моей спине. Боюсь, все эти французские деликатесы окажутся на моей одежде и коже.

Лишь в тот момент, когда я абсолютно голая оказываюсь на четвереньках, мне, наконец, удастся расслабиться. Вероятно, помогает и то, что член Джеймса скользит в меня словно вторая кожа, и его чертовски удивительный пирсинг как и прежде попадает в нужное место. Никто другой не стимулировал мою точку G так, как делал это Джеймс, и даже если все дело в пирсинге, мне плевать.

Я бурно кончаю, но в тот момент, когда мое тело оказывается на пике блаженства, я думаю вовсе не о Джеймсе....

...а о Линдене.

Мне с трудом удастся сдержаться и не выкрикнуть его имя, хотя именно его лицо

всплывает у меня перед глазами, и я представляю, как сильные руки Линдена крепко держат меня за талию, пока он врезается в меня сзади.

Но в моей суровой реальности есть только худощавый быстрый Джеймс. Любая женщина отдала бы левую сиську, чтобы быть с ним, любая, но не я.

Для меня есть только один мужчина.

И я не в силах этого изменить.

Когда все заканчивается, я иду вместе со своей одеждой в небольшую уборную в задней части магазина и смываю все это дерьмо со своей кожи. Недавно я купила новое дорогое мыло для рук с ароматом шалфея и лаванды для своего магазина, и я начинаю хихикать от того, каким образом мне приходится его использовать.

Вот я и распечатала собственный магазин.

Я вытираюсь ворсистым полотенцем для рук и снова одеваюсь. На моей блузке небольшое пятно от вина, с которым мне завтра придется бороться с помощью отбеливателя. Потому что сейчас я кажется немного не в себе от количества выпитого вина и опьяняющего оргазма. Но осознание произошедшего снова начинает просачиваться в мои мысли, как плесень в защищенном от света месте.

Я только что переспала со своим бывшим парнем и лучшим другом Джеймсом. Он может сколько угодно говорить, что эта ночь ничего не значит, но картофель в беконе, сыр, вино и клубника (Бог ты мой, у нас же еще осталась клубника в шоколаде) говорят о другом. Возможно, я преувеличиваю и вижу то, чего нет, но мне очень хочется, чтобы все было как прежде.

Я должна идти только вперед. Мне не нужна прежняя я в возрасте двадцати с небольшим лет. В следующем году мне будет тридцать, и я не собираюсь соскальзывать назад, особенно не на член Джеймса, каким бы волшебным он ни был.

Выйдя из уборной, я ощущаю странную скованность и неловкость, словно пугливый жеребенок, который не знает, каким должен быть его следующий шаг. Мне хочется, чтобы все выглядело так, будто ничего не произошло, но настроение Джеймса сложно предсказать, я не знаю, чего от него ждать.

Он стоит над пледом, без рубашки, но слава Богу в штанах, и смотрит на беспорядок, который мы тут устроили.

Он смотрит на меня с неким недоумением.

— Похоже, я не до конца все продумал.

— Уверенна, что сыр и вино отстираются, — говорю я ему и показываю собственную только что вымытую руку. — Я без труда отмылась.

Теперь он выглядит невероятно довольным.

— Похоже, мы поддались моменту.

Да уж. Моменту. Или же хорошо продуманному плану и алкоголю.

Я пожимаю плечами.

— Для этого и нужны такие моменты.

Откашлявшись, я подхожу к пледу и приседаю на корточки, чтобы убрать контейнеры. К сожалению, клубника не выжила.

Я выбрасываю все в мусор и смотрю на Джеймса, пока тот скручивает плед.

— Что ж, спасибо, что заскочил. Было весело.

Возможно, это было немного грубо, но чем быстрее он перестанет на что-то надеяться, тем лучше.

Он замирает и внимательно смотрит на меня, словно пытаюсь понять, вру я или нет. Но я не вру. Было и вправду весело. Только я бы предпочла не повторять такого рода веселье.

Я очень надеюсь, что мне не придется ему это говорить.

Черт. Он все еще смотрит на меня. Так и знала, что это была ошибка.

Чертово одиночество и глупые старые свитера.

— Да, было весело. Тебя подбросить домой?

— Даже не смей говорить мне, что ты приехал сюда на машине, — предупреждаю я.

Он качает головой.

— Я приехал на такси. Поехали, на двоих будет дешевле.

Я делаю вид, будто обдумываю его предложение, после чего говорю, — У меня еще остались незаконченные дела. Я, наверное, поеду последним автобусом.

— Могу подождать.

Нет, не можешь.

Я мило ему улыбаюсь.

— Это займет некоторое время. Бумажная работа, сам знаешь, каково это. Я позвоню тебе завтра.

Над магазином словно сгущаются тучи. Глаза Джеймса больше не искрятся, а губы сжимаются в тонкую линию.

— Хорошо. Поговорим потом, — говорит он довольно резко.

И как ни в чем не бывало, Джеймс вместе со своей огромной сумкой, клетчатым пледом и проколотым членом покидают «Fog&Cloth», унося с собой свои сомнительные мотивы.

Двери за ним закрываются.

Я выдыхаю, чувствуя невероятное облегчение.

И раскаяние.

Для первой недели в возрасте двадцати девяти лет и для второй с того момента, как я стала владелицей собственного бизнеса, я все чаще задавалась вопросом, не разрушила ли я одни из лучших дружеских отношений в своей жизни.

Нет, я не о себе и Джеймсе, хотя именно он послужил тому причиной.

Я говорю о себе и Линдене. Я отправила ему сообщение и спросила о Надин сразу же после того, как мы с Джеймсом переспали. Линден не ответил. В понедельник я попыталась еще раз, в ответ снова тишина. Facebook, старый добрый Facebook, сказал мне, что он был в сети и оставил несколько комментариев под чужими постами. Я залезла на страницу Надин, «противный, чертов аппендикс удален», — гласил ее статус. Выходит, её операция прошла хорошо, почему же мне до сих пор ничего не пришло от Линдена?

Я начала волноваться. Сначала я подумала, что Джеймс рассказал Линдену о том, что произошло. Не удивлюсь, если он обставил все так, что это именно я его соблазнила, тем самым разрушив нашу дружбу. И теперь Линдену нельзя со мной разговаривать из-за чертовой мужской солидарности, будь она проклята.

Но во вторник мне неожиданно позвонил Линден и спросил, не хочу ли я сходить с ним и с Джеймсом в кино, заскочив перед этим перекусить. Он извинился за сообщения, когда я подняла эту тему, и сказал, что у него сдох телефон, и он не мог его зарядить, потому что последние несколько дней провел в больнице с Надин. Кроме того, у нее телефон на базе андроида.

У Линдена айфон.

Как и у меня.

Они не могут пользоваться зарядными устройствами друг друга. А мы можем. Но не то, чтобы это что-то значило.

Я не нахожу себе места, когда джип Линдена останавливается у обочины. Взяв себя в руки, я спускаюсь вниз по крутой подъездной дорожке. На улице жуткая жара и я тут же начинаю потеть, вышагивая в своих новых кожаных сапогах оливкового цвета с пряжками (последнее поступление в моем магазине), джинсах и блузе с широкими рукавами. Краем глаза я замечаю Джеймса, сидящего на переднем сидении.

Будет неловко.

Но к моему удивлению он выходит, откидывает переднее сиденье и залезает назад как раз тогда, когда я подхожу к машине.

— Спасибо, — говорю я.

Я старательно избегаю смотреть ему в лицо, боясь увидеть его чувства и боясь того, что теперь между нами, возможно, что-то изменилось.

— Все в порядке, — говорит Джеймс, примерно то же самое он сказал мне на прошлой неделе, ну знаете, прямо перед сексом.

Неужто и вправду все хорошо? Прямо так уж и все?

Я сажусь в машину, пристегиваюсь и смотрю на Линдена.

Он улыбается мне, и на его лице с трехдневной щетиной появляются те самые ямочки, а глаза сверкают как у ковбоев в голливудских фильмах, намекая на то, что вне камер у них своя тайная жизнь.

— Мальвинка, — говорит он со своим фирменным шотландским акцентом, чертовски

возбуждающим, как-же-я-чертовски-рада-слышать-это акцентом. — С днем рождения, черт побери. Мне так жаль, что я не смог прийти.

— Ничего страшного, — говорю я, похлопывая его по бедру. — Рада, что с Надин все хорошо.

Он вздрагивает и заводит джип.

— Эти несколько дней были реально тяжелыми, но завтра ее должны выписать. Она буквально выставила меня из палаты.

Я улыбаюсь, несмотря на новости.

— Что ж, она права. Ты должен отдохнуть, чтобы потом помогать ей, да и сама она нуждается в отдыхе.

Полнейшая фигня, но звучит довольно неплохо, и, кажется, Линден повелся. Он кивает и смотрит на Джеймса в зеркало заднего вида.

— Надеюсь, ты позаботился о нашей малышке в ее день рождения.

На мгновение мои глаза с ужасом распахиваются и, затаив дыхвение, я жду ответа Джеймса, который может все разрушить. Но, несмотря на все мои опасения, он говорит:

— Позаботился. Линден, чувак, она становится настоящей занозой в заднице, когда тебя нет рядом.

И тогда я понимаю, что все хорошо. Линден не знает, что мы переспали. Джеймс не держит на меня обиды. Нам удалось переспать и двигаться дальше. Все встает на круги своя.

Да, все встает на круги своя.

Жаль только, что теперь это «на круги своя» включает Линдена, который привязан к кому-то без аппендикса.

Но я достаточно взрослая, чтобы не заикливаться на этом.

На часах без пятнадцати десять, когда раздается стук в дверь со стороны склада. До открытия еще пятнадцать минут и я не могу сдержать срывающееся с моих губ низкое рычание. В эти утренние часы у меня всегда много дел и я не проявляю должного терпения к первым клиентам, всегда поторапливая их.

Но когда я выглядываю из-за кассы, мое рычание сходит на нет, превращаясь в нечто более сексуальное.

За дверью стоит мужчина-модель.

По крайней мере, он выглядит именно так. На самом деле, еще никогда в своей жизни я не была так уверена на счет рода занятий другого человека или его предназначения.

Я быстро смотрю в декоративное зеркало с подставкой для украшений (всего \$325, успеете купить) и прихожу к выводу, что даже несмотря на сонное выражение лица, я выгляжу не так уж и плохо. Окрашивание волос в стиле омбре с плавным переходом от платины к розовому, которое я сделала на прошлой неделе, и все эти занятия по велоаэробике, которые я посещала в борьбе со своим быстро растущим задом, кажется, сделали свое дело. У меня здоровый цвет лица и довольно цветущий вид.

Я подхожу к двери и открываю ее со скрипом.

— Мы открываемся только через пятнадцать минут, — говорю я, выглядывая наружу, чтобы лучше рассмотреть незнакомца.

Парень смотрит на меня широко раскрытыми зелеными глазами.

— Простите, — говорит он, — я знаю, что сейчас чертовски рано, но я бы хотел

поговорить с Вами, прежде чем Вы откроете магазин.

Чертовски, ха? Парень явно из Северной Калифорнии.

— Хорошо, — говорю я, надеясь, что не улыбаюсь как дура, исподтишка оценивая его гибкое загорелое тело и темно-русые волосы, которые ниспадают ему на лоб. В нем есть что-то от Криса Хемсворта и Мэттью МакКонахи.

— Чем я могу Вам помочь? Мы, правда, не торгуем мужской одеждой.

— А планируете? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— Посмотрим. Я открылась только на прошлой неделе и еще не совсем уверена на счет того, чем буду заниматься. — Я кокетливо поднимаю взгляд и, хлопая ресницами, добавляю, — Только никому не говорите.

Он ухмыляется. Его кривая усмешка довольно милая.

— Не скажу, не волнуйтесь. — Улыбка исчезает с его губ, и он беспокойно потирает кончик носа. — Просто мой брат, Мик, создал линию мужской одежды в начале этого года, и я помогаю ему, бродя по округе и спрашивая, не хочет ли кто-то ее приобрести.

Он заглядывает в стоящую позади него кожаную сумку, которую я только сейчас заметила, и достает оттуда светло-коричневый конверт. Протянув его мне, он случайно выпускает конверт из рук. Парень явно немного взволнован и поэтому такой неуклюжий, но мне это нравится.

Он поднимает его, и на этот раз я забираю конверт из его дрожащих рук, прежде чем он снова его упустит.

— Значит, ты делаешь это для своего брата? — спрашиваю я, вытягивая каталог и открывая его. Состряпано на скорую руку, но снимки сделаны довольно профессионально. Я замечаю фото этого парня, что сейчас со мной разговаривает.

Я машу каталогом в его сторону.

— Так ты модель.

Так и знала.

Он кивает головой, несколько смутившись.

— Да. По крайней мере, пытаюсь реализовать себя в этом. Я делаю это и для брата и для себя. Он думает, что если удастся найти хороший магазин, то возможно получится выпустить эксклюзивную линию. А я был бы моделью.

Забавно, но даже когда тебе почти тридцать, ты не осознаешь, насколько ты повзрослела, и чем старше становишься, тем чаще думаешь о будущем. Ты начинаешь откладывать деньги на пенсионный счет, остаешься дома в вечер воскресения, потому что в понедельник хочешь встать пораньше и пойти в спортзал, ты регулярно встречаешься со своим бухгалтером, принимаешь пищевые добавки с омега-3 и кальцием, покупаешь дорогой ночной крем и т. д.

Все это происходит постепенно, но когда все факты соединяются воедино, то только тогда ты понимаешь «Вау, думаю, теперь, я, черт возьми, взрослая. Посмотрите на меня!»

Это был один из тех случаев. Скорее всего моя запоздалая реакция связана с тем, что я лишь недавно открылась, но этот красивый солнечный мальчик спрашивал меня, не хочу ли я эксклюзивную мужскую линию для своего только что открывшегося магазина и будь я проклята, если не почувствовала, что наконец-то нашла то, что искала.

Хотя, это вовсе не значит, что я знаю, что делаю.

— Значит, — говорю я, пытаюсь подобрать правильные слова, — ты будешь

рекламировать одежду, ту самую, которая будет эксклюзивно продаваться в моем магазине?

— Полагаю, все зависит от того, что ответят в других магазинах.

Мое сердце тревожно сжалось при мысли о конкуренции. — Что за другие магазины?

Он пожимает плечами и чешет затылок, выглядя при этом чертовски очаровательно.

— Точно не скажу. Это я им предлагал свой товар, а не они мне. Однако владельцы тех магазинов не были такими же красивыми, как Вы.

Я покрываюсь румянцем и ловлю себя на том, что стыдливо опускаю взгляд.

— Кстати, я Арон, — говорит он, протягивая руку. — Арон Симпсон.

— Стефани Робсон, — отвечаю я, пожимая его руку. Его кожа теплая, а пальцы длинные и тонкие.

— Арон и Стефани, — говорит он. — Хорошо звучит.

Я поднимаю брови. Что же из себя представляет этот неуклюжий, взволнованный и в то же время дерзкий парень-модель, который стоит напротив меня? Трудно сказать, но мне определенно хочется это выяснить.

Что значит, мне следует весьма серьезно задуматься над его предложением.

— И вправду, хорошо, — неспешно соглашаюсь я. Пока мои чувства мечутся между «ты такая взрослая» и «ты понятия не имеешь, что делаешь», я шире открываю дверь и предлагаю ему знак войти. — У нас все еще есть несколько минут до открытия. Почему бы тебе не пройти внутрь, что бы мы смогли поговорить?

У него загораются глаза.

— Вы серьезно?

— Конечно, — говорю я, — если это выгодно для моего бизнеса, то я только «за».

Он заходит в магазин и между нами пробегает искра.

У меня такое чувство, что в слово «бизнес» будет вложен совершенно новый смысл.

ЛИНДЕН

— Ты знаешь, во сколько ты родился? — спрашивает Надин, отхлебнув джина с тоником.

— Без понятия, — говорю я. — Знал бы, будь у меня мать, которая придает значение подобному дерьму, или которой хотя бы не плевать на меня.

Откинувшись на спинку стула, я вдыхаю свежий соленый воздух. День выдался просто отличный, вместо привычного тумана ярко светит солнце, и бухта перед нами словно светится изнутри, переливаясь всеми цветами радуги.

Нет ощущения, что сегодня мой день рождения. Это хорошо. Я содрогался от страха при мысли, что мне скоро тридцать. Такое чувство, что я проваливаюсь в бездонную яму, крича и отбиваясь изо всех сил.

— Может, спросишь у нее завтра? — говорит Надин, но я не отвечаю, молча наблюдая за парусниками, скользящими по водной глади. Не хочу думать о том, что мои родители будут здесь завтра утром и мне предстоит встреча с ними. Я не видел их уже много лет, и впервые за долгие годы они собираются на Западное побережье, чтобы увидеть меня. Весь обед мне придется слушать об их неоправданных ожиданиях, Боже, за что мне это.

Я хочу пересечь тридцатилетнюю отметку, сидя в этом патио со своей хорошенькой подружкой за кружкой пива. Ничего необычного. Я даже отказался от всяких вечеринок типа «развязные тридцать» и тому подобного дерьма. Сегодня обычный день, такой же как и все.

Но в глубине души я понимаю, что это не так. Да, ничего не изменится, когда я перейду рубеж от двадцати девяти к тридцати, но я никак не могу отделаться от ощущения, что я постепенно превращаюсь в оборотня или вампира.

Это не имеет никакого отношения к тому небольшому соглашению, которое я заключил со Стеф. Нет, с этим давно покончено. У меня есть Надин, и это серьезно. Основным условием было «если у нас не будет серьезных отношений к тридцати», так ведь? Ну что ж, Надин — это серьезно.

— Да, — говорю я, хоть и не собираюсь ни о чем спрашивать свою мать. Надин смотрит на меня с любопытством, вопросительно приподнимая брови. Похоже, вопрос, который беспокоил ее с того момента, как я рассказал ей о приезде родителей, вот-вот будет озвучен.

— Так вы будете втроем? — спрашивает она.

Я киваю и допиваю пиво.

— Я бы пригласил тебя, но все слишком сложно.

Я знаю, что она ждет приглашения или достойного объяснения тому факту, что я не хочу знакомить девушку, с которой я встречаюсь уже полгода, со своими родителями. Проблема в том, что я не могу ей этого объяснить. Не знаю, что сложнее — то ли мои отношения с родителями, то ли мои отношения с ней.

Может, это не так серьезно, как мне кажется.

— Я могу справиться со сложностями, — говорит она, и я понимаю, что Надин

обиделась. Вообще это довольно легко узнать, потому что все её чувства буквально написаны у нее на лице.

Я тянусь через стол и накрываю ее руку своей.

— Детка, — прошу я, — мне так проще. Не беспокойся об этом, ты не пропустишь ничего стоящего.

Она раздраженно скрещивает на груди руки.

— Я бы хотела познакомиться с твоими родителями, ну, чтобы узнать немного больше о тебе и о том, откуда ты.

— Ты знаешь, откуда я, — терпеливо напоминаю я. — Я родился в Абердине в Шотландии. Мой отец был дипломатом. Мать раньше разводила лошадей. Когда отцу дали должность в «ООН», мы переехали в Нью-Йорк. Конец истории.

— Я должна обращаться к нему Ваше Превосходительство?

Боже, опять, — подумал я, глядя на Надин. Этот вопрос буквально преследовал меня всю мою сознательную жизнь, особенно, когда я учился в старшей школе. К слову, мне не раз доставалось из-за работы отца, но ровно до тех пор, пока я не научился давать сдачи.

— Он не британский посол, — объясняю я. — Дипломат на несколько чинов ниже. И никто не должен называть его Ваше Превосходительство. Слава Богу.

Она смотрит на меня, широко раскрыв глаза.

— Все равно звучит довольно серьезно.

— Наверно, — говорю я и оглядываюсь в поисках официантки. Еще пиво, а лучше шесть, будет как раз кстати. — Я привык. Он работал кем-то в Совете Безопасности, а до этого был заместителем директора чего-то там.

— Чего-то там? — повторяет она.

Я вздыхаю и пробегаюсь рукой по волосам. Если мне тяжело даже говорить о них, то я реально не представляю, как переживу завтрашний день.

— Я не знаю. Когда я был подростком, меня не интересовало ничего кроме выпивки, секса и мотоциклов. Мне было по барабану, что там делал мой отец. Мы всегда жили в разных мирах.

— А твой брат?

— Он занимался тем же. Но ему почему-то это сходило с рук, — я покачал головой. — И до сих пор сходит, — я беспокоюсь посмотреть на нее и понял, что она хочет знать больше. — Ладно, давай еще по одной. Еда была супер, но местное пиво вне конкуренции.

Может из-за разговоров о моей семье, может из-за пары лишних пинт пива, но когда мы выходим из ресторана и проходим по 49-му Пирсу к Эмбаркадеро, мне больше не хочется домой.

Мой телефон звонит, и когда я вижу номер Джеймса на экране, то понимаю, что вот оно, мое спасение.

— Что случилось, брат? — спрашиваю я его, и мой голос звучит немного более торжественно, чем следует.

— Привет, ты уже закончил с обедом? — громко говорит он на фоне музыки на заднем плане.

— Да, вот только что. Где ты, во "Льве"?

— Да, но мы собираемся в "Кози Ка". Ты должен прийти. В смысле, это твой гребаный день рождения и все такое.

Я медленно поднимаю глаза на Надин. Она вопросительно смотрит на меня, и я

замечаю оттенок злости в её взгляде. Она была так счастлива, когда я сказал, что хочу провести свой тридцатый день рождения только с ней, и если сейчас я дам задний ход, мне придется за это дорого заплатить.

К счастью, я привык к постоянному недовольству с ее стороны, и это уже давно перестало меня останавливать.

— Хорошо, — говорю я ему. — Мы заскочим ненадолго домой, а потом туда. Давай в восемь? Там всегда полно народу, лучше прийти пораньше, чтобы не толкаться там как кильки в бочке.

Надин подходит и бьет меня кулаком в живот. Я издаю тихое «Оох», которое Джеймс, кажется, не слышит.

— Тогда увидимся там. С днем рождения, старичок.

— Отвали, Джеймс, — я отключаюсь и смотрю в недоумении на Надин. — Что?

— Какого черта? — возмущается она. — Ты сказал, что сегодня будем только ты и я!

— Ну, да, — говорю я, проводя по щетине на подбородке и избегая ее взгляда. — Обстоятельства поменялись. Теперь я хочу развеяться.

— Это должна была быть наша ночь, — говорит она сквозь зубы.

Я сердито смотрю на нее.

— Ты не забыла, что вообще-то это мой день рождения и моя ночь? Мы только что замечательно пообедали, а теперь поедem ко мне и займемcя замечательным сексом, прежде чем встретиться с моими замечательными друзьями.

— Забудь о сексе, — огрызается она.

Я поднимаю ладони, защищаясь.

— О'кей, подожди. Никакого секса в день рождения? Это нечестно.

— Выбор за тобой. Или секс или твои друзья, — говорит она. Возможно, это всего лишь шутка, но в глубине души я понимаю, что это не так. Она зажимает секс, как толстый итальянский ребенок зажимает «Нутеллу».

— Это действительно нечестно, — говорю я. — Ты же знаешь, что перед сексом я бессилен.

— Поэтому ты хочешь тусить в этой дыре?

Я закатываю глаза.

— Ты серьезно прожила тут всю жизнь и ни разу не была в «Кози Ка»? Это же самое крутое место, типа «Пита и Великанов» или «Кирка Хеммета». Там вместо сидений настоящие водяные матрасы, а пол сделан из порножурналов. Порножурналов!

— Звучит замечательно, — сухо замечает она.

— Так и есть! — восклицаю я. — Ладно тебе, мне уже тридцать, можно немного и поразвратничать.

— Можешь развратничать, но без меня, — огрызается она.

Аааааааар. Иногда она действительно доводит меня до того, что мне хочется рвать на себе волосы. А я этого не хочу. У меня очень хорошие волосы, и я слышал, в моем возрасте их без того легко потерять.

— Ладно, — уступаю я, хоть и знаю, что все равно попытаюсь уйти, после того, как мы потрахаемся.

Это срabатывает. Как только мы оказываемся у меня дома, я срываю с нее одежду и получаю свое. Я подбираюсь к ее заднице, надеясь, что в день рождения мне, наконец, перепадет, но она не пускает меня, и я кончаю ей на спину. Ну и ладно.

Час спустя, когда я массирую её ноги сидя на диване перед телевизором, раздаётся звонок моего мобильного.

— Не отвечай, — говорит она.

— Это могут быть мои родители, — замечаю я.

— И что с того? — отвечает она, и я ощущаю на себе её пристальный взгляд.

— Это может быть что-то срочное, — говорю я и беру трубку, пока она ворчит под себе под нос, — Почему они не могли просто написать смс.

Это Джеймс.

— Эй, дружище, — слышу я его голос.

Джеймс говорит, что меня ждет куча народа, и либо я притащу сюда свою задницу, либо нашей дружбе конец. Он угрожает мне так же часто, как и Надин, но он хороший друг, и я понимаю, что это лишь шутка.

Я умоляюще смотрю на Надин.

— Пожалуйста, можно я пойду? Мой лучший друг хочет отпраздновать со мной мой день рождения. Он расстроится, если я не приду. И наоборот.

— А как насчет еще одного твоего лучшего друга? — едко замечает она.

Надин всегда недолюбливала Стеф, хоть и пыталась по началу быть дружелюбной. И все это несмотря на то, что Стефани постоянно делала ей скидки на одежду и много раз старалась поближе с ней познакомиться.

— Стеф там? — спрашиваю у Джеймса.

— Еще нет, — говорит он, — но скоро будет.

— О'кей, скоро увидимся.

— Давай, — слышу я перед тем, как отключится.

— Линден! — кричит Надин, выдергивая у меня свою ногу, словно от меня исходит радиация. — Я тебя ненавижу.

Я издаю стон.

— Нет, не ненавидишь. Не хочешь — не иди, я заброшу тебя домой по дороге.

— Как будто я позволю тебе пойти без меня.

Я искоса смотрю на нее, чувствуя, как сжимается челюсть. Спокойствие, говорю я себе.

— Надин, ты не можешь что-то мне позволить или не позволить. Я сам себе хозяин, это понятно?

Я пристально смотрю на нее, пока она не сдается.

— Прости, — бормочет она, но я вижу, что она все еще злится.

Может, некоторые парни и не обратили внимания на такой выбор слов, но меня это бесит. У Надин есть маниакальное стремление все контролировать, которое мне реально не нравится. — Хорошо, поехали.

Победа за мной.

Скоро таксист высаживает нас на Ван Несс Эйв, и какое-то время мы стоим в очереди. Воздух довольно прохладный, но мне тепло в моей куртке и я не против подождать. В прошлом я бы дал на лапу швейцару или прикинулся иностранцем, изобразив акцент, чтобы пройти вне очереди, но теперь я не тороплюсь. Я просто собираюсь подождать.

Может, я и правда старею.

Когда оказываемся у двери, вышибала поздравляет меня с днем рождения. Внутри я замечаю Джеймса и Стеф возле бара. Они поворачиваются ко мне, поднимают стаканы с заразительными улыбками, и внезапно все становится а свои места.

Эти двое. Они все, что мне действительно нужно.

— Как раз вовремя! — кричит Джеймс. Он пьян, а в этом состоянии Джеймс ведет себя довольно забавно. Он становится крайне эмоциональным, то и дело лезет обниматься и говорит, как сильно тебя любит. Сегодня этого будет явно в избытке — и я, если честно, обиделся бы, будь это не так.

Я хватаю его за руку и хлопаю по спине, но как всегда, будучи под градусом, он притягивает меня в свои медвежьи объятия. Я чувствую, как пиво из его стакана проливается мне на шею.

— Наконец-то ты такой же старый, как и я, — бормочет он.

Я отстраняюсь и говорю, — Что действительно клево, так это то, что ты всегда будешь старше.

Он смотрит на меня.

— Да пошел ты.

— И тебе того же, — отвечаю я с улыбкой.

Я знаю, что Стефании смотрит на меня своими огромными, как у Бэмби, глазами. Больше всего мне нравится в ней то, что она понятия не имеет о том, как чертовски хороша. Даже сейчас в баре, когда она стоит, уверенно расправив плечи, в своих обтягивающих джинсах и ультра-коротком кожаном топике, Стеф гораздо лучше, чем она думает.

— С днем рождения, — говорит она с улыбкой. При обычных обстоятельствах она бы обняла меня, чтобы поздравить, но сейчас она явно чем-то смущена и ведет себя довольно сдержанно. Я хмурюсь, а потом перехватываю её быстрый взгляд в сторону Надин. Она стоит позади меня, и готов поспорить, с не самым приветливым выражением лица.

— Спасибо, — говорю я, хоть мне и не достает её объятий.

Я обнимаю Надин и подталкиваю ее вперед, заставляя проявить вежливость. Она здоровается с моими друзьями и улыбается, но всем вокруг и так очевидно, что она не хочет быть здесь. Она любит показывать людям, что ей не комфортно, особенно если дело касается меня. Такое впечатление, что она готовится получить награду «Подружка года» за то, что выпускает меня из дома.

— Ты видел Пенни? — вдруг кричит Джеймс, словно только вспомнив о чем-то важном.

Вообще-то нет, и я ждал этого момента уже несколько дней, с тех самых пор как Джеймс рассказал мне, что с кем-то встречается. Он должен был это помнить, но он пьян и по тому, как он смотрит на Стеф, я понимаю, что он скорее обращается к ней, чем ко мне.

Прежде чем кто-нибудь успевает ответить, Джеймс складывает руки рупором и кричит что есть мочи, — Пенни! — Парень может и не умеет петь, но кричит он будь здоров. Думаю, в этот момент каждая голова в баре повернулась в нашу сторону.

И из темноты порножурналов и фургончиков «Volkswagen» выходит девушка, которая на первый взгляд как нельзя лучше подходит Джеймсу.

Во-первых, она вся покрыта татуировками. Ее кроваво-красные губы украшает колечко и у нее похожая на апельсин прическа а-ля Бетти Пейдж. В довершение ко всему она вся облачена в кожу, а её походка при этом невероятно женственна. Сексуальные очки подчеркивают стрелки на глазах, и судя по толщине линз она носит их не ради прикола, в отличие от большинства хипстеров.

Во-вторых, она идет прямоком к Джеймсу и от души хлопает его по заднице со словами, — Хэй, сексуальный бог, скучал по мне?

Джеймс не знает, радоваться ему или смущаться подобного обращения. Думаю, он испытывает смешанные чувства по этому поводу.

Повернувшись к нам, Джеймс говорит, — Линден, Стеф, Надин, это Пенни.

Она жуёт жвачку, широко раскрывая рот, и при этом улыбается. Подруга Джеймса неспешно оценивает всех нас, и я уже готов ходить перед ней на цыпочках. Отличный выбор, Джеймс.

— Приятно познакомиться, — говорит она, и я понимаю, что у нее джерсийский акцент. Еще лучше. Я верю, что эта неформалка сможет обуздать Джеймса, когда меня не окажется рядом.

— Взаимно, — говорю я.

— Ты именинник, — отмечает она.

Я киваю.

— Да.

В ответ она немного неожиданно кричит, — Выпивка с меня! — и стучит рукой по стойке бара, привлекая внимание бармена. Он с подозрением смотрит на нее, пока Пенни говорит ему что-то насчет егермайстера.

Я вздрагиваю. По-моему, этот напиток следует оставить во втором десятке.

— Она очаровашка, — говорю я Джеймсу с фальшивым акцентом.

— Она такая, — признает он, потирая шею.

— Я вижу.

Похоже, мое решение отказаться от егера не вступит в силу, пока мне не исполнится тридцать один. Мы выпиваем по одной, прежде чем пойти к фургончику у бара.

К своему удивлению, внутри фургончика я вижу только Николу, подругу Стеф, её парня Арона нигде нет.

Я задерживаюсь на секунду и дергаю Стеф за рукав.

— А где Арон?

Черты её лица на мгновения становятся жестче, но она тут же снова улыбается.

— Он улетел в Лос-Анджелес на выходные. Модельные съемки, показы, сам понимаешь.

— О да, понимаю, — язвительно отвечаю я. — Как далеко все те дни, которые я провел на подиуме, демонстрируя всем свои яйца.

Она искоса смотрит на меня и перестает улыбаться.

— Он модель, а не порнозвезда.

— Конечно, конечно, — говорю я.

Я люблю подкалывать ее на тему Арона, это одно из моих новых хобби. Может, парень и нормальный, но звезд с якобы образ жизни неба не хватает. Он на три года моложе Стеф и ему еще расти и расти. Конечно, не мне судить — я сам далек от зрелости в мои-то годы, но если честно, он недостаточно хорош для нее. Я вообще не уверен, что кто-то достоин её.

Но сверхзаботливый друг во мне говорит: «Она выглядит счастливой».

Стеф бьет меня по руке, а я киваю в сторону Николы.

— Что она тут делает?

Стеф понижает голос, поворачиваясь спиной к подруге, которая здоровается с Надин, пока все рассаживаются.

— Ей нужно было развеяться.

Никола не только довольно чопорная, она еще и мать-одиночка двухлетнего сына.

Раньше мы довольно часто пересекались, до того как какой-то кобель бросил её с ребенком, но мы всегда принадлежали к разным мирам.

Я улавливаю легкий цветочный парфюм, когда Стеф наклоняется и шепчет мне на ухо, — Она влюблена в своего гинеколога. Поэтому я принимаю профилактические меры, прежде чем случится что-то непоправимое. Она должна понять, что есть и другие мужчины, которым не надо платить, чтобы они посмотрели твою вагину.

Я смотрю на Николу, на ней черное шелковое на вид платье, темные волосы элегантно подняты вверх. Она смотрится довольно неуместно в этом обшарпанном фургоне, но я рад, что здесь она, а не Арон.

— Мне быть собой и разрушить ее надежды на существование хороших мужчин? — спрашиваю я, наклоняясь ближе, чтобы снова уловить ее чертовски сладкий запах.

Стеф закатывает глаза.

— Просто води себя прилично, ковбой.

Я не могу сдержать улыбку. Она не называла меня ковбоем уже много месяцев. Это заставляет меня почувствовать тепло в груди и даже больше. Я хочу подавить это чувство, но понимаю, что не могу.

Никогда не мог.

Я сажусь за столик рядом с Надин, игнорируя резкий взгляд ее темных глаз. Она всегда демонстрирует мне свое недовольство, чем бы я её ни разозлил, думаю на этот раз причина в моем разговоре со Стеф. А может, она заметала, как я принохиваюсь к ней. Это уже не в первый раз.

Джеймс из ниоткуда достает мне пиво, и я делаю глоток. Сегодня тут наливают отличное пиво из кеги, и мой тридцатый день рождения понемногу становится сносным.

Чертовски приятно вот так посидеть со своими друзьями, с учетом того, что в последнее время мы не так часто собираемся вместе. Джеймс с Пенни, Стеф с Ароном, и конечно, мы с Надин. Я начинаю бояться, что это начало конца. Чем старше, тем сильнее связь между нами. Мы стараемся выжать максимум из быстро уходящих лет, пока наши судьбы тесно переплетаются. Они, словно оковы, сдавливают нас все сильнее.

Я не хочу к сорока быть женатым на Надин и обзавестись парочкой отпрысков, тогда как рядом со мной никого кроме них не будет.

Я не хочу потерять своих друзей. Но глядя на наш стол, я думаю, что возможно проблема не во мне, а в том, как устроена наша жизнь. Возраст сводит нас вместе, он же и разделяет.

Ладно, возможно, я просто пьян и излишне драматизирую. Я решаю предложить еще по шоту — но только не гребанный егер, прости, Пенни — но Надин внезапно поворачивается ко мне и начинает жаловаться.

— Линден, у меня болит голова.

Иногда её действительно мучает мигрень, поэтому я не уверен, что она это придумала, лишь бы я отвез ее домой.

— Хорошо, — шепчу я.

Возможно, своими капризами она спасает меня от завтрашнего похмелья. Я смотрю на сидящих за столом, на мгновение задерживая взгляд на Стеф.

— Простите, чуваки, но нам пора идти.

Джеймс недовольно вскрикивает.

— Какого черта, друг? Ты только приехал.

— Уже далеко за полночь, — замечаю я. Джеймс слишком пьян, чтобы следить за временем.

— Я переборщила? — спрашивает Пенни у Джеймса, безрезультатно стараясь говорить тише.

— Никто не переборщил, — говорю я. — Завтра я встречаюсь с родителями, поэтому мне надо как следует выспаться.

— Твои родители в городе? — удивленно спрашивает Стеф.

Я смотрю на нее и узнаю это выражение на её лице. Оно почти такое же, как у Надин, когда я сказал, что буду только я и они. Черт, неужели и Стеф хотела встретиться с моими предками? Она уже знакома с тем геморроем, что представляет из себя мой братишка, и теперь хочет познакомиться с остальными членами семьи? Мои родители внезапно стали самыми популярными людьми в округе, не считая меня?

— Да, они неожиданно решили приехать по случаю моего дня рождения.

— О'кей, потом расскажешь, как прошло, — говорит она, и на секунду мне кажется, что мы снова у меня на диване проводим время за разговорами о наших семьях. Она знает о моих родственниках и наших отношениях практически все, как и я о её.

Я скучаю по этому. Сегодня я понял, что скучаю по многим вещам.

Я чувствую, как Надин толкает меня, желая поскорее отсюда уйти.

— Обязательно, — говорю я Стеф, глядя на нее с пониманием. Если мне надо будет выпустить пар, она будет первой, кому я позвоню.

Прежде чем Джеймс успевает выскользнуть из-за стола и обнять меня, я обнимаю Надин за талию и ухожу. Я машу им рукой и слышу, как Джеймс называет меня «девкой»

Закинув Надин домой, я снова оказываюсь у себя и наконец-то ложусь в постель. Она все еще пахнет сексом. У меня во рту привкус пива и я уже чувствую первые признаки головной боли. Завтра будет тяжелый день, к которому я все еще не готов. У меня в голове крутится одна и та же мысль.

Все меняется. Я не знаю, где я, но это не то место, где я хочу быть.

Я не знаю, чего я хочу.

Но знаю, что у меня этого нет.

ЛИНДЕН

— Линден Стюарт МакГрегор.

Да, мой отец только что назвал меня полным именем со своим фирменным ярко-выраженным абердинским акцентом. Я не припомню, чтобы он так ко мне обращался с тех пор, когда я играл с его деревянными модельками кораблей, ломая мачты ради забавы.

Я выдавливаю из себя улыбку и уверен, что она выглядит абсолютно фальшивой.

— Отец, — говорю я ему, не желая следовать его примеру. Он может сколько угодно изображать из себя авторитетного политика передо мной, но он все еще мой гребаный отец. Я не Брэм, и я не похож на него так, как ему бы того хотелось, и как всем бы этого хотелось.

Мой отец широкими шагами пересекает мраморный пол отеля. Должен признаться, он хорошо выглядит, здоровым и подтянутым. Несколько лет назад он бросил курить и начал вести якобы здоровый образ жизни, все его занятия теннисом, бадминтоном и гольфом проходят в сопровождении большого количества скотча. Хотя я и унаследовал рост отца, он никогда не был таким мускулистым, как я. Опять же, он бегают, как заведенный, сомневаюсь, что он сможет набрать вес, даже если попытается.

Он крепко пожимает мне руку, и я отвечаю еще более крепким пожатием. Он даже не моргает, просто улыбается, словно на самом деле рад, что я здесь.

— Рад тебя видеть, сын, — говорит он, его голубые глаза почти светятся. Его кожа покрыта бронзовым загаром, значит он все еще ездит в Сен-Барс и другие фешенебельные места, где богатые и знаменитые притворяются, что застрахованы от рака кожи. Интересно, он берет с собой мать или оставляет её дома?

Я быстро оглядываю лобби и замечаю, что ее нигде нет. Чувствую облегчение, но грудь тут же пронзает знакомое чувство вины, как всегда, когда я радуюсь, что ее нет.

— Где мама? — спрашиваю я, не желая говорить ответные сантименты.

Его челюсти на короткое мгновение сжимаются.

— Она прилегла, — говорит он слишком радостно, а на его лице снова появляется это приторно-вежливое выражение. Политик до мозга костей.

— Ты имеешь в виду, что она еще спит? Сейчас утро.

Он кладет руку мне на плечо и ведет по направлению к лифтам.

— Давай перекусим, ладно? Нам надо о многом поговорить.

Тяжелое чувство появляется у меня в груди. Я боялся, что отец хочет поговорить о чем-то серьезном, ради чего он даже решил приехать. Понятия не имею, что он собирается мне сказать, знаю только, что мне это точно не понравится, и именно поэтому мне так трудно общаться с родителями.

Отчасти — а может и нет — именно по этой причине я переехал в Сан-Франциско.

Мы поднимаемся на лифте в ресторан, расположенный на верхнем этаже. Мало того, что здание отеля расположено на одном из сорока четырех холмов Сан-Франциско, оно еще и довольно высокое, благодаря чему перед нами открывается сумасшедший вид. Сегодня мост Золотые Ворота окутан туманом, закрывающим часть холма, но в целом смотрится довольно живописно.

Мы садимся рядом с другими посетителями, поглощающими яйца-Бенедикт по

тридцать долларов за порцию, и я понимаю, что выгляжу довольно скромно на общем фоне. На мне серые джинсы и черная рубашка с воротником и карманами на молнии, которую когда-то мне подарила Стеф, объяснив это тем, что их пришлось слишком много, а отсылать назад уже поздно.

Она соврала, но я все равно порадовался. Она просто хотела подарить ее мне. Теперь это моя любимая рубашка.

— Ты выглядишь счастливым, — говорит отец, и я понимаю, что улыбаюсь.

Я быстро стираю улыбку со своего лица и прочищаю горло.

— У меня все хорошо.

Он приподнимает бровь.

— Уверен? — ему даже не обязательно было спрашивать, я знаю, что означает это чертовое движение бровью.

Я киваю и перевожу взгляд на свой черный неразбавленный кофе.

— Ага.

— У тебя теперь есть подруга?

— Ага.

— Надя?

— Надин.

— Я был знаком с девушкой по имени Надя, — говорит он, и на его лице появляется мечтательное выражение. Я никогда прежде не видел отца таким, и это слегка нервирует.

— Да, Надя, — говорю я, не потрудившись его поправить.

— Ты ее любишь? — спрашивает он, и выражение его лица становится серьезным.

— Конечно, люблю, — говорю я ему, и мое горло сжимается. Должно быть, я обжегся кофе. По правде говоря, я ни разу не говорил Надин, что люблю ее, потому что я в этом не уверен. — Мы вместе уже шесть месяцев.

— Это ничего не значит.

Я смотрю на отца, не понимая, куда он клонит. С каких пор его стала волновать моя личная жизнь? Если о ком-то и надо беспокоиться, так это о Брэме.

— Ну, как бы то ни было, я счастлив, — говорю я.

— А почему её здесь нет?

Я рассеянно тереблю мочку уха.

— Просто... мне кажется это лишнее.

— Понятно, — говорит он, и мне кажется, он понял слишком много. Отец качает головой и продолжает, — Где мои манеры, я даже не поздравил тебя с днем рождения. С днем рождения, — говорит он и достает из кармана пиджака конверт. Он толкает его ко мне через стол. — Это от меня и твоей матери.

Подарок на день рождения не должен вызывать подозрения, но у меня плохое предчувствие. Я смотрю на него и замечаю очертания чего-то внутри. Не думаю, что это деньги, хотя они уже не раз дарили мне их.

— Давай, — говорит он, подталкивая загадочный подарок, и его запонки сверкают на солнце. — Он не кусается. Тридцать лет бывает раз в жизни.

И слава Богу, думаю я. Я беру конверт и быстро его открываю.

На стол выпадает ключ.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

— Что это?

Меня не так легко запутать, но на этот раз отец застал меня врасплох. Я смотрю на ключ, пытаюсь понять происходящее.

— Не понимаю.

Он усмехается и делает глоток чая, в который, на мой взгляд, он добавил слишком много молока и сахара.

— Это твой подарок. Мы с твоей матерью решили сделать некоторые инвестиции. Одной из них стала квартира для тебя. Она в Вест-Сайде, на Бродвее, недалеко от театра Бейкона. Можешь переехать уже в следующем месяце.

Я чувствую, как мое недоумение медленно превращается в ярость.

— Прости, но... Я живу здесь. Ясно? У меня уже есть квартира.

Он молча смотрит на меня какое-то время.

— Ты всегда можешь продать её или сдать, ты же не всегда будешь жить в ней, — он отчеканивает каждое слово.

— Да, но я всегда буду жить здесь, — говорю я. — Тут моя работа. Ты хоть представляешь, как было трудно ее получить? Думаешь, пилоту вертолета так легко найти работу?

— На Манхеттене полно мест, куда ты мог бы устроиться, — говорит он покровительственным тоном, отчего мне хочется опрокинуть стол и выбежать отсюда.

— Ты без проблем найдешь другую работу, еще лучше. Я об этом позабочусь. — Он замолкает, делает глоток чай и поджигает губы. — И если это окажется не твоим призванием, то так даже лучше. Перед сыном Стюарта МакГрегора открыт целый мир.

Мои челюсти сжимаются, и мне с трудом удастся заговорить.

— Уверен, Брэм будет рад дать тебе повод для гордости.

— Перестань, Линден, — резко отвечает он, злобно сверкая глазами и демонстрируя свою истинную сущность. — Ты прекрасно знаешь, что Брэм бесполезен. Ты тот сын, на которого мы возлагаем наши надежды.

— Надежды на что?

— На то, что ты будешь нашим сыном.

Я резко поворачиваюсь в замешательстве.

— Но я и так ваш сын.

— Но это не чувствуется, тебе так не кажется? А теперь ешь, все остынет.

Я не хочу есть, я хочу оказаться за миллион миль отсюда. Думал, что мне это удалось после перезда в Сан-Франциско, но похоже, я ошибался.

— А теперь, прежде чем расстраиваться, — говорит он тише, — Подумай, насколько тебе повезло. Мы помогали тебе с жильем, пока ты учился. Фактически, мы помогали тебе со всем до недавнего времени. И хоть ты никогда не говорил, что ценишь это, я уверен, что это так. Это тоже своего рода помощь с нашей стороны. Большая красивая квартира на Манхеттене, только для тебя. Сколько молодых людей могут похвастаться этим? Только самые привилегированные и ты один из них.

Прочистив горло, я стараюсь успокоиться.

— Я не собираюсь переезжать. Я действительно ценю все, что вы для меня сделали. Спасибо за квартиру, но я был не в курсе относительно ваших планов. Я не хочу бросать свою жизнь здесь. Тут мой дом.

Его глаза темнеют.

— Хорошо. Ладно, квартира все равно наша — то есть твоя — на случай если ты когда-

нибудь передумаешь. Так, думаю, будет не честно, если ты лично не поблагодаришь свою мать за то, что мы проделали этот путь, чтобы привезти тебе хорошие новости.

А вот и подлый трюк с чувством вины.

— Что?

— Как закончим, поднимемся в номер, и ты ее поблагодаришь. Ты скажешь, что для тебя честь, получить такую привилегию, и что ты серьезно подумываешь переехать.

Я готов вскочить со стула.

— Но я не хочу лгать.

— Все лгут, — говорит он и отодвигает тарелку с почти нетронутыми яйцами-Бенедикт.

Минутой позже я спускаюсь на лифте к номеру матери. В комнате царит полумрак, тяжелые шторы задвинуты и включена всего одна лампа, но она хотя бы не в постели. Вместо этого она сидит в кресле со стаканом чего-то темного, по виду напоминающего кофе, но я знаю, что это не так.

Мои отношения с матерью не намного лучше, чем с отцом. На самом деле, они даже хуже. Пока меня растила няня, мать занималась лошадьми и выпивкой. Когда мы переехали на Манхеттен, лошади сменились еще большим количеством алкоголя и с тех пор все ничего не изменилось.

Мой отец, по крайней мере, пытался вести себя как отец. Он беспокоился о том, кем я стану, и хотел, чтобы я преуспел в чем-то, и пусть это что-то он выбрал сам. Но моя мать... Я не уверен, что она знает, кто я такой большую часть времени.

Не думаю, что она когда-то меня обнимала.

— Мора, — говорит отец, подходя к ней и загораживая точку в середине комнаты, куда она смотрит. — Тут Линден.

Ей требуется минута, чтобы сфокусироваться на мне, и еще несколько секунд, чтобы меня узнать. Несмотря на постоянные запои, выглядит она довольно неплохо. Возможно, чересчур худая, но при этом как всегда элегантная, даже в шелковой пижаме.

— Линден, мой мальчик, — говорит она, — С днем рождения, — после чего улыбается и замолкает. — Сколько тебе уже?

— Тридцать, мам. Спасибо тебе.

Она вежливо кивает, после чего делает глоток, и ее глаза снова становятся пустыми. Поверьте, в таком спокойном состоянии она гораздо лучше, чем будет потом. Позже, стоит алкоголю выветриться, она превращается в одержимую демонами фурию, которая ненавидит весь мир.

— Я как раз рассказывал Линдену о подарке, — добавляет мой отец, показывая ключ. Он трясет им перед ней, как перед ребенком, говоря, — Помнишь? Квартира? Он очень заинтересовался.

Что бы я прежде не чувствовал на счет этой лжи, этого больше нет. Моя мать даже не вспомнит об этом в конце дня.

— Это чудесно, — говорит она приятным, но монотонным голосом. Она ведет себя так, словно играет роль, и не пускает никого, включая меня, в свою душу.

Я не задерживаюсь надолго. Неуютный светский разговор переходит в неловкие прощания, пересыпанные обещаниями оставаться на связи и «все обдумать».

В дверях мой отец останавливает меня и говорит,

— Сынок, просто помни. Если ты собираешься когда-нибудь пустить корни, помни о

возможностях для роста.

Я стараюсь не заикливаться на этом и ухожу. Вернувшись домой, я чувствую, что буквально разваливаюсь на части, а на часах всего час дня.

Мне нужно избавиться от этих мыслей и от чертовых оков, которые за это утро стянули на мне свои ржавые щупальца. Я хожу по комнатам и смотрю на вещи, которые они мне подарили. Я пишу смс Джеймсу и через секунду звоню ему, но попадаю на автоответчик.

Постукивая телефоном по ноге, я мельком вспоминаю о Надин и понимаю, что не хочу ей звонить. У меня нет желания отвечать на ее вопросы и проводить с ней весь день, притворяясь, что все хорошо и что я именно тот, кем она меня считает — крутой пилот, которого ничто не волнует. Я не хочу, чтобы она видела мое лицо и тот след, который оставляют на нем встречи с родителями.

Я захожу в сообщения, но передумываю и набираю Стеф.

Она отвечает после третьего гудка.

— Привет, — радостно говорит она и что-то в ее голосе действует на меня, словно бальзам.

— Привет, — отвечаю я, прочистив горло. — Чем занимаешься?

— Собиралась пойти в магазин и разложить товар на завтра.

— О, — вау, даже в воскресенье, когда ее магазин закрыт, она все равно работает. Я горжусь ей, но мне искренне жаль, что она занята.

Повисает неловкая пауза.

— Хочешь со мной? — говорит Стеф.

Я сглатываю.

— Нет, нет, все нормально.

— Ты бы не позвонил, если бы все было нормально. Я знаю, с кем ты провел это утро, — говорит она. — Давай. Я заеду за тобой через полчаса.

Хоть мне и не хочется её напрягать, я все равно говорю да и спустя пару минут оказываюсь на улице. Нетерпеливо барабанив пальцами по бедру, я томлюсь в ожидании Стеф, и вскоре её красная Mazdaб появляется из-за угла. Она купила ее в тот день, когда получила кредит на бизнес. Стефани замечает меня и сигналиит, хоть я давно уже вижу её и её машину, думаю, ей просто нравится сигналить.

Я открываю пассажирскую дверь и до меня тут же доносится знакомый запах, на сидении я замечаю бутылку «Wild Turkey» (прим. «Wild Turkey» — сорт бурбона).

— Уоу, — говорю я, облакачиваясь на дверь и кивая в сторону бутылки. — Не знал, что кто-то уже принял на грудь.

— Это для тебя, ковбой, — говорит она. — Я знаю, что тебе это понадобится.

Я улыбаюсь ей.

— Ты настоящий друг.

— Как будто я этого не знаю.

Я сажусь в машину. Стеф смотрит на меня и ждет, пока я открою крышку и отхлебну прямо из бутылки, прежде чем тронуться. Череп, висящий на зеркале заднего вида, раскачивается взад-вперед, пока она мастерски маневрирует по односторонним улицам Сан-Франциско. Нет ничего сексуальнее женщины, которая хорошо водит. Короткая юбка, демонстрирующая соблазнительные бедра, тоже делает свое дело, и мои яйца болезненно напрягаются. Я представляю, каково будет провести рукой по гладкой коже её бедер.

Я чувствую, что Стеф смотрит на меня, и поднимаю глаза как раз тогда, когда она снова

переводит взгляд на дорогу. На ее губах играет едва заметная улыбка. Она точно поймала меня на подглядывании.

И кажется, ей это нравится.

Мгновение спустя до меня доходит, что я делаю что-то не то. Это, мягко говоря, неподобающе. В смысле, у нее есть Арон, а у меня Надин. И мы просто друзья.

Но я всегда делал неподобающие вещи.

— Хочешь об этом поговорить? — спрашивает она и на секунду мне кажется, что она имеет в виду мое подглядывание. Я едва не отвечаю согласием, но вовремя понимаю, что она говорит о моих родителях.

Переведя взгляд на бутылку в своих руках, я отвечаю, — Может, немного позже.

— Ты хотя бы хорошо провел вчерашний вечер?

— Да, пока не ушел домой.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но потом снова закрывает его. Ее нежно-розовые губы такие мягкие, что мне хочется их укусить. Она выглядит такой сияющей, несмотря на то, что пила прошлой ночью.

— Ты хорошо выглядишь, — внезапно говорю я.

Я могу поклясться, что она краснеет. Одно это провоцирует меня на мысль о том, чтобы чаще делать ей комплименты. Но боюсь, если начну, то уже не смогу остановиться.

— Ну, несмотря на выпивку и приближающийся средний возраст, — быстро поясню я.

— Ха-ха. Смешно. И каково это, когда стареешь?

Я пожимаю плечами.

— Отстойно.

— Боли в спине? Ломит кости?

— Что-то вроде того.

— Наверно, меня это тоже ждет.

Я откидываюсь на сидении и смотрю в окно на пролетающие мимо узкие домики и фасады магазинов.

— Октябрь наступит, не успеешь оглянуться. У тебя есть, давай посчитаем, шесть-семь месяцев, чтобы передумать насчет Арона.

Это привлекает ее внимание. Она поворачивается и недоверчиво на меня смотрит.

— Что?

— Соглашение. Помнишь?

Она потирает губы и несколько раз моргает, выглядя при этом просто очаровательно.

— Конечно, я помню, просто...

Я как можно небрежнее пожимаю плечами.

— Предложение все еще в силе, детка. Тебе скоро тридцать, и если ты решишь избавиться от своего красавчика, то ты знаешь, где меня найти.

Она пристально изучает мое лицо, в итоге мы чуть не въезжаем в зад впереди идущего фургона. Справившись с машиной, Стеф спрашивает, — А как же Надин?

— Ради тебя я с ней расстанусь, — говорю я, глядя на нее в упор до тех пор, пока она не поворачивается в мою сторону. — Ради тебя я брошу все.

Я говорю это абсолютно серьезно, но не уверен, что сейчас ей следует об этом знать. Поэтому я улыбаюсь немного придурковатой улыбкой, и Стеф расслабляется, улыбаясь в ответ.

Теперь она думает, что я шучу. Хотел бы я, чтобы это было именно так. Но, по крайней

мере, теперь я в безопасности.

Мы в безопасности.

— Просто пей свой виски, ковбой, — говорит она, закрывая дверь в этот разговор. Это к лучшему. Так и должно быть.

Клянусь Богом, я был счастливым человеком, пока мой отец не зародил семена сомнения у меня в голове. То, что он говорил о корнях и возможностях для роста, было очень похоже на правду.

Зачем оставаться в Сан-Франциско, если я не вижу тут для себя никакого потенциала? Я имею в виду не карьеру, а что-то более глобальное — любовь, брак, детей — все то дерьмо, которое ты игнорируешь, пока возраст не заставит тебя обратить на это внимание.

Вскоре мы оказываемся в ее магазине. Я облокачиваюсь на стойку, потихоньку отхлебывая восхитительно обжигающий виски. Чувствуя, как понемногу расслабляюсь, я листаю каталог мужской одежды. К моему сожалению, Арон позирует на каждой странице. Я до сих пор не могу понять, что она в нем нашла. Да, он достаточно смазливый, по крайней мере для того, чтобы быть моделью. Но он одевается как подросток, который собрался заняться серфингом, практически не носит туфли и смеется как гиена.

Стеф — трудолюбивая и умная женщина. Им должно быть не о чем разговаривать, поэтому мне кажется, что их отношения полностью основываются на сексе. Я знаю, что в этом нет ничего плохого, но от одной мысли об этом мне становится плохо.

— Так как все прошло? Как твои родители? — спрашивает Стеф, выглядывая из-за стопки одежды. Она видимо заметила выражение отвращения на моем лице и подумала, что я вспоминаю сегодняшнее утро.

— Ах, это, — говорю я, — если честно, ужасно.

Она хмурится, от чего её брови сдвигаются к переносице.

— Все настолько плохо?

Я вздыхаю и кладу голову на руки.

— Знаешь, что самое смешное? Когда я был моложе, то думал, что мои отношения с родителями со временем изменятся. Ну, знаешь, перестанут быть такими отстойными. Однако, этого не случилось. — я смотрю на нее, понимая, что могу рассказать ей практически обо всем, — Теперь я вижу все в ином свете. Мое отношение к родителям полностью поменялось. Но они продолжают обращаться со мной как с пятнадцатилетним подростком. Будто я до сих пор не имею понятия о том, что делать со своей жизнью. Они считают, что должны помогать мне на каждом шагу и что у них есть полное право вмешиваться в мою жизнь и контролировать меня.

— Что они пытаются сделать?

— Пытаются заставить меня переехать.

Ее глаза с ужасом распахиваются.

— Куда?

— В Нью-Йорк. Они купили квартиру на Манхеттене и хотят, чтобы я там жил.

— Но зачем?

— Думаю, потому что Брэм не оправдал их надежд, — говорю я, пожимая плечами. — Я не знаю. Мой отец очень переживает о людях, которых считает своей семьей, о наследии и прочем дерьме. Он может рассказать о нашем генеалогическом древе с самых истоков, перечислив всех наших именитых шотландских предков. Все в роду МакГрегоров имели отношение к политике или власти в той или иной форме. Мой отец определенно надеялся на

Брэма, потому что тот старший, но в итоге он только потерял время. Теперь до отца дошло, что есть еще я, и он хочет, чтобы я стал таким же как он.

Она откладывает куртку из стопки и подходит ко мне, скрестив руки на пышной груди. Я стараюсь не пялиться на ее сиськи.

— Знаешь, большинство родителей гордились бы сыном, который пилотирует вертолет, — говорит она.

— Ну, мои родители не большинство. По правде говоря, они не считают это достижением. Для них это недостаточно выдающееся или интеллектуальное занятие.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, чтобы летать на этой штуке, определенно нужны мозги.

— Ты только что сказала, что я умный?

Она широко улыбается мне.

— Спят, да? Ладно, пользуйся, пока я добрая. Кстати, о... — она замолкает и устремляется в сторону кладовки. Пока она копается там, я фантазирую о том, как иду за ней следом, закрываю за собой дверь и прижимаю ее к одной из полок. Я хочу заставить её почувствовать, что она для меня значит, хочу проникнуть руками под ее топик, дотронуться до груди и ласкать её до тех пор, пока она не начнет стонать. Потом снять с нее одежду и накрыть её соски своим ртом, готов поспорить, они идеально розовые.

Мне хочется сказать ей все те грязные вещи, о которых я сейчас думаю, и быть настоящим, хотя бы раз, вместо того, чтобы притворяться. Я хочу, чтобы она покраснела от моих грязных слов, а ее тело содрогнулось от желания.

О боже. Я захожу за стойку, чтобы скрыть собственную эрекцию, и стараюсь игнорировать растущее желание. Я должен прекратить думать о ней в таком свете. Уже много лет я говорю себе это и боюсь, что однажды не выдержу и разрушу одни из лучших отношений, которые у меня когда-либо были. Если не самые лучшие.

Но черт, вдруг она чувствует то же самое? Что если глубоко внутри она тоже этого хочет, круглосуточно насилая собственный мозг, как это делаю я?

Я почти готов это сделать. Клянусь, я готов пойти в кладовку, поцеловать её и оттрахать у стены так, что у неё не останется никаких сомнений на счет моих чувств.

Глубоко вздохнув, я собираюсь с духом.

Я могу это сделать.

Она выходит из кладовки с большой коробкой, на ее лице загадочная ухмылка. Момент упущен. Я ничего не сделал.

Я трус.

Похотливый трус.

— Ну вот, — говорит она и со стуком ставит коробку на стойку. — Твой подарок на день рождения.

Я поднимаю коробку. Довольно тяжелая.

— Не стоило, — говорю я, чувствуя смущение, из-за того, что она беспокоится о таких вещах. Но черт, как же это приятно.

Она игриво пожимает плечами.

— Да ладно. Это пришло некоторое время назад, и я сразу подумала о тебе. Я спрятала это в кладовку, решив отложить подарок до твоего дня рождения. — Я смотрю на нее, и она нетерпеливо постукивает по крышке. — Ну же, открывай.

Я открываю крышку и заглядываю внутрь. Это черная кожаная куртка.

— Черт, — говорю я, медленно вытаскивая ее из коробки, словно она из чистого золота. Хотя я и не слежу за модой, но понимаю, что это невероятно крутая и стильная вещь. Она в байкерском стиле с полосками на рукавах, и это придает ей особый шарм.

— Посмотри на спину, — говорит она.

Я переворачиваю куртку. Возле воротника вышитая серебряными нитками надпись «Л. МакГрегор»

Я смотрю на Стеф, ошеломленный тем, что это было сделано специально для меня.

Она краснеет и смущенно отводит взгляд.

— Не смотри на меня так.

— Как? — шепчу я.

— Как будто это что-то особенное. Это не так. Я увидела куртку и решила, что она как нельзя лучше подходит мужественному пилоту вертолета. Поэтому я вышила на ней твое имя. Не знаю, я хотела сделать что-то на подобии фильма «Лучший стрелок». Возможно, мы могли называть тебя Ледяным человеком.

Она старается свести все в шутку, и, возможно, я должен позволить ей это сделать, но черт возьми, все это так много для меня значит. Сердце буквально переворачивается у меня в груди. Ради одного этого уже стоило вылезти из постели.

Как я могу заставить себя держаться подальше от этой женщины?

Я с трудом сглатываю и стараюсь подобрать слова. Но мне нечего сказать, кроме разве что правды.

— Спасибо. Это много для меня значит.

Она легонько касается моей руки.

— Пожалуйста.

Я надеваю куртку, восхищаясь тем, как хорошо она на мне сидит, и делаю глоток виски, чтобы вернуть мысли на место.

Надеюсь, там они и останутся.

СТЕФАНИ

Знаете, день не может начаться хорошо, когда вы просыпаетесь от того, что на вас сверху что-то капает. Чувствуешь себя как в китайских пытках (прим. «Китайские пытки» — вид пыток, применимых на территории современного Китая, человека усаживали в очень холодной комнате, привязывали его так, что он не мог пошевелиться или пошевелить головой, и в полной темноте ему на лоб медленно капали холодной водой. Через некоторое время человек замерзал, либо сходил с ума от невыносимости увернуться от постоянного капания на тело).

Я открываю один глаз, и в него летит капля воды.

— Какого черта? — я быстро вытираю лицо и уворачиваюсь от еще одной капли. Подняв взгляд на подвесной потолок, я вижу, что над которым уже сформировалась гигантская выпуклость, из которой сочится вода, капая прямо мне на постель.

Просто, блять, великолепно. Я купила крошечную квартирку в районе Мишен два месяца назад, и она уже начала разваливаться. Если бы я снимала квартиру, то просто позвонила бы сейчас хозяину, и пусть он сам со все разбирается. Но это мое жилье и моя собственность, поэтому мне не на кого переложить эти проблемы, придется принять удар на себя.

Со счастливым, черт возьми, тридцатым днем рождения меня. Вот и новый десяток, полный ответственности. Не помню, чтобы я на это подписывалась.

Я вздыхаю и выбираюсь из постели, жалея что Арон не остался на ночь, он мог бы помочь мне справиться с этим дерьмом. Но потом я вспоминаю его удивительную способность исчезать, как только появляются трудности — что-то большее, чем просто позировать перед камерой. Знаю, мне стоит позвонить Линдену, по крайней мере, этот мужчина умеет решать проблемы.

Больше книг Вы можете скачать на сайте — Knigolub.net

Но я этого не делаю. Я знаю, его девушка ненавидит меня, и мне даже представить страшно, как она отреагирует на мою просьбу. Кроме того, это моя квартира, а значит мои проблемы. Мне уже тридцать. Настало время стать большой девочкой и самой со всем разобраться.

Удивительно, но если не считать не совсем удачного пробуждения, все не так плохо, как я думала. Наверно, мой двадцать девятый день рождения был хуже, также как тридцать девятый будет хуже сорокового. К тому времени, как эти волшебные/ужасные года приближаются все ближе и ближе, к тебе постепенно приходит смирение.

Но вот с чем я не могу смириться, так это с тем, что купила прохудившуюся квартиру. Полагаю это отчасти моя вина, поскольку я нашла самый маленький, самый дешевый вариант в несколько сомнительном районе, но покупать недвижимость в Сан-Франциско просто смешно. Если бы не моя мама с поручительством за ипотеку (похоже банки не любят тех, кто работает сам на себя) и тот факт, что это была частная продажа через племянника друга моей мамы, я бы никогда не смогла себе это позволить.

Это мой дом, хотя конечно не о таком доме я когда-то мечтала. Шестьсот квадратных футов (примерно 180 квадратных метров), одна спальня размером с берлогу и крошечный балкон, с которого открывается живописный вид на церковь и бомжей в парке. Дом конечно далек от исторического, он трехэтажный в викторианском стиле, с садиком на заднем дворе. Надеюсь, я когда-нибудь там окажусь. Я мечтала о муже и доме, в котором будет бегать куча детишек, о соседях, с которыми бы мы заглядывали друг к другу время от времени. Возможно, горячий брат моего мужа репетировал бы иногда в нашем гараже со своей подпольной группой «The Beach Boys».

Если подумать, последние десять лет моя жизнь напоминала сериал «Full House» (прим. американский телесериал в жанре ситком, транслировавшийся каналом ABC с 1987 по 1995 год). Не совсем реалистично.

Я быстро принесла металлическое ведро из под раковины и поставила его на кровать. Первая капля воды тут же со стуком упала в него. Это все, что я могу сейчас сделать.

Мой будильник и так сработает через полчаса, поэтому я решаю пойти в душ и привести себя в порядок. У меня уходит очень много времени на то, чтобы высушить волосы феном и создать на своей голове некое подобие локонов. После работы я собираюсь в «Лев», так что надеюсь, мои усилия окажутся не напрасны. Я наконец-то подстриглась и покрасилась. Мои волосы теперь блестящего шоколадно-коричневого оттенка, а новая стрижка придает мне изысканности и (надеюсь) сексуальности. В довершение ко всему, я сделала красное меллирование и по какой-то причине мои глаза теперь кажутся больше и голубее. Я выгляжу немного старше, но только в хорошем смысле, хотя я до сих пор не могу отделаться от чувства, что это делает мое хмурое, недовольное лицо еще более выраженным.

Сегодня вторник, поэтому я направляюсь на работу и как обычно просматриваю список резюме. Спустя почти год после открытия магазина, я, наконец, решила кого-нибудь нанять. Давно надо было это сделать, но я просто не могла себе позволить помощника, пытаюсь сохранить депозит за квартиру. Кроме того, думаю у меня реальные проблемы с управлением людьми.

Но если я буду продолжать тянуть все на себе, то в конечном итоге я угроблю собственное здоровье. Я едва успеваю в спортзал после работы, так что теперь мое тело пребывает в состоянии между пышным и слишком пышным. Я часто ем у прилавка в магазине не совсем здоровую пищу и когда возвращаюсь домой, у меня нет сил даже чтобы трахнуть своего парня. Раньше мне нравилось заниматься сексом, так что, это что-то да значит.

Арон по-прежнему работает моделью. Он, как говорит моя подруга Никола, “ходячий секс” — настолько горячий, что устоять невозможно.

В последнее время он действует мне на нервы, но думаю, это потому, что я слишком устала. Я реально перегружена на работе, поэтому срываюсь на всех и вся. Чертовски трудно рвать себе задницу, пытаюсь наладить свой бизнес и собственную жизнь (хотя в моем случае это примерно одно и то же), при том что ваш друг действительно не имеет понятия, что значит тяжелая работа. Где-то раз в неделю он ходит на фотосессии, а остальное время он пьет и ест на эксклюзивных вечеринках и прочих мероприятиях, выкладывая свое смазливое личико и голый торс в Instagram. Большую часть времени он спит до одиннадцати, и это при том, что ему уже двадцать семь лет, а не семнадцать.

Но я решаю перестать ныть и мне приходится серьезно поработать над нейтрализацией стервозного выражения лица, чтобы заманить клиентов не только сезонными скидками.

Наверное, я просто придираюсь к мелочам, потому что устала и потому что никто не любит работать в свой день рождения.

К счастью, я получила шквал постов и поздравлений на своей страничке в Facebook от совершенно разных людей, и это заставило меня в какой-то мере почувствовать себя лучше. Было одно сообщение от Пенни, подруги Джеймса, от самого Джеймса, Линден тоже написал мне позже, говоря, что думал позвонить, но не был уверен, уместно ли это. Не знаю, что это значит. То ли он не хотел мне звонить, пока я работаю, то ли он не хотел звонить мне вообще. Учитывая то, как мало я видела его в последнее время — отчасти из-за моего дурацкого графика — я действительно надеюсь, что это не второй вариант.

Мама позвонила мне, когда я уже закрыла магазин, а вот папа даже смс не прислал. Я не стала рассказывать ей об этом, чтобы лишний раз не расстраивать, но мне действительно было больно. Я помню, как мой отец проверял меня, когда я была помладше. Его очень беспокоил мой друг Оливер, и это ужасно раздражало меня. Смешно, но некоторые вещи с возрастом вы начинаете ценить.

Я уже почти дошла до дома, как обычно опаздывая. Надеюсь, мне хватит времени подправить макияж и найти, что надеть прежде, чем пора будет идти в бар. В этот момент мне звонит Арон.

— Привет сексуальная именинница, — говорит он. — Ты уже дома?

— Почти, — говорю я, переходя на желтый по улице Герреро.

— Не ходи в «Лев», — быстро говорит он. — Приходи ко мне.

Я стараюсь скрыть раздражение в собственном голосе. Арон живет около зоопарка в квартире, которую он делит с двумя другими моделями-пижонами. Там вечно пахнет грязным бельем, и я ненавижу ходить туда, но возможно мне придется делать это чаще, если я не разберусь с протекающей крышей в своей квартире.

— Арон.

— Мы просто выпьем. Парни хотят поздравить тебя с днем рождения.

Я закатываю глаза. Все его друзья только и делают, что пялятся на мои сиськи и задницу. Они, наверно, хотят подарить мне бесплатную поездку на катере. — Почему они не могут прийти в «Лев» как все остальные?

— Пожалуйста, Стефани, — говорит он, и его голос становится похож на голос маленького мальчика. Он тихо добавляет, — Я так редко вижу тебя в последнее время. Мне бы хотелось побыть с тобой наедине, прежде чем придется делить тебя со всеми.

Я вздыхаю, не хочу испытывать чувство вины по отношению к Арону, хотя до этого он говорил, что его друзья-модели тоже там будут. — Хорошо. Я буду через сорок пять минут, мне нужно немного освежиться.

— Ты всегда свежая, малышка, — говорит он.

— Да, да, — я вешаю трубку. Я захожу домой, проверяю ведро на кровати и обнаруживаю, что оно почти полное. Меняю его и это все, что я могу сделать на данный момент. Затем я переодеваюсь в ярко-желтое мерцающее платье, которое подчеркивает мой загар и скрывает недостатки, которые слишком очевидны в последнее время. Моя прическа каким-то чудом сохранила свою форму, я наношу сверхсильный лак для волос, решая подстраховаться, и быстро наклеиваю накладные ресницы. Пурпурная помада и я готова. Я искренне надеюсь, что Арон не захочет секса и мне не придется прилагать лишних усилий, а затем испытывать чувство стыда.

Люди, я правда думала, что с возрастом сексуальное влечение женщины становится

лишь сильнее, а никак не уменьшаться. Меня передергивает от этих мыслей, но я все равно иду к машине и еду через сводящий с ума трафик на Сансет, после чего останавливаюсь на 46-й и Винсент.

Двухэтажный дом Арона выглядит довольно непримечательно, в нем нет лифта, зато есть гараж. Несмотря на внешнюю простоту, уверена, стоит он довольно прилично, не зря же здесь живет куча парней. Дом довольно близко к зоопарку и пляжу, аренда должно быть просто заоблачная, впрочем как и на всю недвижимость в районе Сансет. Прежде чем купить квартиру, я несколько раз думала о том, чтобы предложить Арону переехать вместе со мной. Это помогло бы мне с ипотекой и для него было бы гораздо дешевле в долгосрочной перспективе, но честно говоря, я не думаю, что это хорошая идея. Не то чтобы я хочу жить одна всю свою жизнь. Просто я не думаю, что смогла бы жить с Ароном.

Эта мысль немного отрезвляет меня, заставляя остановиться на нижней ступеньке. Иногда, когда я думаю о чем-то подобном, мне становится интересно, почему я с ним, если не вижу нашего совместного будущего. Но перспектива снова остаться одной и зависать на сайтах знакомств пугает меня до чертиков. Я не трусиха, но сейчас это точно не то, что мне нужно.

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя думать о хорошем, например, о бокале вина, который скоро выпью, и о своих друзьях, с которыми позже увижусь, и поднимаюсь по лестнице.

Я стучусь, и он тут же открывает дверь с бокалом пива в руках.

— Ты выглядишь чертовски горячо, — говорит он, осматривая меня с головы до ног. Он обвивает свободной рукой мою талию и притягивает к себе. Арон явно уже выпил, и это ужасно злит меня. Теперь мне придется отказаться от выпивки в собственный день рождения, чтобы вести машину. Поездка на такси отсюда влетит в копеечку, и я не думаю, что Арон заплатит за нее.

Он целует меня в губы и берет за руку, уводя в глубь дома. Кругом царит темнота, лишь тонкий луч света проникает из кухни в холл.

— Почему так темно? — спрашиваю я, осматриваясь. — Где Чак и Адам?

— Садись, — говорит он, буквально толкая меня на диван. — Я принесу тебе выпить.

Я смотрю ему вслед, пока его силуэт исчезает в холле. — Ничего крепкого, — говорю я. — Думаю, я теперь за рулем.

— Нет. Не за рулем, — кричит он в ответ.

Здесь слишком, черт возьми, темно, даже занавески опущены, закрывая доступ уличному свету. Я тянусь к лампе рядом с диваном и включаю ее.

Проходит доля секунды, прежде чем мои глаза привыкают к свету, и я не могу поверить в то, я что вижу.

Похоже все, кого я знаю, собрались здесь, кто-то сидит на корточках, кто-то прислонился к стене. Линден, Джеймс, Никола, Кайла и Пенни. Они все улыбаются, застыли на месте, словно статуи.

И тут Линден кричит.

— Сюрприз!!!

Все остальные вторят ему, кто-то кричит — С днем рождения, подруга! — и внезапно меня окружают все мои друзья.

Думаю, у меня только что случился небольшой сердечный приступ. Проходит несколько минут, прежде чем я вспоминаю, как дышать, и издаю полный удивления крик.

— Какого черта!? — кричу я, прижимая руку к груди. Я смотрю на всех собравшихся, замечая Чака и Адама. Парень Николы, Бен, тоже здесь, как и Кэрлайн с Дэном, которые работают вместе с Джеймсом во «Льве». Даже Ария, моя коллега из All Saints, пришла поздравить меня.

Это самое удивительное, что когда-либо со мной случалось. Казалось бы, что такого в том, что все, кого я знаю, собрались в одной комнате, но это много для меня значит.

Никола притягивает меня в свои объятия.

— Видела бы ты свое лицо, это было неподражаемо.

Джеймс хлопает меня по спине.

— Было так трудно не проболтаться, не могу поверить, что ты повелась на это.

Мое сердце начинает биться быстрее, когда Линден подходит ко мне.

— С днем рождения, Мальвинка. — Прежде, чем он успевает меня обнять, если он конечно собирался, Пенни хватает меня за запястья и сжимает в объятиях.

— Надеюсь, ты не обмочилась, — говорит она, обнимая меня, и я смеюсь в ответ.

— Я была к этому близка, — шучу я. Арон протягивает мне бокал вина, и когда я смотрю на него, мои глаза сверкают от счастья. Не могу поверить, что он все это спланировал для меня. Меня пронзает чувство вины из-за мыслей, которые чуть раньше крутились в моей голове. Мне не стоило так плохо о нем думать — он полон сюрпризов.

Кто-то включает одну из моих любимых песен Led Zeppelin «Trampled Underfoot», и начинается веселье. О «Льве» теперь не может быть и речи, вечеринка будет там, где и должна была быть.

Я иду на кухню, чтобы помочь Николе и Арону вытащить закуски из холодильника. После того, как Никола уходит вместе с миской со шпинатом и артишоками, я обнимаю Арона за талию и прижимаю его к себе.

— Спасибо тебе, — говорю я от чистого сердца. — Спасибо тебе. Спасибо. Ты понятия не имеешь, как много это для меня значит.

Он улыбается мне застенчивой мальчишеской улыбкой. — Не беспокойся об этом. Я подумал, это хорошая идея. Хотя на самом деле все придумал Линден.

Я не ослышалась?

— Что?

— Да, он позвонил мне несколько недель назад и сказал, что у него есть отличная идея по поводу подарка на твой день рождения, но ему нужна моя помощь. Он хотел использовать мою квартиру, потому что это не вызвало бы у тебя особых подозрений, и я подумал, что это круто. Это все он. — Арон тянется и сжимает мою задницу. — Мой подарок будет позже, не волнуйся, детка.

Я слишком удивлена, чтобы обратить внимание на его обещание.

Это все было идеей Линдена?

Линден сделал все это...для меня?

Я отстраняюсь от Арона и смотрю на него новыми глазами. Ему, кажется, не стыдно или он даже не испытывает ревности из-за того, что другой парень сделал все это для меня. На самом деле, я никогда не видела, чтобы Арон ревновал к Линдену, ни разу. Раньше мне в нем это очень нравилось, но теперь мне интересно, неужели немного ревности это что-то невыполнимое?

— Еще вина? — спрашивает он и, достав бутылку из холодильника, подливает мне в бокал, прежде чем я успеваю ответить. — Выпьем за твои чертовы тридцать, пума, — шутит

Арон. Я отвожу взгляд и замечаю, как он выходит из кухни, чтобы присоединиться к остальным.

Я стою, прислонившись к столешнице, и пью вино, пытаюсь осознать то, что произошло. Линден сделал это для меня. Я уверена, что для некоторых людей это не вот уж большое дело — их друзья постоянно устраивают им вечеринки, а он мой друг.

Но по какой-то причине я чувствую, что это гораздо глубже, и по моему телу разливается приятное тепло.

Я решаю зайти в ванную и, вывернув из-за угла, буквально врезаюсь в человека часа. В Линдена.

Это удивительно, но когда мое тело соприкасается с его, целый рой бабочек устремляется в низ моего живот.

— Извини, — говорит Линден с нахальной ухмылкой, рассматривая меня.

Я хватаюсь за его предплечье. Люблю чувствовать сильное мужское предплечье, у Линдена с этим все просто на высоте. Его кожа сохранила остатки летнего загара, в меру буйная растительность придает ему мужественности, а вовсе не делает гориллой. На внутренней стороне его руки вытатуировано две цитаты («Она сумасшедшая, но она волшебна». «Нет лжи в ее огне»). Яркие выраженные мышцы заставляют вас фантазировать о том, как он с легкостью колет дрова, или как хватает вас за бедра, жестко трахая сзади.

Я начинаю думать, что схватить его за предплечье было плохой идеей. Отпустив его руку, я наверно впервые в жизни не знаю, что ему сказать.

— Линден, — говорю я и замолкаю, прикусив губу как школьница — идиотка.

Его темно голубые глаза находят мои. Взгляд этих глаз порой бывает чертовски проникновенным, и я боюсь того, что он увидит во мне и какой сделает вывод.

— Арон рассказал тебе? — спрашивает он осторожно.

Я киваю.

— Да.

— Я не хотел, чтобы он говорил, — говорит он, не сводя с меня глаз.

— Почему нет?

Он пожимает плечами и хмурится.

— Я не знаю. Это выглядит неправильно. Я хотел, чтобы ты думала, будто это полностью его идея.

Я качаю головой.

— Но почему?

Он сглатывает, и его кадык подпрыгивает на толстой, массивной шее. Я представляю, каково это, укусить его там, один небольшой укус или два. Уверена, на вкус он как чистый тестостерон с ноткой шалфея.

Его глаза опускаются на мои губы. — Потому что это то, что должен делать для тебя твой мужчина. Не друг.

В моей груди разливается какое-то невероятное тепло, охватывая все мое тело. Не знаю что, но что-то меняется. Воздух вокруг нас становится наэлектризованным, как перед летней грозой, и напряжение между нами такое сильное, что просто душит меня.

— Тогда зачем ты это сделал? — спрашиваю я еле слышно. Что бы ни произошло, я боюсь говорить слишком громко, чтобы это не исчезло.

Он пристально смотрит на меня, должно быть он тоже чувствует это. Линден не сводит глаз с моих губ, как будто хочет их съесть. Возможно, он хочет попробовать меня на вкус

точно так же, как я хочу попробовать его.

Боже. Это просто невозможно.

В этот момент он тянется к моему лицу.

О, Господи, пожалуйста.

Продолжая прожигать меня взглядом, он скользит кончиками пальцами по моим скулам и медленно ведет вверх, убирая волосы от лица. Его прикосновение, как факел или фейерверк, заставляет мою кожу буквально гореть.

— Жаль, что так вышло с соглашением, — бормочет он, убирая мне волосы за ухо и перебирая их между пальцами. Его улыбка говорит мне о том, что, кажется, ему это нравится, и я радуюсь, что нанесла кондиционер этим утром.

Я аккуратно прочищаю горло, лишь сейчас осознавая, как близко друг к другу мы стоим. Его прикосновения к моим волосам, и то, как я теряюсь в его глазах...

— А что с ним?

Он печально улыбается и убирает руки. Но не отходит от меня и не отводит взгляд. — Тебе сегодня тридцать. Но ты не свободна.

— Так же как и ты. Кстати, где Надин? — спрашиваю я и тут же жалею об этом. Одно её имя заставляет Линдена выпрямиться.

— Она не смогла прийти. У нее были другие планы. Мне жаль.

А мне нет. Она точно так же не пришла и на прошлое мое день рождения. Конечно, она была в больнице, но все же.

Он глубоко вздыхает и проводит рукой по волосам. — Послушай. Стеф... — говорит он и подходит чуточку ближе. Жар между нами усиливается и напряжение становится просто невыносимым.

— Что здесь происходит? — раздается мужской голос.

Мы поворачиваемся и видим Джемса, стоящего в холле со скрещенными на груди руками. Он выглядит не особо довольным. Вообще-то он выглядит так, словно готов убить нас обоих.

Я тут же чувствую, что мы делаем что-то неправильное. Может быть, потому что глубоко внутри, я хотела бы сделать что-то не правильное. Или, может быть потому, что я замечаю боль и отвращение во взгляде Джеймса.

— Ничего, чувак, — говорит Линден. — Просто желаю имениннице счастливого дня рождения.

Джеймс продолжает смотреть на нас, и я сознательно делаю шаг назад.

— Арон сказал мне, что это была идея Линдена. Ну знаешь, на счет сюрприза. Так что я просто благодарила его.

Линден стреляет в меня убийственным взглядом, но я не понимаю, что это значит.

Брови Джеймса удивленно ползут вверх.

— Это твоя идея?

Ох. Так Джеймс тоже думал, что это идея Арона. Интересно, какого черта Линден не сказал ему.

Линден сердито смотрит на него. — Не бери в голову. — Он переводит на меня взгляд и говорит, — Поговорим позже. — После чего уходит, возвращаясь на вечеринку.

Я остаюсь наедине с Джеймсом и не могу не думать о том, что произошло между нами ровно год назад. Я действительно надеюсь, что он не поднимет эту тему.

— О чем еще вы тут говорили, ребята? — спрашивает меня Джеймс. Он пытается

сделать вид, что ему все равно, но я замечаю подозрение в его голосе.

— Ничего, — говорю я ему. — Я просто поблагодарила его, и это все.

Его глаза сужаются, и этого достаточно, чтобы я продолжила, — В чем дело, Джеймс?

— Я не знаю, — говорит он и проходит мимо меня в ванную. Я наконец вспоминаю, куда собиралась. — С того места, где я стоял, это выглядело не просто как благодарность.

Я смотрю на него со смесью шока и удивления. — Да ладно тебе. Перестань вести себя странно.

— Я не странный, — говорит он, защищаясь, и я вижу по взгляду его карих глаз, как крутятся колесики в его голове. Он думает о моем последнем дне рождения, я просто уверена.

— Хорошо, — быстро говорю я, прежде чем он успевает сказать что-то еще. Я знаю, что собирался привести какую-нибудь аналогию типо «Тебе всегда везет в день рождения» или что-то вроде того. Мы никогда не обсуждали, что произошло в ту ночь, и я хочу сохранить все в тайне.

Я отказываюсь от ванной, позволяя ему пойти первым, и иду по коридору на кухню, где я наливаю себе еще вина, прежде чем вернуться на вечеринку. К тому времени, как мой стакан становится пуст, я чувствую себя довольно хорошо в свои тридцать и делаю то, что действительно умею, а именно — выкидываю всех и все из своей головы.

Я не думаю о Джеймсе.

Я не думаю о Линдене.

По крайней мере, я пытаюсь не думать о Линдене. Но когда позже я понимаю, что он сделал плейлист, который мы сейчас слушаем, со всеми моими любимыми песнями (Zerpelin), я не могу ничего с собой поделать.

Я не могу перестать о нем думать.

И не могу перестать думать о нашем соглашении.

На следующее утро я проснулась от дикого похмелья. Не так я думала встретить свой второй день в возрасте тридцати, но опять же, в этом нет ничего удивительного. Воспользовалась возможностью, я вчера прикончила бутылочку белого вина, завершив дело парой коктейлей, но тогда мне не было так плохо, как сейчас. Возможно, страдать от похмелья — это нормально в тридцать.

Но с другой стороны, я не проснулась с тем, о ком бы потом пожалела. Это плюс. Арон крепко спит рядом со мной, тихонько похрапывая. Несколько минут я тупо смотрю на него, пытаюсь проснуться.

Он действительно выдающийся экземпляр. Это как если Бог решил создать человека, предназначенного для того, чтобы рекламировать доски для серфинга и плавки. Так и появился Арон. Его кожа загорелая и гладкая практически везде. Ему даже не нужна депиляция, хотя это довольно популярная процедура среди моделей. Волосы на теле Арона имеют легкий темно-русый оттенок и, как правило, выгорают на солнце, а буйная шевелюра на его голове переливается всеми оттенками блонда и лишь придает ему шарма. Добавьте к этому зеленые глаза, которые так и манят к себе, сияя чистым нефритовым блеском.

Он полон беспечного мальчишеского шарма и веселья. Арон молод и перед ним куча возможностей.

Мне нереально с ним повезло, серьезно.

Наверно неправильно, что я продолжаю твердить себе об этом?

Я медленно слезаю с постели и иду ванную, единственную в доме. Сбрызнув лицо холодной водой, я изучаю свои поры в течение нескольких минут, прежде чем проглотить две таблетки адвила. У меня есть кое-что из косметики в аптечке. Я наношу немного тонирующего увлажняющего крема и добавляю кремовых румян на губы и щеки. Это не помогает, и я по-прежнему выгляжу так, как будто попала под грузовик.

Надев одну из своих клетчатых рубашек и боксеры, я иду вниз и застываю как вкопанная, когда вижу кучу спящих людей в гостиной. Видимо все они остались здесь после вечеринки. Последнее, что я помню из прошлого вечера, это как я болтала с Пенни о том, насколько сильно мне нравится Майкл Китон в роли Бэтмена. Наверно, после этого кто-то сжалился и отвел меня в постель.

Пенни спит на одном из диванов, Джеймсом лежит рядом на полу, устроившись на куче пальто. Другой диван оккупировал Ден. Я нигде не вижу Линдена, интересно, как он добрался домой. Я не помню, как он ушел, помню лишь чувство острого разочарования, когда я поняла, что его нет.

Должна сказать, я немного успокоилась. Учитывая то странное напряжение между нами прошлой ночью, это даже хорошо, что он не остался. Может, с ним я говорила о Майкле Китоне, а не с Пенни, и потом что-то случилось? Пьяная тридцатилетняя Стефани — это сила, с которой порой нельзя не считаться.

На кухне я ставлю на плиту гигантский кофейник. Откусывая банан, я наливаю себе чашечку ароматного кофе. К этому моменту все просыпаются и дружной толпой устремляются ко мне в поисках кофе. Они точно зомби протягивают конечности к моей чашке, что-то невнятно бормоча с бледными лицами.

Макияж Пенни за ночь размазался по ее лицу, но выглядит она довольно бодро.

— Так когда мы идем в поход? — спрашивает она меня.

— Что? — мой мозг буквально вскипает, пока я пытаюсь понять, о чем она говорит. Выходит не очень.

— Вчера вечером мы говорили о том, как было бы здорово парами отправиться в поход. — Она смотрит на Джеймса. — Ты не помнишь?

Он кивает, но как и я хмурится. Похоже, прошлой ночью я была изрядно пьяна, раз говорила про поход.

Пенни продолжает.

— Как бы то ни было, я думала об этом сегодня утром и...

— Ты только проснулась, — говорит ей Джеймс

— И, — продолжает она, — Думаю, я знаю отличное место. Вы когда-нибудь слышали о «Sea Ranch», к югу от Мендосино?

— Да, конечно, — говорю я ей. «Sea Ranch» — это тихий курорт, прямо над грозным Тихим океаном. Я никогда не была там, но проезжала через него несколько раз, когда ехала по Highway One.

— У моего коллеги там дом, и мы могли бы арендовать его на выходные. Думаю, мы все должны поехать. — Она переводит взгляд на Дэна. — Кроме тебя, Дэн, прости. У тебя нет пары, и я тебя почти не знаю. Но все остальные — да. Стеф и Арон, я и Джеймс, Линден и Надин.

Дэн пожимает плечами и наливает себе чашку кофе, не особо расстроившись, что его не

включили в нашу компанию.

— Даже не знаю, — говорит Джеймс осторожно. Его волосы торчат во все стороны с похмелья.

— Ой, да ладно, — говорит Пенни, пихая его локтем в живот. — Выйдет реально дешево, может даже бесплатно, будет весело.

— Вообще-то это не совсем поход, — замечаю я, до сих пор не зная, что думаю по этому поводу.

Пенни морщит свой нос, демонстрируя кольцо в перегородке, которое является точной копией кольца Джеймса. — Мы все уже вышли из походного возраста. Этот вариант то, что нужно, типо взрослый лагерь.

— А как же работа? — спрашивает Джеймс.

— Дэн тебя прикроет, правильно Дэн? — спрашивает она Дэна, на что тот молча кивает.

— Стефани тоже работает, — добавляет Джеймс, и он прав. Магазин целиком и полностью на мне, и нет ни единого шанса, что я найду кого-нибудь за такой короткий срок. Но даже если и найду, то где гарантия, что человек окажется компетентен и мне не придется оставлять магазин не пойми на кого? Ну уж нет.

— Прости, — говорю я ей. — Джеймс прав. Я должна работать, больше некому.

— Так закрой магазин на выходные, — говорит она. — Когда у тебя в последний раз был надлежащий перерыв? Хотя бы на неделю?

Я стараюсь не думать об этом, потому что знаю ответ. Я езжу повидаться с мамой по воскресеньям. За исключением этого, я нигде не была уже целый год.

Целый чертов год.

— Я знаю. Но так получается, — говорю я ей. — Работать это отстой.

Спустя несколько дней я получила сообщение от Линдена, когда собиралась закрывать магазин. Я ничего не слышала от него со дня моего рождения. Мне рассказали, что Надин приехала, чтобы забрать его, пока мы все пели в караоке. Думаю, после этого она не спускает с него глаз.

Привет Мальвинка. Мне только что написала Пенни, она спрашивает не хотим ли мы с Надин поехать на «Sea Ranch» вместе с ней и Джеймсом на следующие выходные. Думаю, ты тоже должна поехать.

Вот это новости. Не думала, что все-таки соберутся в поход, после того, как я отказалась, но оказывается, да.

И тебе привет, ковбой. Я уже говорила Пенни, что не могу. Работаю.

Да, я в курсе. Но я все равно думаю, что ты должна поехать. Оставь свой магазин хотя бы на выходные. Закроешься пораньше в пятницу и потеряешь только субботу.

В субботу больше всех покупателей. Я потеряю кучу денег.

Нельзя все время думать только о деньгах. Жить тоже когда-то нужно.

Легко тебе говорить, думаю я.

Я знаю, но это то, на что я сама подписалась. Я знала, что мне придется идти на жертвы.

Ты сведешь себя в могилу со своей работой, Стеф. Пожалуйста. Я беспокоюсь за тебя. Ты должна отдохнуть, сделай себе чертов перерыв.

Повисает пауза и я вижу, что он пишет что-то еще. Я задерживаю дыхание и жду.

Я буду счастлив, если ты поедешь. Пожалуйста. Я скучаю по тебе.

Дыхание застревает у меня в горле. Обычно, Линден не такой. Он довольно бесстрастный и не особо сентиментальный, просто кремень. Он не из тех, кто говорит «я скучаю» кому бы то ни было.

Он ничего не пишет, и я знаю, что он ждет моего ответа. У меня не остается выбора.

Хорошо, пишу я в ответ. Я закрою магазин на выходные. Только потому что ты прав, мне нужен перерыв.

Это все, что я хотел услышать.

Я медленно выдыхаю и смотрю как последний покупатель покидает мой магазин с пустыми руками. Конечно, обидно закрыть его на целый день, но думаю, будет еще хуже, если я собственноручно загоню себя в могилу. Если отбросить чувство вины, то, возможно, перерыв окажется именно тем, что мне нужно.

Быстро написав Арону, я сообщаю ему о наших планах на выходные. Я даже не спрашиваю, сможет ли он оставить работу. Конечно, сможет. Ему всего лишь придется отказаться от очередной вечеринки. Бедный мальчик.

Итак, я иду в поход. Парами. Комок нервов формируется в глубине моего живота, и я понимаю, что мои отговорки не имеют ничего общего с закрытием магазина, здесь есть что-то еще.

Словно эта поездка нечто гораздо большее. Я чувствую, что в эти выходные абсолютно все может измениться.

ЛИНДЕН

— Мы уже приехали? Мы приехали?

— Боже, тут так красиво!

— Черт, мы должны остановиться, ребята. Эй! Устрицы! Нам нужны устрицы! Джеймс, почему мы не остановились?

— Линден, напомни мне еще раз, почему ты не отвез всех нас на вертолете? Мы могли бы избежать этой адски долгой дороги. Я чувствую себя Чеви Чейзом из «Каникул» (прим. «Каникулы» (англ. National Lampoon's Vacation) — художественный фильм, комедия режиссёра Харольда Рэмиса, снятый в США в 1983 году. Картина положила начало успешной серии фильмов National Lampoon's «Каникулы», «Европейские каникулы», «Рождественские Каникулы» и «Каникулы в Вегасе»).

Арон, Надин, Стефани и Джеймс вопят друг на друга, пока мы едем по побережью на «Sea Ranch». До сих пор дорога была невероятно красивой, пожалуй, даже лучше, чем вид сверху, который я наблюдал, пролетая над этим местом. Но вместе с тем наш путь получился довольно долгим и утомительным, дорога то и дело петляла, и к тому моменту, как Тихий океан цвета лазури встретил нас порывом холодного ветра, все шестеро из нас до смерти хотели выбраться из шевроле Джеймса.

К тому же, нам, кажется, не так повезло с погодой, как мы рассчитывали. В конце октября погода на побережье может приподнести неприятный сюрприз. Мы выгружаем наши вещи из машины, занося их в скромные апартаменты с двумя спальнями. Дом расположен внизу утеса, и густой, словно рагу моей бабушки, туман окутывает все вокруг, так что дальше двух шагов не видно ни зги.

— Черт! Как же холодно, — возмущается Стефани, пока влажный ледяной бриз развивает волосы вокруг ее лица. Ее носик слегка покраснел, и это выглядит чертовски мило.

— Радуйся, что мы не отправились в настоящий поход! — кричит Пенни и, закутавшись плотнее в свою куртку, идет назад к машине забрать еще кое-что.

Моя кожаная куртка, спасибо Стефани, отлично сохраняет тепло, хотя здесь реально чертовски холодно, словно зимой. У меня возникает желание снять куртку и накинуть ее на плечи Стефани, но тут из дома выходит Арон и говорит ей, что все готово. Должен признаться, я впечатлен, потому что это должно быть самый джентльменский поступок, который этот маленький хрен совершил для неё в моем присутствии, но я не позволяю себе заикливаться на этом.

Я до сих пор думаю, что он ей не подходит, и думаю, что после этого уик-энда у меня не останется никаких сомнений на этот счет.

Я не знаю, почему меня это заботит. Но в данный момент, я не могу ничего с этим поделать.

Как только мы заносим внутрь все наши вещи, начинается дележка спален. Арон не медлит и забирает одну им со Стеф, и я собираюсь занять другую, но решаю, что Пенни и Джеймс заслуживают одну из спален, ведь именно Пенни организовала все это. Я говорю про коттедж, где мы смогли бесплатно провести выходные.

Надин недовольно стонет рядом со мной.

— Я не могу спать на диване, — бормочет она, указывая на отличный выдвижной диван возле окна, за которым простирался туман над океаном. — Моя спина.

У нее иногда бывают проблемы со спиной. Кажется, это началось после того, как ей удалили аппендицит, поэтому у меня нет оснований ей не доверять, когда она пытается соскочить. Ну вы понимаете, о чем я, то ей не хочется мыть посуду и выносить мусор, то не хочется ехать на работу. Я не могу посчитать, сколько раз я оставлял её в собственной постели и уходил на работу, в то время как она оставалась дома. В компании уже давно идут разговоры о том, что она моя подруга, и что теперь они должны нанять другого секретаря, чтобы её заменить.

Надин даже сюда не хотела ехать. Когда мы только начали встречаться, она была очень смелой и энергичной. Мы часто выезжали куда-то, ходили вместе в поход, плавали на байдарках, мы даже занимались скалолазанием в спортзале. Но за последние несколько месяцев она как-то изменилась.

Хотел бы я сказать, что к лучшему... но это не так. Она стала более подозрительно относиться ко мне и к тому, что я делаю, особенно когда дело касалось других женщин, и в частности Стефани. Тут уровень её ворчливости взлетал к одиннадцати из десяти. Она все чаще намекала мне на будущее, и чем чаще она это делала, тем меньше я в нем был уверен.

Я хотел сделать правильный выбор. Не хочу, чтобы наши отношения и то время, что мы провели вместе, пошло коту под хвост. В моем возрасте уже пора задумываться о будущем. Черт, кроме тех, кто сейчас здесь, большинство людей, которых я знаю, уже давно женаты и имеют детей.

Я не хочу портить отношения с Надин, чтобы потом внезапно понять, что у нас все могло получиться. Возможно, это всего лишь черная полоса и вскоре она сменится белой, снова принесет нам счастье и дни, наполненные замечательным сексом, который у нас раньше был. Я не хочу сдаваться.

И у меня есть на то причины.

Мои глаза находят Стефани, и я понимаю, что она собирается сделать. Я хочу сказать ей нет, ей не нужно этого делать.

— Все хорошо, — говорит Стефани, улыбаясь Надин. — Арон и я можем поспать на диване, мы не против.

И даже при том, что Арон был первым, кто забил комнату, очевидно, его это действительно не беспокоит. Он пожимает плечами и спокойно говорит,

— Да, не переживай.

— Спасибо, — быстро говорит Надин, даже не посмотрев в сторону Стеф. Стефани знает, что Надин недолюбливает ее, и изо все сил старается это исправить. Я хочу сказать, что ей не стоит заморачиваться на счет того, что Надин ревнует к нашим отношениям, и как бы Стеф не пыталась быть милой и угодить Надин — это не поможет.

Самое смешное, что Стеф и не пытается делать что-то специально. Она правда милая и просто хочет нравиться людям. Наблюдая за ней все эти годы, я пришел к выводу, что она так и не выросла. Стефани продолжает верить во всякую чушь и постоянно ждет одобрения. Иногда мне хочется отозвать ее в сторонку и сказать, что она не обязана быть дочерью, которая заполнит собой пустоту, оставшуюся в жизни родителей после смерти её брата. Она не должна из кожи вон лезть на работе или пытаться быть самой привлекательной девушкой в комнате. В первую очередь она сама должна в себя верить.

Я пытаюсь поймать взгляд Стеф, но она занята своей сумкой, которую пытается затащить на диван. Она шлепается на подушки и подпрыгивает вверх и вниз, улыбаясь Арону и как бы говоря, что диван это лучший вариант. Ее грудь, которая с каждым днем выглядит все лучше и лучше, покачивается вверх-вниз, и я отвожу взгляд, прежде чем кто-то поймает меня. Это более завораживающее зрелище чем лавовая лампа.

После того, как все наконец расселились и разобрали вещи, мы собираемся вокруг обеденного стола и открываем пиво с вином. За окном уже давно стемнело, нам пришлось выехать из города в пять тридцать вечера, сразу после того, как Стеф закрыла свой магазин. Ближайший супермаркет находится в Гвалала, до которого было минут десять езды, но никто из нас не хотел выходить наружу в такой туман и холод.

К счастью, мы заехали перекусить по пути сюда, так что нам вполне хватило банки сальсы, которую приготовила Надин, и упаковки чипсов.

Мы не часто вот так, тремя парами, собираемся вместе, поэтому было как-то неловко просто сидеть за столом и пить. Обычно Джеймс или я стараемся снять напряжение, но сегодня он какой-то странный и тихий. Может, он просто устал и волнуется. Он редко оставляет свой бар на все выходные, и я знаю, что он думает о сотрудниках, которых он там оставил.

— Как на счет покера на раздевание? — предлагаю я.

Надин закатывает глаза.

— Никто не хочет видеть тебя голым.

— Прости? — Я удивленно приподнимаю брови. Это что-то новенькое.

— Я согласна, — быстро говорит Пенни.

Я усмехаюсь и чокаюсь с ней пивом. — Хоть один нормальный человек нашелся, спасибо Пенни.

— Тебе не о чем беспокоиться, — говорит Стефани Надин, улыбаясь. — Линден мастер по покеру. Он в два счета заполучит твою одежду.

Надин похоже рассердилась. Она считает, что должна знать меня лучше, чем Стеф.

— Я за картами, — говорит Джеймс, и он направляется к стопке игр, которые стоят возле камина. — Или может в монополию?

— Только если мы будем играть друг против друга, — говорит Пенни, вызывая шквал одобрения. Что как ни монополия проверяет дружбу на прочность?

Я смотрю на Стеф и поднимаю брови. — Жаль, что нет игры Счастливые Дни, — говорю я ей, и она хихикает в ответ. Когда нам было по двадцать три или двадцать четыре, она сломала лодыжку и была вынуждена поддерживать постельный режим. Несколько ночей в неделю я проводил вместе с ней и Джеймсом, мы выпивали и пересматривали все сезоны «Друзей», хоть уже и смотрели их, когда были подростками. Один из наших любимых эпизодов (с «Pivot» и Росс в кожаных штанах), это когда Джо предложил поиграть в Счастливые Дни на раздевания, потому что у них не было карт.

Увы, у Джеймса карты были, но когда он бросил их на стол, то едва не опрокинул собственное пиво. Тогда он обвел всех нас взглядом и сказал, — У нас и правда сейчас ситуация складывается как и в «Друзьях». Три девушки, три парня. И большинство из нас хорошие друзья.

— Ну мы все знаем, что у Джеймса и Стефани была маленькая интрижка, когда они были молодыми и глупыми, — говорит Пенни, но видно, что это ее не особо волнует. Она улыбается им своей фирменной улыбкой, а затем поворачивается и смотрит на меня. — А

что на счет тебя Линден? Ты тоже отличился?

Обычно, когда кто-то задает мне вопросы о моих платонических отношениях со Стеф, то я как правило отшучиваюсь. Но сейчас это чертовски неудобно. Я чувствую на себе взгляд Надин, Стеф краснеет и отводит взгляд, а на лице Джеймса появляется то же самое убийственное выражение, когда он застукал меня и Стеф на вечеринке по случаю её дня рождения.

— Ты имеешь в виду Джеймса, да? — стараюсь я все же отшутиться. Это безопасная шутка.

Но Пенни это не впечатлило.

— Нет. Хотя я иногда удивляюсь твоим ночным разговорам, — говорит она, указывая на Джеймса, прежде чем повернуться ко мне. — У тебя было что-то со Стефани?

— Нет, — говорю я, а затем прижимаю ладони к лицу. — Она толстая.

— Заткнись, — кричит на меня Стефани. — У тебя бы ничего не получилось, даже если бы ты попытался.

Так, ладно, на это я не могу не ответить.

— Серьезно?

Стеф приподнимает свой подбородок и смотрит на Пенни.

— У нас ничего не было. У меня, знаешь ли, есть свои собственные стандарты.

— Ой. — Я резко хватаюсь за грудь. — Режешь прям без ножа.

— Я люблю Брайана Адамса, — вставляет Арон свои пять копеек.

— Может, ты просто не его тип, никогда об этом не думала? — пренебрежительно замечает Надин. Рот Стефани открывается, но надо отдать ей должное, она быстро берет себя в руки. Я на многое готов ради Надин, но в её словах был определенный подтекст, который мне не понравился.

— Я совершенно не его тип, — спокойно говорит Стеф, прежде чем сделать большой глоток вина, как будто старается запить те слова, которые не стоит произносить.

Я на мгновение ловлю ее взгляд, и что-то проходит между нами, я молча извиняюсь перед ней за Надин, и она понимает. Я хочу сказать ей, что она мой тип. Мой единственный тип. Но вместо этого я переключаю свое внимание на колоду карт. — Ладно, сейчас и правда было неловко. — Джеймс фыркает, но я не обращаю на это внимание. — Так почему бы нам все не усугубить и не сыграть в покер на раздевание?

— Черт, нет, — говорит Надин. — Мы взрослые люди, и мы не будем играть в покер на раздевание.

— Если мы "взрослые", — Стеф говорит и показывает в воздухе кавычки, — то это вовсе не значит, что мы больше не можем получать удовольствие, дурачась. Черт, я вообще не чувствую, что мне тридцать. Конечно, день рождения был у меня не так давно, но все же. Я чувствую себя на двадцать пять. Или скорее как женщина неопределенного возраста. И это прекрасно. Я не хочу чувствовать себя на тридцать, если это значит, что я больше не могу веселиться.

— Ты бы запела по-другому, будь у тебя ребенок, — говорит Надин, наклоняя голову.

Стеф смеется.

— Не думаю. То, что я единственная среди своих подруг не имею ребенка, вовсе не значит, что я менее-или более — зрелая, чем они. В любом случае, сегодня возраст ничего не значит. Тридцать — это еще раз двадцать, а сорок это тридцать и так далее. Все мы просто люди, живые существа в бесконечном эксперименте вселенной. — Она делает паузу,

переводя дыхание. — Я уже не та, какой была десять лет назад, но многое во мне осталось неизменным. Мой мозг все еще тот же, как и мысли. Уверена, что лет через двадцать, я оглянусь на свой третий десяток и пойму, что в чем-то я действительно выросла, а где-то по-прежнему остаюсь ребенком.

— Мы все чувствуем это, — заверяет ее Пенни. — Мне тридцать три, и я не чувствую себя на собственный возраст. Пусть так оно и будет. И это не имеет ничего общего с тем, есть ли у меня дети и муж.

— И не похоже, чтобы у тебя были дети, — говорю я Надин, потому что она снова необоснованно придирается к Стеф.

Она награждает меня твердым взглядом.

— Пока нет.

Ох, черт.

— Ладно, это действительно было неловко, — радостно говорит Джеймс.

Я не мог не согласиться. Мы все тянемся к своим напиткам, и тут на сцену выходит Арон (который не перестает напевать "Режешь без ножа"), пытаюсь разрядить обстановку, он говорит, — Ну что, мы играем в монополию или как?

На этот раз я говорю, что монополия — превосходная идея, и вскоре мы все становимся похожи на жадных магнатов, которые бьются за недвижимость. Как и большинство игр, монополия длится довольно долго. Пенни первая, кто все теряет, она возвращается к выпивке и пытается выработать стратегию для каждого из нас.

Надин сдается следующей.

— Я собираюсь спать, уже поздно, — говорит она, подавляя зевок, и встает с кресла.

Я перевожу взгляд на здания, которые выстроились в ровную линию, и на большую пачку разноцветных купюр. — Но ты побеждала. Ты как Дональд Трампинг.

— Я устала, — резко говорит она, снова зевая. Она действительно выглядит уставшей, ее волосы кажутся медно-красными на фоне бледного лица, думаю сейчас уже около одиннадцати.

— Могу я захватить твои активы? Я имею в виду, если бы это было в реальной жизни...

— Это и есть реальная жизнь. Ты тоже идешь спать, Линден. Сейчас же, — она стреляет взглядом в Стеф, подчеркивая каждое свое слово.

Меня все еще беспокоит, что она помыкает мной, особенно перед моими друзьями. Порой её поведение смахивает на поведение пещерного человека. Но может я просто придираюсь к мелочам и не надо цепляться к словам? По-моему кое-что я все таки унаследовал от своего отца.

Все смотрят на меня в ожидании реакции — уйду я вместе с ней или нет? Я жестко сглатываю и смотрю на Надин. — Я не устал. Думаю, задержусь еще ненадолго.

Я продолжаю смотреть ей в глаза, давая понять, что я не тот человек, кто отступает от своих слов. Должен сказать, это чертовски трудно. Ее нижняя челюсть так напряжена, что она вот-вот начнет скрипеть зубами от злости, уверен, она собирается загрызть меня позже.

— Хорошо, — говорит она, после чего разворачивается и уходит в спальню. Даже дверью не хлопнула.

Джеймс смотрит на меня, словно спрашивая «В чем ее проблема?». В последнее время мы с Надин не выставляли напоказ наши проблемы, и он не был свидетелем наших терок.

Это полный провал, да? Хрен с ним, я больше ничего не понимаю. Положив голову на руки, я жду, когда возобновится игра, и пытаюсь заставить себя думать.

Проблема в том, что я слишком пьян, чтобы думать.

Когда я оглядываюсь назад, то вижу, как Стеф смотрит на меня. Она не отводит взгляд. Я не могу прочесть в её взгляде, о чем она думает, а эти огромные голубые глаза продолжают меня умолять понять её. Возможно, она жалеет меня, видя в каком я сейчас настроении и как все это раздражает меня.

Или здесь что-то еще. Может, она сожалеет о нас с ней?

Знаю, я воспринимаю желаемое за действительно, но мне хочется в это верить.

Я хочу, чтобы она поняла, что мы оба теряем время не с теми людьми.

И я хочу чтобы она знала, все еще можно изменить.

Или уже слишком поздно?

На следующее утро нас встретило солнце, день обещал быть теплым.

Для меня это утро было многообещающим, особенно когда Надин разбудила меня утренним минетом и сказала, что сожалеет о своем вчерашнем поведении. Сложно отказаться от такого чертовски приятного минета и уж тем более не принять извинений, когда они кажутся действительно искренними. Да, Надин вела себя вчера не очень-то вежливо, но у всех свои недостатки и порой непросто побороть собственную гордость.

Вчерашний туман полностью рассеялся, и к полудню солнце во всей красе сверкало над водной гладью Тихого океана. Но не смотря на это, хорошая атмосфера продлилась не долго. Стефани и Пенни хотели съездить в Гвалала за продуктами, и я напросился с ними. Отчасти я беспокоился за них, хоть и не следовало, кроме того, приятная поездка в обществе двух девушек, что может быть лучше.

Надин наотрез отказалась ехать и тут начались проблемы. Ей казалось, что если не едет она, то и мне тоже не следует ехать.

— Почему ты постоянно крутишься возле нее? — спросила она, едва сдерживаясь от крика, когда Стеф и Пенни выглянули из-за двери.

— Это не так, — говорю я, игнорируя чувство вины. Это как удар по почкам.

— Знаешь, большинство парней не дружат с девушками так, как это делаешь ты.

Я прищурившись, смотрю на неё.

— Так как я? Что это значит?

Она смотрит на меня в ответ, после чего отводит взгляд.

— Ничего. Давай, езжай, веселись.

Я сажусь за руль, так как именно я чаще всего вожу машину Джеймса. Стеф запрыгивает на переднее сидение, а Пенни садится назад и высовывает голову в открытое окно, нежась в лучах утреннего солнца.

Я смотрю на Стеф и в какой-то момент мне кажется, что мы вдвоем против целого мира. Я забываю, что сейчас с нами Пенни. Невероятно прекрасное лицо Стеф занимает все мои мысли, в то время как в её огромных глазах отражается красота проносящихся мимо холмов. В другой жизни, или во сне, я бы остановил машину и трахнул Стеф прямо здесь, позволив этой дикой прибрежной красоте захватить нас и воплотив все наши тайные желания.

Но это не сон, а всего лишь моя фантазия, которая таковой и останется.

Мы задержались в Гвалала дольше, чем планировали. Город оказался довольно непримечательным, просто куча зданий по обе стороны от шоссе, но было в нем что-то

особенное, своеобразный шарм, который присущ небольшим прибрежным городкам. Мы купили достаточно продуктов для ужина, завтрака и парочки ланчей, плюс ко всему затарились пивом и закусками. В оставшееся время мы просто бродили по магазинам, хотя большинство из них уже закрылись к зимнему сезону.

Я почти ничего не ел на завтрак, с учетом того, что у нас была одна буханка хлеба и немного масла на всех. Поэтому когда Пенни заявила, что она чертовски проголодалась, мы все вместе отправились в ресторан «Bones», чтобы по-быстрому перекусить. Грудинка с дымком, кружечка пива, то что нужно. Даже сквозь заляпанные окна ресторана вид на город и скалы, спускающиеся к океану, просто завораживает. К сожалению, у нас слишком мало времени, чтобы насладиться этим.

Когда мы вернулись в дом, я сразу почувствовал, что атмосфера немного изменилась. Мы выгрузили сумки с продуктами и выпивкой на кухонный стол, чем несказанно обрадовали Арона, который тут же зарылся в них словно голодная белка. Джеймс и Надин пребывали явно не в духе.

— Почему вы так долго? — спросил Джеймс. Я подумал, что он обращается к Пенни, но он в упор смотрел именно на меня.

— Зашли перекусить, — сказал я, пожимая плечами. Не могу понять, почему он злится? Неужели это из-за того, что я взял с собой его девушку и машину?

— Мог бы позвонить, — замечает он и смотрит на меня так, словно подозревает во лжи.

— Хорошо, мамочка, — отвечаю я. — На кассе было полно народу. Иисусе, Джеймс. Мы притащили вам еду и напитки, как на счет того, чтобы ты немного остыл.

Он поднимает вверх руки и берет себе пива из коробки. — Я просто спросил.

Надин молчит, и это не к добру. Я знаю, что она в любую минуту взорвется. Но я так же знаю, что этого не произойдет, пока вокруг нас кто-то есть. Поэтому я тоже беру себе пива и подтягиваю барный стул, планируя просидеть тут до конца своих дней.

Я терпел ее тишину весь следующий час, в то время как Арон жарил хот-доги для себя и Джеймса, но в какой-то момент я понял, что без похода в ванную не обойтись. Как никак во мне целых два литра пива, и я уже на пределе. Я смотрю на Надин, разговаривающую с Пенни в патио снаружи, на их лица, повернутые к солнцу, и встаю, чтобы уйти.

Я действительно способен мочиться с невероятной скоростью. Вы бы тоже открыли в себе дополнительные таланты, если бы росли с таким братом как Брэм. Он просиживал в ванной часами и специально закрывался в туалете, стоило мне только собраться туда.

Я застегиваю ширинку и стоит мне выйти из ванной, как Надин тут как тут. Она стоит, положив руку на бедро, её розовая рубашка в белую клетку завязана на талии, рыжие волосы убраны от лица, демонстрируя складку между бровей и еле заметную насмешку на ее губах.

— Привет, детка, — говорю я, слегка улыбаясь.

Это разозлило её еще сильнее. Она довольно громко отчитывает меня, говоря, что я избегаю ее, будто она — тяжелое бремя, что я не замечаю её и не проявляю должного уважения. Большая часть из этого неправда, но где-то она попадает в точку. И из-за этого я чувствую себя полным ослом. Я даже не особо пытаюсь протестовать.

— Когда мы вернемся домой, нам нужно будет серьезно поговорить, — говорит она, прежде чем развернутся, да так быстро, что кончик её хвоста бьет меня по лицу.

Не спорю, она права. Нам нужно поговорить, но я действительно не знаю, как все это пройдет и что я собираюсь сказать. Интересно, сколько еще я продержусь, продолжая все отрицать.

Единственное, что я точно знаю, мне нужно уйти прямо сейчас. Я беру пиво и выхожу за дверь, мои ноги ведут меня вниз по дорожке из гравия, через выцветшее поле с засохшими цветами. Я иду до тех пор, пока не оказываюсь на песчанной дюне, по колено в траве. Сильный прибрежный ветер буквально сбивает с ног. Вокруг меня, куда ни глянь, бесконечный пустынный пляж, исчезающий в тумане над океаном, точно приведение.

Я сажусь на бревно и открываю бутылку пива. Мой разум погружается в квазимедитативное состояние, пока я молча смотрю на волны и пляж. Звук и сила, с которой вода бьется о берег, приводят меня в некое оцепенение, и это именно то, что мне нужно.

— У меня будут проблемы, если я поговорю с тобой? — знакомый голос вырывает меня из размышлений.

Я поднимаю взгляд и вижу Стефани, которая стоит сбоку от меня. Лучи садящегося за её спиной солнца делают ее похожим на ангела, и я не могу не улыбнуться.

— Возможно, — говорю я ей, а затем киваю на бревно. — Присаживайся. Что ты здесь делаешь?

Она поднимает руку и я замечаю в ней телефон.

— Фотографирую. Решила сделать парочку фото для заставки на телефон или еще чего-нибудь. — Она садится рядом со мной и листает картинки в телефоне. Я смотрю на экран и вижу вычурные снимки — поток воды в бассейне, бревно, выкинутое на берег. Я перевожу взгляд на её идеальный профиль. Пряди волос ласкают её лицо, и мне ужасно хочется протянуть руку и коснуться ее, заправить волосы ей за ушко, и наконец-то увидеть её лицо.

Она невероятно красивая женщина. Да она просто невероятная женщина. В некотором смысле странно, что я так думаю, ведь мы познакомились когда нам было всего двадцать один. Тогда мы были просто детьми, она ходила с синими волосами, а я вел себя как полный придурок. Теперь она шикарная штучка с формами, за которые так и хочется ухватиться, а её лицо стало более утонченным, чем когда-либо. Каждый день, каждый год проносится перед моими глазами, и я замечаю, как женщина, сидящая рядом со мной, изменилась за это время, тем более если вспомнить с чего все началось.

Не могу поверить, что я так долго был частью ее жизни.

Она смотрит на меня и щурится от солнца. — Что думаешь?

Я знаю, что она говорит о фотографиях, но я отвечаю,

— Думаю, мне чертовски повезло, что я знаю тебя так давно.

Она откидывает голову назад и слегка улыбается.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Вот это сюрприз, — говорит она.

— Почему?

Она пожимает плечами. — Не знаю. Иногда я задаюсь вопросом, знаешь ли ты на самом деле, как тебе повезло. — Я хмурюсь и смотрю на неё в недоумении, а она продолжает. — Я не имею в виду себя. Я имею в виду, ну знаешь, твою жизнь. Все в ней.

— И девушку? — спрашиваю я.

Она вытирает свои руки и наклоняется, играя с песком. Пропуская его сквозь пальцы, Стефани отвечает, — Возможно. Если ты счастлив, то тогда да, с девушкой тебе повезло.

— А если нет?

Она замолкает, обдумывая мои слова.

— Ну тогда ты можешь это изменить.

— Я не уверен, что могу с этим сделать.

Она смотрит на меня.

— Я знаю, что Надин недолгоблудивает меня. Но еще я знаю, что довольно редко вижу вас вместе. Ты и я...ну я была несвободна. Так же, как и ты. Я понятия не имею о том, что происходит в твоей жизни. Я не знаю, как она относится к тебе. Мы привыкли говорить о таких вещах...но сейчас я не знаю ровным счетом ничего о твоих отношениях. Но я уверена, что не стоит делать поспешных выводов о ком бы то ни было. Некоторые ведут себя как настоящие суки, но в то же время они могут быть чрезвычайно сострадательны, добры и лояльны к тем, кого они любят. Если Надин именно тот случай, то я не в праве её судить, и это объясняет, почему ты до сих пор с ней.

Сказав это, она быстро переводит взгляд на океан. — Или, возможно, это всего лишь бред.

— Нет, — говорю я. — В этом определенно есть смысл. Но...я действительно не знаю что сказать. Я просто надеюсь, что все дело в её тараканах, ты понимаешь о чем я? Черная полоса. Надеюсь, вскоре мы это преодолеем. Я просто чувствую...что в моей жизни настал момент, когда пора заканчивать всякие игры и уже начинать всерьез думать о будущем. Кто бы не появился в твоей жизни, ты должен сам для себя решить, останется он в ней надолго или же нет.

Стеф застывает.

— Ты серьезно настроен на счет нее? Брак и все такое? — спрашивает она осторожно.

— Нет, — быстро отвечаю я. И не собираюсь забирать свои слова назад, потому что это чистая правда.

— Даже если ты уверен, что это всего лишь черная полоса?

Я делаю глубокий вздох, чувствуя, как все проблемы разом навалились на мои плечи. — Не знаю, — говорю я ей. Я встаю, чувствуя что наш разговор заходит не совсем туда, куда нужно, и мне лучше уйти. — Но я точно знаю, что будет лучше во всем разобраться. — Сглотнув, я смотрю ей в глаза. — Лучше для нас обоих.

После чего я ухожу, оставив ее одну на этом бревне, с ветром, гуляющим в ее волосах, прежде чем я сделаю что-то, о чем потом пожалею.

СТЕФАНИ

— Пенни за твои мысли? — говорит Арон и заходится в приступе безудержного смеха. Он смотрит на Пенни, едва не падая из-за стола, и говорит, — Прости, Пенни, должно быть каждый раз, когда ты это слышишь, думаешь, что люди говорят о тебе.

— Не так часто, как ты думаешь, — отвечает она с усмешкой, и по выражению ее лица я понимаю, что она считает Арона идиотом.

Хотелось бы мне с этим не соглашаться, хотя бы большую часть времени.

Мы сидим за столиком для пикника у костра во дворике коттеджа. На улице уже стемнело, повсюду были разбросаны бутылки из под пива и вина вместе с ингредиентами для наших неумелых попыток приготовить С'мор (С'мор или смор — традиционный американский десерт, который едят в детских лагерях обычно по вечерам у бивачного костра. S'more состоит из поджаренного маршмэллоу и куска шоколада, прослоенных в два куска крекера «грама»). Ветер все еще завывает, и хоть возле костра тепло, но стоит от него отойти, как сразу ощущаешь холод поздней осени на побережье Тихого Океана.

По идее я должна быть абсолютно расслаблена и чувствовать себя в своей стихии. Я люблю успокаивающий шум волн и чувство очищения при каждом приливе. Люблю ветер в волосах и свежий воздух в легких. Мне нравится испытывать чувство счастья и почти сюрреалистическое ощущение свободы, которое ты чувствуешь, находясь в ночи под черным беззвездным небом.

Но я не могу расслабиться, даже немного. Я думала, что все выходные буду переживать на счет работы, из-за того, что закрылась раньше времени, и из-за денег, которые впоследствии потеряла. Но все это занимало меня не больше секунды. Ну хорошо, едва больше секунды.

Вместо этого моя голова занята Линденом. Мои мысли поглощены каждым его взглядом, прикосновением и словом, обращенным ко мне. Поэтому я никогда не расскажу Арону о своих мыслях, ни за пенни, ни за пачку тысячедолларовых купюр.

Я не могу понять своего лучшего друга.

Иногда, когда Линден смотрит на меня, я готова поклясться, что что-то изменилось. Его взгляд стал более напряженным, а глаза источают непривычное тепло и заряд. Сексуальный.

И мне нравится это. Я люблю это. Хочу этого. Я хочу, чтобы эти изменения были на самом деле, потому что тогда я смогу этим воспользоваться. Если все это правда, а не мой очередной вымысел, то, возможно, у меня получится превратить Линдена из друга в нечто большее.

Но в этом и заключается проблема. Как узнать, что другой человек испытывает к тебе те же чувства, но при этом не говорить ему о своих? Это не старшая школа. Я не могу написать Джеймсу сообщение с просьбой разведать ситуацию. Начнем с того, что иногда мне кажется будто Джеймс в курсе наших с Линденом отношений, и я знаю, что нет ни единого шанса, что он примет их, несмотря ни на что.

А если я скажу Линдену, что я чувствую, а он не ответит взаимностью — это разрушит нашу дружбу. Это разрушит все, что у нас есть, не говоря уже о наших отношениях.

А когда речь заходит об этом, я не думаю, что могу что-то сделать. Я вижу вещи такими,

какими хочу их видеть и живу в мире фантазий. Реальность абсолютно иная. Моя реальность это Арон — милый, но глупый Арон с его загорелой кожей, убийственным чувством юмора и отсутствием планов на жизнь. Реальность Линдена — это Надин...

... и я не могу придумать ни одной положительной характеристики для этой особы, так что и пытаться не буду. Интересно, останется ли с ней Линден, если поймет, что на смамо деле не счастлив. Когда-то мы обсуждали наши любовные похождения, но год назад все изменилось. Теперь это кажется чем-то неуместным и лишь добавляет еще одну милю в расстояние между нами.

Если честно, я не хочу слышать о нем и Надин, особенно, если они счастливы. И уж точно я не хочу слышать об их сексуальной жизни. Линден, как известно, чрезвычайно открыт в этом плане, и этим утром я слышала некую сексуальную активность со стороны их спальни, которая закончилась стоном Линдена. Должна признаться, от этого звука мне пришлось запрыгнуть в душ, чтобы остыть прежде, чем у меня промокнет белье.

Но даже несмотря на то, что я не хочу слышать об их отношениях, мне важно знать, что Линден счастлив. Что с ним все в порядке. Я снова хочу почувствовать себя ближе к нему.

А еще меня постоянно терзает вопрос, было ли наше соглашение для него серьезным. Будет ли оно в силе, если мы окажемся одиноки, ведь нам уже тридцать. Если я расстанусь с Ароном, а он с Надин — из-за естественного хода событий — будет ли это означать, что наше соглашение вступит в силу?

Он на полном серьезе будет рассматривать перспективу жениться на мне? А что делать мне? Я готова выйти за него, если все сложится?

Будем ли мы выносить друг другу мозг, пока не решим, что делать?

Потому что это звучит как лучшее соглашение из всех, что можно придумать.

— Земля вызывает Стефани, — говорит Джеймс и машет рукой у меня перед лицом. Он сидит напротив меня, с одной стороны от него расположилась Пенни, с другой Линден. Арон рядом со мной, Надин — сбоку от него, прямо напротив Линдена. В конце стола атмосфера кажется более напряженной, но я понимаю, что все дело в их отношениях. Я старательно пытаюсь избегать взгляда Линдена. С тех пор, как мы вместе ездили в Гвалалу, Надин следит за нами словно ястреб. Я удивлена, что она не засекла нас, пока мы были на пляже.

— Прости, — говорю я, прочистив горло. — Задумалась немного.

— О работе? — говорит он, сочувственно кивая.

— Ага, — отвечаю я. Не люблю врать Джеймсу, но так проще.

Пенни наклоняется над столом и говорит:

— Мы собираемся поиграть в «Правда или вызов». Ты с нами?

Я поднимаю бровь, делая глоток своего излишне хмельного пива.

— Слушай, я помню, как говорила, что возраст это всего лишь цифра, но...

— Ну же, это будет весело, — возражает она. Для Пенни все кажется веселым. Из всех сидящих за столом, я надеюсь, что именно она и Джеймс первыми сойдут с дистанции. Готова поспорить, скоро у них будет настоящая свадьба в стиле рок-н-ролл.

Я пожимаю плечами.

— Хорошо, я только надеюсь, что у нас достаточно пива, чтобы залить тот стыд, который непременно всплывет наружу.

Линден хлопает рукой по ящику пива, который стоит на земле у стола.

— Можешь не переживать.

Я на секунду встречаюсь с ним глазами и тут же отвожу взгляд. Это еще более неловко, чем просто смотреть на его задумчивое лицо в темноте и крепкую мужскую челюсть, освещенную светом огня.

Наша игра, как и любая игра на правду или вызов, начинается довольно невинно. Когда кто-то выбирает действие, то либо кукарекает как петух (я), либо выпивает банку пива (Пенни), либо показывает всем свою пятую точку (Джеймс). Когда выбор падает на правду, то мы слышим, как кто-то попался на мелкой краже в десятом классе (я), имитировал оргазм, когда был слишком пьян, чтобы кончить (Арон, что не особо меня удивляет), или списывал в колледже (Надин).

Но потом под воздействием алкоголя ситуация изменяется.

— Арон, — говорит Джеймс, — Если бы ты мог трахнуть любую девчонку из присутствующих, кроме своей девушки, кто бы это был?

Мои глаза загораются от предвкушения. Интересно, что он ответит, не вызовет ли это у него своего рода агрессию.

Но Арон смеется, сжимая мою ногу, словно успокаивая, и говорит.

— Это серьезный вопрос, чувак. Твоя девчонка нереально горячая. Это правда. — Пенни краснеет. Не думаю, что хоть раз видела ее смутившейся. — Но у Надин действительно хорошее чувство стиля.

Что? Эй, подождите-ка минуту. С каких пор одеваться как женщина-лесоруб значит иметь хорошее чувство стиля? Вообще-то, это у меня чертов магазин одежды.

— К тому же я думаю, что эта стерва тоже может оказаться горячей штучкой, — добавляет он.

Теперь Надин, которая выглядела довольной полсе комментария о ее вкусе, злобно смотрит на Арона.

— Я не стерва, просто я знаю, чего хочу.

— Конечно, — говорит Арон. — Но ты могла бы быть чуточку добрее.

Я смотрю на Линдена, желая увидеть его реакцию. Ничего не могу с собой поделать. Он улыбается. Нет, он смеется. Арон в кои-то веки попал в точку.

— Это был не ответ на вопрос, — говорит Джеймс.

— Я могу сказать, что трахнул бы их обеих, желательно одновременно?

Джеймс закатывает глаза.

— Отвертелся.

— Теперь моя очередь, — быстро говорит Надин, хотя сейчас вовсе не ее очередь. — У меня для тебя вызов, Арон. Я хочу, чтобы ты поцеловал Пенни. С языком.

— Уоу, — говорит Джеймс, застреляв в нее убийственным взглядом. — Ты немного перегибаешь палку, тебе так не кажется? Да и это не совсем по правилам.

— Ты боишься, что ей понравится? — заносчиво отвечает она.

— Я в игре, — говорит Пенни, толкая Джеймса локтем бок. — Эй, повзрослей уже наконец. Это всего лишь французский поцелуй.

— Уровень зрелости за этим столом меня поражает, — комментирует Линден.

Теперь все смотрят на меня, ожидая, что я запротестую или, по крайней мере, скажу, что это странно или недопустимо. Но дело в том, что когда я думаю об Ароне, целующем Пенни или трахающим ее и Надин, то я не чувствую ни боли, ни ревности, ни даже тревоги. Вообще ничего.

— Почему вы все смотрите на меня, мне все равно, — говорю я им. Наверно, это не

самое лучшее проявление моей к нему любви, но мне плевать. — Целуй же. Он в этом хорош, — последнюю часть я адресую Пенни, подмигивая ей в основном для того, чтобы позлить Джеймса.

Пенни наклоняется через стол к Арону, но Надин взвизгивает.

— Нет, сделайте все как нужно! Вы должны встать.

Пенни и Арон одновременно вздыхают, явно не испытывая радости от того, что придется двигаться. Встав в конце стола, они оказываются как раз возле меня, так что я устаиваюсь чести сидеть в первом ряду. Арон обнимает ее за талию, Пенни берет его лицо в руки. Они оба нервно смеются, оглядываясь на нас, прежде чем поцеловаться.

Начинается все медленно и довольно неловко, но как только в действие вступают их языки, поцелуй становится горячим, заканчиваясь на сладкой ноте.

— Не плохо, — говорит Пенни, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Напористо, но нежно.

— Так что, целовать Арона все равно, что целовать стейк? — шутит Линден.

Арон показывает Джеймсу поднятый вверх большой палец.

— Повезло тебе с дамой сердца.

— Дамой? — повторяет Пенни. — Ох, братец...

Они садятся на свои места и игра продолжается. Джеймса, кажется, это перестает беспокоить, а я так ничего и не почувствовала, даже увидев их поцелуй. Было немного странно, я словно наблюдала за экспериментом и получила не тот результат, на который рассчитывала.

Я хотела, чтобы ему понравилось? Чтобы он действительно захотел поцеловать Пенни? Я хотела найти предлог для расставания, сказать, что мы не подходим друг другу?

После откровенности последнего вызова, мы возвращаемся на некоторое время к правде. Вопросы становятся более простыми и безопасными, такими, на которые ты не боишься ответить, когда находишься среди друзей.

Настает очередь Пенни.

Она радостно хлопает в ладоши и ерзает на стуле.

— О, это будет что-то, — говорит она, при этом глядя на меня. Я вижу огонь в ее глазах.

— Я хочу, чтобы ты, Стефани, — произносит она, указывая на меня, — поцеловала Линдена. — Ее палец переключается на него.

Я слишком ошеломлена, чтобы ответить, а вот Надин — нет.

— Он не будет ее целовать! — заявляет она с отвращением.

— Эй, — я больше не могу терпеть её отношение ко мне.

— И снова, — говорит Джеймс, кажется он уже пресытился этой игрой, — Это не по правилам.

Пенни хлопает руками по столу и наклоняется вперед, глядя Надин в глаза.

— Почему она не может поцеловать его? Ты заставила меня поцеловать Арона — ее парня. Думаю, теперь она должна поцеловать твоего парня.

Я знаю, что делает Пенни. Она пытается уравнять счет и, думаю, одновременно вывести Надин из себя. Я бы расцеловала ее за это, но я, черт возьми, ненавижу ее за вызов поцеловать Линдена.

Потому что, я... я не могу этого сделать.

Я даже думать об этом не хочу.

Но тут я чувствую, как кто-то стучит мне по плечу. Это Линден. Он уже встал и стоит

позади меня в ожидании.

— Подожди, — говорю я и смотрю на Арона, может он будет против, как и Надин?

Но Арон глуповато улыбается, уставившись на меня, и кивает головой. Похоже, он считает это самой крутой идеей на свете.

— Давай, — говорит он и подталкивает меня.

Большое, черт возьми, спасибо, думаю я про себя и медленно встаю, стараясь не смотреть на Линдена. Но я не могу не смотреть на Надин, от части из-за того, что ее руки скрещены на груди, и мне кажется, что она вот-вот схватит пустую бутылку, стоящую возле нее, и бросит ее в меня. Я знаю, что если она это сделает, Пенни в ту же секунду встанет на мою защиту, но все же. Она запросто может сломать мой нос, а он кажется мне довольно милым.

Линден хватается меня за руку — именно хватается, словно мы действительно собираемся это сделать — и тянет меня к себе.

— Давай, — говорит он, улыбаясь мне своей фирменной улыбкой. — Я ведь не настолько ужасен, правда?

Нет, думаю я, глядя на его лицо, и чувствую тепло от его ладони, которое согревает сначала мою руку, потом грудь, а после все мое тело. Нет, ты не ужасен. В этом то и проблема.

Пенни начинает восторженно хлопать в ладоши.

— Ну же, ну же, давайте.

Я не могу даже посмотреть на нее — мои глаза прикованы к Линдену. Он смотрит на меня с такой искренностью, что сложно понять, где правда, а где нет. Это вызов, а мы просто друзья. Мы не сделаем этого, неважно сколько раз я мечтала об этом и даже мастурбировала, представляя наш поцелуй, мы этого не сделаем.

Но его руки поднимаются к моему лицу, и он нежно ласкает мои щеки. Его ладони такие большие и теплые, что я чувствую как мои нервы накаляются до предела, я буквально готова взорваться. Он держит меня самым нежным, обезоруживающим способом, словно это его работа — защищать меня, заботится обо мне. Но его глаза какие угодно, но только не нежные. Его взгляд темный, дикий и даже взволнованный — наверно, он думает, что это неправильно и нам не стоит этого делать.

А может он боится, что нам покажется это правильным.

И под всей тяжестью его переживаний я замечаю желание, страсть и миллион других эмоций, в которых я так нуждаюсь.

Интересно, видит ли он страх в моих глазах. Видит ли он правду?

Он наклоняется ближе, его глаза блуждают от моих вниз ко рту, туда — куда направляются его губы.

Я не знаю, что делать со своими руками. Я вообще не знаю, что делать.

Поэтому я просто стою, закрыв глаза, и жду, пока, наконец, не чувствую губы Линдена и своих.

Они прижимаются ко мне и льнут с невероятной нежностью. Боже, они такие мягкие, что я буквально тону в них, растворяясь без остатка в нашем поцелуе. Губы Линдена умоляют меня, они просят открыться ему, желая большего, гораздо большего, чем поцелуй. А потом его губы разделяются, и я отвечаю на поцелуй, пробуя Линдена на вкус, в котором я чувствую не только пиво. Его вкус пряный и дикий, как и его запах, кроме того, он невероятно сладкий.

Наши рты идеально подходят друг к другу, наши губы движутся в одном ритме, лаская друг друга, и это просто невероятно. Мне хочется больше.

Гораздо больше.

Теперь я знаю, что мне делать с руками, или мои руки знают, что им делать с Линденом. Думаю, что они всегда это знали. Я тянусь к его талии, к отворотам кожаной куртки, которую я подарила ему на день рождения. Я знаю, что это не должно было стать частью поцелуя, но ничего не могу с собой поделать. Я хочу быть к нему ближе, я хочу его.

И получаю. Его язык врывается в мой рот, медленно скользя вдоль моего языка, и наши рты раскрываются шире, губы становятся тверже, а поцелуй превращается в гораздо более жадный и страстный.

Я не хочу останавливаться, я хочу целовать его, чувствовать его, чувствовать все это. Златокрылые бабочки порхают у меня животе, а бедра сжимаются сильнее, мне хочется укусить его за полную нижнюю губу, потянуть за волосы, почувствовать его сильное, твердое тело под своими пальцами.

От этого поцелуя у меня перехватывает дыхание, и я отчаянно желаю получить то, что мне не принадлежит.

«Ты не мой» мгновение думаю я про себя, пытаюсь вернуться к реальности, к настоящему, к тому, кем мы на самом деле приходимся друг другу.

Это всего лишь вызов.

Затем чьи-то руки сильно толкают меня в грудь. Я отрываюсь от Линдена и хватаю ртом воздух, едва не упав на траву.

— Убери от него свои чертовы руки! — вопит на меня Надин.

На мгновение я злюсь, что она лезет ко мне, но внезапно мне становится страшно из-за того, что она могла увидеть.

Как я позволила этому произойти?

Встав со своего места, Пенни подходит ко мне и говорит Надин, — Эй, успокойся, подруга, это был всего лишь вызов.

Я смотрю на Арона. Он больше не улыбается. Он хмурится, возможно даже смущен, но он не выглядит злым.

Но Джеймс, вот тот, кто выглядит действительно злым. А Линден, Линден смотрит на меня с такой грустью, что я не знаю, что делать. Такое чувство, что я разрушила что-то, позволив себе увлечься.

— Простите меня, — говорю я, освобождаясь от хватки Пенни, и иду в дом. Я не могу быть сейчас с этими людьми. Они все видели, как я целую Линдена, и видели, что мне это понравилось слишком сильно. Надеюсь, я смогу объяснить это тем, что была слишком пьяна, и что все это было забавы ради, или я просто посмеюсь и скажу, что Линден так хорошо целуется, что я не смогла сдержаться, или переведу стрелки на Арона, сказав, что просто хотела заставить ревновать своего парня.

Но прежде, чем выйти туда с одной из этих отмазок, мне нужно собраться с мыслями, успокоиться, выкинуть все из головы и оставить этот поцелуй в прошлом, где ему и место.

Это просто был чертов вызов. Это ничего не значит.

Вот только для меня это значит все.

Я захожу в дом и наливаю себе воды. Я выпиваю два полных стакана и чувствую, что меня сейчас стошнит.

Слышу звук открывающейся двери и замираю, но это всего лишь Пенни, и я облегченно

вздыхаю.

— Ты в порядке? — спрашивает она, нахмурившись.

Что мне ответить?

— Она сделала тебе больно? — добавляет она.

— Оу, — восклицаю я, глядя на собственную на грудь, в которую меня только что толкнула Надин. — Нет. Нет. Я в порядке.

— Черт, я была так близка к тому, чтобы вцепиться ей в лицо, — говорит Пенни, наклоняясь над кухонным островком и осматривая меня с ног до головы. — Ты уверена, что все нормально? Ты выглядишь немного не в себе.

Я тяжело сглатываю. Вода совершенно ничем не помогла. Я все еще хочу пить, меня охватывает паника и снова тошнит.

— Я просто немного удивлена, вот и все, — говорю я ей. — Я не думала, что она так расстроится. — Я осторожно смотрю на Пенни.

Она пожимает плечами.

— Ты ей не нравишься. Поэтому я хотела, чтобы вы поцеловались. Это моя вина. К тому же, я думала будет весело увидеть двух целующихся друзей, которые до этого никогда не занимались друг с другом сексом. Ты уверена, что не спала с Линденом?

Я ожесточенно трясую головой.

— Я не спала с ним.

— Что же, жаль. Это был еще тот поцелуй.

— Разве?

— Ага, — говорит она. — Клянусь, даже Джеймс приревновал. Это было довольно горячо. Но это все же был вызов. Я имею в виду, Надин ведь заставила меня поцеловать Арона, так что теперь все по честному. Чертова девка говорит одно, а на деле все выходит по-другому. — Она лезет в бюстгальтер и достает оттуда красную помаду. Накрасив губы, протягивает мне. Я вежливо отказываюсь.

— Я пойду прогуляюсь немного, — говорю я ей.

— Хорошо, — отвечает она осторожно. — Не уходи далеко. И возвращайся на вечеринку. Мы твои друзья. Ну, кроме Надин. Она не считается, так что не обращай на нее внимание, как делаем все мы.

Я киваю и направляюсь к двери. Ветер снова усилился и я застегиваю жакет до подбородка. Я совсем не планирую далеко уходить, на самом деле, я собираюсь дойти до внедорожника Джеймса, обойти его с другой стороны и спрятаться там от ветра. Я слышу треск костра, когда ветер становится сильнее, и смех Арона. От этого мне должно стать менее одиноко, но это не так.

Что, черт возьми, только что произошло? Этот поцелуй был реальностью или все это происходило лишь в моей голове? Очевидно, Пенни заметила что-то между мной и Линденом — как и Надин — но было ли это лишь потому, что меня охватили чувства? Насколько этот поцелуй был именно моим желанием, моей страстью и моим выбором?

И что, черт возьми, Линден теперь обо мне думает?

Я закрываю глаза и прижимаюсь головой к пассажирской двери. Я просто хочу домой. Хочу залезть в машину и поехать обратно в Сан-Франциско, пойти в свой магазин и продолжить жить своей жизнью. Я много работаю и у меня нет ни на что времени. Но так лучше, так я чувствую себя в безопасности. Арон — это безопасно. Все, черт возьми, в моей жизни там — безопасно.

Но здесь, на этом берегу, на этом пляже, возле Линдена, я чувствую что угодно, кроме безопасности.

Я слышу шорох гравия по другую сторону от машины и по шагам понимаю, что это Линден, еще до того, как его вижу.

— Хей, — говорит он, обходя машину. Ветер развивает его волосы, а слабые огни от коттеджа едва освещают его лицо.

Я пытаюсь что-то сказать, но не могу. Прижимая руки к груди, я смотрю на свои сапоги. Это хорошие сапоги, их привезли в мой магазин на прошлой неделе. Каблук средней высоты, прочная резиновая подошва и кожа черного питона. Эти сапоги безопасны, они настоящие, их я знаю.

Но я не знаю человека, стоящего передо мной.

А теперь он идет ко мне.

— Стефани, — говорит он, и его акцент становится сильнее, чем обычно. Мне не остается ничего, кроме как посмотреть на него. — Нам нужно об этом поговорить.

Я хватаю ртом воздух и решаю сразу обезвредить бомбу.

— Она твоя девушка, Линден, не моя.

Он секунду смотрит на меня и его лицо смягчается.

— Да. Прости за то, что произошло. Она ранила тебя?

Я бросаю на него взгляд.

— Прошу тебя. Я же не из стекла сделана.

Почему тогда у меня такое чувство, что я вот-вот разобьюсь?

— Я знаю, — говорит он. — Она взбесилась, но это не давало ей права трогать тебя.

Я вздыхаю и отворачиваюсь, не уверена, что вообще хочу говорить об этом. Хочу притвориться, что ничего не произошло, но не думаю, что смогу. Не уверена, что смогу быть рядом с Линденом и делать вид, что мы просто друзья, не тогда, когда я знаю, каково это быть с ним в другом плане.

— Я в порядке, — тихо говорю я. — Думаю, я просто поддалась чувствам. — Сейчас это сложно было признать. — Я пьяна, — добавляю я. — Прости, если я выглядела немного, эм... не в себе.

— То есть, это была не ты? — спрашивает он, делая еще один шаг по направлению ко мне. Носки его ботинок практически касаются моих и расстояние между нами сходит на нет. Мой подбородок опущен, взгляд прикован к земле. Я не могу на него посмотреть, он слишком близко, и все о чем я могу думать — это наш поцелуй. Мои губы дрожат, и я хочу прикоснуться к ним, чтобы успокоить собственную дрожь.

— Мне показалось, что это была ты, Мальвинка, — говорит он. — И это было здорово.

Мое дыхание останавливается, а сердце начинает биться сильнее.

Он тянется к моей руке, и я позволяю ему прикоснуться к себе, потому что у меня нет сил сопротивляться Линдену. Только не ему.

— Я не знаю, что это было, — шепчу я. — Это ведь был просто вызов.

Он сжимает мою руку и переплетает наши пальцы. Я смотрю на наши руки — его большая поверх моей маленькой — и меня удивляет, как естественно это смотрится и насколько это приятно. Держать руку этого мужчины. Целовать его.

— Посмотри на меня, — говорит он. Я не смотрю. Он протягивает ко мне другую руку, и его пальцы ложатся мне на подбородок. Он поднимает его, и я вынуждена встретиться с его глазами, этими темно-голубыми, невероятно красивыми глазами. Мои колени

превращаются в желе и единственное, что я слышу — это стук собственного сердца.

— Это было больше, чем просто вызов, — шепчет он, и его голос становится низким и грубым, от чего у меня по спине бегут мурашки, а между ног становится жарко. — Этот поцелуй был реален, и это было нечто. Скажи, что почувствовала, скажи, что почувствовала то же, что и я.

— А что ты почувствовал? — шепчу я.

Он проводит большим пальцем по моим губам.

— Я почувствовал тебя. Тебя, ту, кого я всегда хотел.

О Боги. Что он говорит? Он смотрит на меня голодным взглядом, и самое ужасное, я жажду этого взгляда и этого желания. Еще один поцелуй неизбежен, и если он этого не сделает, это сделаю я.

На заднем фоне, за треском костра, я все еще слышу голоса наших друзей. Я все еще слышу смех Арона. Возможно, он не мой мужчина, но он хороший парень с добрым сердцем и я не могу ему изменять. Я не смогу сделать это с ним, не тогда, когда такое уже делали со мной.

— Нет ничего плохого в том, чтобы хотеть меня, — хрипло говорит Линден.

Я вздрагиваю. Мне удастся мотнуть головой, и теперь его пальцы блуждают по моей шее, подбираясь к линии роста волос, и мурашки снова пробегают у меня по спине.

— С каких это пор нет ничего плохого в том, чтобы хотеть своего лучшего друга? — говорю я тихо, почти глотая слова. Потому что это именно то, кем он всегда и был.

Он нежно улыбается, и в уголках его глаз появляются морщинки.

— Разве это не лучший вариант? Человек, который знает тебя внутри и снаружи. Человек, который видел тебя в самом ужасном и самом прекрасном состоянии и все еще хочет быть с тобой. Человек, который верит в тебя и поддерживает, не смотря ни на что. — Затем его улыбка угасает, а брови сдвигаются. — Ты всегда была для меня больше, чем друг, Стеф. Всегда. Ты и понятия не имеешь о том, что я чувствовал, и о том, что я все еще чувствую к тебе.

Я моргаю, стараясь понять, о чем он говорит. Как я могла быть для него чем-то большим, чем друг? Как это вообще возможно, да еще все это время?

— Ты понятия не имеешь, как сильно я хочу тебя. — Он делает еще один шаг по направлению ко мне, и моя спина прижимается к дверце машины, а его твердое, сильное тело буквально впечатывается в меня. — Ты чувствуешь это? — Его голос грубый и хриплый, пока он прижимается по мне, воруя мое дыхание. — Какой я твердый из-за тебя. Все это чертовое время.

Он твердый как сталь, его огромная эрекция врзается в мое бедро, и я не могу больше ни о чем думать. Я просто оболочка с бьющимся сердцем и кучей возбужденных гормонов, не думаю, что я когда-либо так хотела, чтобы мужчина просто взял и оттрахал меня, чтобы он поглотил меня целиком и сделал своей без остатка.

Я закрываю глаза, когда его губы касаются моей шеи и мягко целуют нежную кожу, оставляя влажный и теплый след.

Я хочу большего.

Но я не могу получить большего.

— Я не могу это сделать, — шепчу я, и мои слова растворяются в темноте ночи. Часть меня надеется, что Линден не услышит их и продолжит целовать мою шею, прижимаясь ко мне своим членом. Я хочу, чтобы его руки с этими длинными и сильными пальцами исчезли

в моих джинсах и трусиках, чтобы они узнали, насколько я мокрая, потому что уверена, сейчас я чертовски мокрая. Я хочу его язык в своем рту, на моей груди; хочу, чтобы он сорвал мои джинсы, хочу обернуть свои ноги вокруг него, пока он трахает меня, прижимая к дверце машины.

Это было бы так просто. Это было бы так чертовски хорошо.

Но он слышит мои слова.

И останавливается.

Он делает шаг назад, и я вижу, что его сердце тоже колотится с бешеной скоростью, пульс неистово бьется на его шее, а дыхание рваное и поверхностное.

— Ты не можешь этого сделать? — спрашивает он. — Или не хочешь?

Я облизываю губы, и кровь приливает к моим ногам. Я чувствую себя чуточку сильнее.

— И то и другое. Арон. Я не могу сделать это с ним. Это не честно.

— Тогда расстанься с ним.

— Но ты все еще с Надин, — быстро напоминаю я.

— Я сделаю то же самое. Послушай, Стеф, если ты хоть что-то ко мне почувствовала, хоть малейшее трепетание между ног, ты не должна быть с ним. Ты же знаешь, что между вами все кончено.

Мне требуется мгновение, чтобы перестать думать о том, как развратно он произнес слово «трепетание», и знаю, что он прав. Я не должна быть с Ароном, если у меня есть чувства к Линдену. Может, я изначально не должна была с ним встречаться. Но я думала, что это нормально. Если не можешь быть с кем-то, кого ты любишь, то люби того, с кем ты сейчас. Разве не так поется в той песне? Разве не это значит повзрослеть, понять, что пора остепениться и что ты не всегда можешь получать то, что хочешь? Черт возьми, почему все упирается в песни семидесятых?

— Стефани? — кричит Пенни.

Я смотрю на Линдена, чувствуя как меня окунули обратно в реальность.

— Где Надин? — спрашиваю я, внезапно заволновавшись, что она вылетит из-за угла и задушит меня своим конским хвостом.

— Она пошла спать, — говорит он, его взгляд направлен в сторону коттеджа. Хруст гравия становится все ближе, и через секунду появляется Пенни, огибая капот машины.

— Оу, — произносит она удивленно, глядя на нас обоих с высоко поднятыми бровями.

— Я помешала?

Я качаю головой и протискиваюсь мимо Линдена, быстро направляясь к ней.

— Нет, мы просто говорили о том, как плохо я целуюсь.

Она ухмыляется.

— Ха-ха. Ладно, я собираюсь спать и просто хотела узнать все ли с тобой в порядке. — Она смотрит через мое плечо на Линдена. — Думаю, ты хорошо о ней позаботился.

— В лучшем виде, — говорит Линден.

Я не поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Просто не могу. Я говорю Пенни, что устала и изрядно пьяна, поэтому тоже собираюсь идти спать. Джеймс и Арон все еще пьют во дворе, когда я сворачиваюсь калачиком на выдвижном диване и накрываюсь одеялом. Я слышу, как Пенни готовится ко сну, и слышу, как входит Линден. Я знаю, что это он, я чувствую его присутствие. Всегда.

Он останавливается в гостиной, в нескольких шагах от дивана, и я стараюсь дышать как можно глубже и ровнее, притворяясь спящей. Я не хочу, чтобы он что-то говорил или делал.

Я просто хочу, чтобы он ушел.

Вскоре он так и делает, и я слышу звук закрывающейся двери.

Я никак не могу уснуть.

Даже когда Джеймс отправляется в кровать, а Арон залезает ко мне под одеяло.

Я все еще не могу уснуть.

Я до сих пор чувствую тело Линдена, прижимающееся ко мне, и его губы на своих.
Боже, что же теперь будет.

СТЕФАНИ

— Ты поцеловала Линдена? — воскликнула Никола так громко, что ее дочь, милая маленькая Ава, посмотрела на свою маму и поморщилась.

— Позволь напомнить тебе, что все это было в шутку, — сказала я, отодвигая в сторону грудку кукол Барби, чтобы устроиться на диване.

— И все же, — сказала она, рассеяно пуская грузовичок в сторону Авы, которая в данный момент была занята совершенно другими вещами, — это большой шаг вперед.

— Мы не в школе.

— Это большой шаг, — повторила она. — просто огромный.

После случившегося воскресным вечером я была не в состоянии думать о том, что мне делать с Ароном, даже когда мы вернулись из коттеджа. Обратная дорога на машине была одним сплошным клубком сексуального напряжения и негативных вибраций, и сейчас я отчаянно хотела рассказать кому-то о том, что произошло.

Пенни была слишком близка с Джеймсом, и я не могла поделиться с ней тем, что касается моей связи с Линденом, сам Линден тоже отпадает, остается только Никола.

Я чувствовала себя неловко, вываливая все на неё, особенно после как ее парень любезно согласился прогуляться и пропустить стаканчик в местном баре, чтобы оставить нас наедине. С нами осталась лишь её маленькая дочка, но Ава была милейшим созданием, она не требовала к себе постоянного внимания и заставляла думать, что материнство невероятно сладкая доля.

— Так или иначе, — продолжила я, — это определенно для меня что-то значит. И для него, возможно, тоже. Я не знаю, что мне теперь делать.

— Ты знаешь, что делать, — категорически заявила Никола.

— Нет, не знаю. Я не знаю, что это... в смысле, я просто превратилась в озабоченную нимфоманку, потому что в последнее время в моей интимной жизни не происходит ничего интересного? Или же я заиклилась на Линдене из-за того, что хочу попробовать что-то новенькое и захватывающее?

— Во-первых, — сказала Никола, подобрав под себя ноги. — Линден не что-то новенькое, но он определенно что-то захватывающее. И я не думаю, что ты озабоченная. Я считаю, это именно то, что случается, когда мужчина и женщина долгое время общаются как друзья. И вы ребята... Черт Стефани, ты же прекрасно знаешь, что это должно было произойти.

— Ничего не было, — напомнила я.

— Но что-то все же произошло. Что-то поменялось. Ты сидишь здесь, словно мы вернулись назад в школьные годы. Помнишь Джои Паинса? Ты была по уши в него влюблена. Сейчас на твоём лице точно такое же выражение.

— Мы практически не общались с тобой в школе.

— И все же я помню, как сильно он тебе нравился.

— Разве не ты в конечном итоге его поцеловала?

Она проигнорировала мое замечание и продолжила.

— Не в этом дело. Суть в том, что тебя тянет к Линдену и мучительно ясно, что ты тоже

ему нравишься.

— Что имеешь виду под словом мучительно? — спросила я, вспоминая, с какой силой его член впивался в мое бедро.

Никола закатила глаза.

— Думаю, мне нужно немного вина, чтобы смириться с твоей забывчивостью, Стеф. Линден на самом деле никогда не смотрел на тебя как на друга или как на сестру. Он всегда смотрел на тебя как женщину, которую он хочет. И если ты решишь что-то поменять в ваших с ним отношениях, то думаю, он с удовольствием согласится.

Но я действительно ничего не знала. Он сказал, что порвет с Надин. Но что потом? Если мы оба оставим наших партнеров, что будет с нами дальше? Мы переспим? И если переспим, то последует ли за этим какое-то продолжение?

Готовы ли мы пожертвовать нашей дружбой ради секса?

К сожалению, думаю, наша дружба уже никогда не будет прежней после того, что произошло. Я никогда-никогда не забуду прикосновение его губ, то, как прижимался ко мне его твердый член или то, как откликалось мое тело на его близость. Я не смогу забыть все это и делать вид, что мы просто друзья, даже если я так и не решусь на большее.

Но что бы ни произошло, я знала, что должна порвать с Ароном. Это будет правильным решением, возможно единственным моим правильным решением за долгое время.

Я сказала об этом Николе и если честно не думала, что она одобрит мои планы относительно Арона, потому что она всегда считала его «горячим», но подруга лишь кивнула в ответ.

— Думаю, это будет наилучшим выходом. Он славный парень, но он не для тебя. Не тогда, когда есть кто-то, кто подходит тебе куда больше.

Я выпрямилась.

— Ты правда думаешь, что Линден подходит мне?

— Стеф, прошу тебя, он же твой лучший друг, ты сама знаешь, что он подходит тебе как никто другой.

— Он игрок.

— Уверена, он не станет играть с тобой.

— Все может плохо кончиться.

— Ты права, — сказала она. — Может. И я тому пример, вспомни Фила. Но если бы не он, у меня бы не было сейчас Авы. Думаю, попробовать все-таки стоит.

Не уверена, что мне нравится сама идея о том, чтобы сравнивать Линдена с отцом Авы, Филом, который оказался последним мудаком и отказался платить алименты, но все же Никола права.

— Посмотри на это с другой стороны, — продолжила она, посадив Аву к себе на колени, чтобы заплести ее длинные волосы. — Я хочу сказать, что не следует забывать о последствиях, но я верю, что все получится. Я знаю, что все получится. Ты никогда не строила далеко идущие планы на будущее, Стеф, и ты не должна начинать делать это прямо сейчас, просто потому что существует определенное общественное мнение на этот счет. Дай Линдену шанс. Не нужно думать на десять шагов вперед. Просто позволь себе открыться навстречу чему-то новому и удивительному. Это же мечта каждой женщины — узнать, что она любит мужчину, который тайно влюблен в неё уже много лет, тебе ли не знать?

Я покачала головой.

— Я никогда не говорила, что влюблена в него.

— Но ты любишь его, — сказала она. — А он любит тебя. И эта любовь может перерасти в нечто большее, если ты перестанешь себя накручивать.

— А что, если этого не произойдет?

— Об этом ты должна думать в последнюю очередь. Живи без сожалений, вот что я тебе скажу.

— Если этого не произойдет, то я точно пожалею об этом. И очень сильно.

Если ничего не получится, то я потеряю одного из самых дорогих для меня людей. Я могу разрушить все, словно тонкое матовое стекло, и Линдена больше не будет рядом, чтобы помочь мне собрать осколки.

Дома я оказываюсь лишь поздно вечером. Я настраиваюсь на предстоящую трудовую неделю, все чаще думая о том, чтобы кого-то нанять. У меня из головы не выходят слова Николы.

Первое, что я должна сделать, решить вопрос с Ароном.

Я никогда не умела расставаться с мужчинами. Ненавижу быть в роли плохого парня, разрушая все то хорошее, что они обо мне думали. Так случилось с Джеймсом, а позже с Оуэном, но из-за обмана Оуэна мне было довольно легко это сделать. Что касается остальных парней в моей жизни, я всегда руководствовалась принципом «игнорируй их, и они сами отстанут».

Но Арон не один из них. Хотя, если честно, у меня такое ощущение, что мой принцип сработал бы и с ним. Думаю, Арон бы не заметил те обстоятельства, при которых я ушла из его жизни, но он заслуживает большего. Я не могу так с ним поступить.

Во вторник утром я попросила его зайти ко мне, потому что «нам надо поговорить».

Благослови его Боже, но мой выбор слов, похоже, его не сильно насторожил, особенно учитывая то, что он появился на моем пороге с шестью пакетами в руках. Парень явно не имел ни малейшего представления о том, что вот-вот произойдет.

Когда я бросила бомбу, он проявил удивительное понимание. Это напомнило мне эпизод из сериала «Сайнфелд», когда один из персонажей пересматривает свои причины для расставания, потому что оно прошло слишком гладко. Арон воспринял все очень легко, и на мгновение я задумалась о том, почему я раньше не порвала с парнем, который вот так без сожаления может вычеркнуть меня из своей жизни.

Думаю, мне хотелось увидеть с его стороны хоть какую-нибудь реакцию, возмущение, крики, возможно, даже одинокую слезу, скатившуюся по его щеке, или даже всем знакомое «Мы справимся, дай нам еще один шанс». Я имею виду, мы были вместе почти год. И после этого получила лишь «Оу, я буду скучать, малышка», и все!

Я сказала ему, что заберу свои вещи в конце недели — хотя едва ли у него осталось что-то из моих вещей. На что он ответил, «Супер, я оставлю все Чаку на случай, если меня не будет дома, снова собираюсь в Лос-Анджелес» вот и все, что он сказал.

И вот я осталась совершенно одна в своей квартире, молча лежу на кровати, глядя в потолок, и чувствую невероятную пустоту внутри. Штукатурка на потолке выглядит просто ужасно, на днях я пыталась залатать следы от протечки, но прямо сейчас мне как никогда хочется, чтобы это все обрушилось на меня сверху вниз.

Отчасти я чувствую облегчение, потому что поступила правильно. Я знаю, что так лучше, и для Арона в том числе. Если он ни капли не расстроился из-за нашего расставания, значит нам действительно не следовало быть вместе. Интересно, как много пар существует только потому, что им это удобно? Они встречаются и в конечном итоге женятся лишь

потому, что они уже много лет вместе и это именно то, что от них ожидают?

Это объясняет тот факт, почему сейчас так много разводов. И я надеюсь, что независимо от того, что случится в будущем, с Линденом или с кем-то еще, я никогда не соглашусь на что-то меньшее, чем фейерверк.

Закрыв глаза, я сворачиваюсь калачиком поверх покрывала. Я снова и снова прокручиваю в голове тот поцелуй, тот взгляд, те слова. Теперь, когда я могу сделать это без давящего чувства вины, мои пальцы опускаются вниз живота и проникают под нижнее белье. Мне срочно нужен новый вибратор, но пока его заменяют мои пальцы, и вскоре я впиваюсь зубами в подушку и сильно кончаю.

Мне достаточно вспомнить, какой он был толстый и длинный, когда прижимался ко мне, показывая, как сильно нуждается во мне. Я хотела рассказать ему, насколько меня заводят воспоминания о его губах и языке, переплетающимся с моим. Ощущение его руки на моей шее и то, как он говорил о своем желании, все это за пару секунд заставляет меня слететь с катушек.

Столько всего случилось за такое короткое время, и я снова погружаюсь между своих ног.

Вы можете забыть о перерыве на обед, когда работаете сами на себя. Нет привычного распорядка дня с девяти до пяти, нет ничего даже издали напоминающего стандартный день в офисе. Ты никогда не можешь сказать, когда закончится твой рабочий день. Если я не в магазине, то я занимаюсь рабочими вопросами у себя дома. Я больше не могу наслаждаться онлайн-шоппингом — и это серьезная проблема — потому что это всегда заканчивается тем, что я покупаю вещи для своего магазина.

По крайней мере, я могу не беспокоиться о собственном гардеробе, это единственное, что не дает мне окончательно упасть духом. Но обеды и перерывы? Забудьте.

Обычно я поглощаю свой обед, стоя за прилавком, и чаще всего это картошка фри. Знаю, мне следует употреблять более здоровую пищу — я обещала себе, что не стану издеваться над собственным телом в тридцать, что буду делать себе коктейль из капусты, салат с семенами тыквы, пить чайный гриб или как там его. Но в этом есть свои преимущества, если бы не мои перекусы, я бы превратилась в вечно-голодную злобную суку, так что картофель фри рулит.

Жаль только, что моя задница не любит его так, как любит мой рот.

Сегодня холодно, льет дождь, и в магазине почти никого нет. Дни подобные этим нагоняют на меня панику, я начинаю бояться, что завтра никто не придет, мой бизнес рухнет, и я останусь ни с чем. Но потом я вспоминаю, что в прошлом году было то же самое. На самом деле я выбрала не самое лучшее время для открытия, но в итоге все наладилось. Я готова признать поражение, но это не тот случай. В этом году мой бизнес идет все лучше и лучше.

Я думаю о крыше над своей квартирой и понимаю, что если этот чертов дождь не прекратится, у меня будут серьезные проблемы. Мне придется стиснуть зубы и позвонить Линдену, чтобы попросить его приехать и починить мою крышу (нет, это не эвфемизм), ну и заодно узнать, порвал он с Надин или нет. Что-то отвлекает меня от собственных мыслей, и я бросаю взгляд на страничку Facebook.

А вот и Надин. В ожидании обновления её странички, я искренне надеюсь увидеть что-то вроде «Я ненавижу тебя, Линден! Все мужики козлы!» среди кучи восклицательных

знаков в её статусе. Не каждая женщина переживет разрыв, не вылив при этом всю желчь на Facebook.

Но оказывается это вовсе не то, что я думала. Я чуть не подавилась картошкой фри и едва не выронила из рук телефон, когда прочитала то, что на самом деле было написано в её статусе:

Спасибо Господу Богу за моего ангела-хранителя. Я знаю, что это Всевышний подарил мне такого замечательно мужчину как Линден МакГрегор. Спасибо моему малышу, я переезжаю к нему уже завтра. Я буду жить на Рашен-Хилл, сучки, пишите, если хотите узнать мой новый адрес!!

Что. За. На хер.

Нет, серьезно.

Что.

За.

На хер.

Мое сердце подскакивает к горлу, когда я бросаю телефон в сторону. Комната начинает вращаться у меня перед глазами, я чувствую себя невероятно злой и униженной.

Разорвал отношения с Надин? Ха! Этот мудака предложил ей жить вместе!

Я так чертовски зла, что пересекаю магазин, закрываю дверь и вешаю табличку ЗАКРЫТО. Магазин пуст и будет лучше, если он таким и останется. Так я хотя бы не смогу никого покалечить.

Я возвращаюсь к телефону и снова читаю. Люди оставляют комментарии под её постом типа «Вау, тебе так повезло!» и тому подобного дерьма, а меня так и подмывает написать «Он же собирался бросить твою задницу, что случилось?!». Но я сдерживаюсь. У меня, по крайней мере, осталась капля приличия, и я должна её сохранить.

Но я не идеальна. Вместо того, чтобы написать Надин, я посылаю сообщение Линдену.

Пошел на хрен.

После чего я выключаю свой телефон и бросаю его об стену.

ЛИНДЕН

Я знал, что это было ошибкой. Я знал это в тот момент, когда открыл свой чертов рот. И понял, насколько был прав, когда получил сообщение от Стефани: **Пошел на хрен.**

Она обо всем узнала. Я облажался по полной программе.

Все потому, что я пытаюсь быть хорошим парнем.

А в итоге получается полная херня.

Когда я поцеловал Стефани, мне было абсолютно плевать, смотрят на нас или нет. Никого другого для меня не существовало. Только я и она. Ее сладкие розовые губы со вкусом корицы, шелковые волосы и нежное тело, которое прижималось ко мне так, словно мы единое целое, словно она принадлежит мне.

Это все, что я видел в тот момент, и все, чего я хотел.

А потом все закрутилось, и я почувствовал, как возбуждаюсь. Это было довольно неуместно, но я ничего не мог сделать. Но тут появилась моя девушка и оттолкнула от меня Стефани.

Я не могу винить Надин за то, как она поступила, но я бы предпочел, чтобы ее агрессия была направлена на меня. Я вел себя как последняя свинья и вины Стефани в этом нет. Именно я отчаянно хотел гораздо больше, чем она могла мне предложить.

Но, по крайней мере, я получил то, что было не так далеко от моих самых сокровенных мечтаний.

Стефани убежала, и Пенни последовала за ней следом. Надин кричала на меня за то, что я зашел слишком далеко, и мне ничего не оставалось кроме как согласиться с ней, я пытался списать все на алкоголь — я действительно был пьян, и, безусловно, это повлияло на меня и мое поведение. Затем она ударила меня — опять же, вполне заслуженно — и отправилась спать, оставив меня с Ароном и Джеймсом.

Самое смешное, Арон на самом деле не выглядел расстроенным, и когда я сел обратно за стол рядом с ним и сказал «Хей, прости меня за это, я перебрал», Арон рассмеялся, сказав «Не парься, чувак!», и попросил передать ему пива.

Но Джеймс... Лицо Джеймса буквально кричало «убей, убей, убей, умри, умри, умри», я практически видел, как он превращается в Джейсона и распиливает меня пополам. (прим. Джейсон Вурхиз (англ. Jason Voorhees) — вымышленный персонаж, главный злодей фильмов серии «Пятница, 13-е», маньяк-убийца, известный своими кровавыми способами расправ над жертвами.) Это не удивило меня, учитывая те негативные вибрации, что исходят от него в последнее время.

Да, это меня не удивило, но обеспокоило. Он кажется счастливым рядом с Пенни, но вдруг Джеймс все еще влюблен в Стеф? И если это так, то что делать мне?

У меня нет ответа на этот вопрос. Если бы Джеймс сказал мне, что он все еще влюблен в нее, я бы отступил. Я бы не смог быть со Стеф, не так, особенно учитывая тот факт, что подкатывать к бывшей девушке своего лучшего друга — это полный отстой.

Но хоть Джеймс и пытался испепелить меня взглядом, он ничего не сказал, и я не собирался у него что-то выпытывать. А раз не сказал, значит это не так.

Так что я пошел за Стеф и нашел ее около его машины. Похоже, она от кого-то

пряталась. Но от кого? От меня? Или от Надин?

Один взгляд в ее глаза, и я понял, что она тоже сожалеет о случившемся, жалеет, что увлеклась. Мне нужно было показать ей, что ничего страшного не произошло.

Я хотел рассказать ей о тех грязных вещах, что мечтал сделать с ней все эти годы.

Но она была хорошей девочкой. Она думала об Ароне. А я думал о Надин.

Я знал, что должен порвать с Надин. Не мог вернуться к ней, зная, насколько лучше мне рядом со Стеф. Один поцелуй перевернул весь мой мир.

Все следующее утро и долгую дорогу домой я думал о том, когда и как мне лучше это сделать. Я знал, что Надин не воспримет мое решение спокойно и непременно обвинит меня в связи со Стефани, хотя между нами уже давно все не так гладко.

Я все спланировал. Я приду к ней в понедельник вечером, захвачу бутылку вина, чтобы облегчить разговор, и скажу, что не смогу дать ей то будущее, о котором она мечтает, что мне лучше быть одному, найти себя, и тому подобные вещи, отдаленно напоминающие правду.

Ночь с воскресенья на понедельник Надин провела в одиночестве под предлогом «мне нужно время все обдумать», именно так она и сказала. Но утром в понедельник она появилась в офисе вся в слезах.

Оказывается, прямо перед работой Надин получила уведомление, в котором говорилось, что здание ее дома непригодно для проживания, и она должна немедленно съехать. Она живет в чертовом Эмеривилле, в старом Викторианском доме, разделенном на шесть квартир. Надин снимала там жилье и для её арендодателей это оказалось такой же неожиданной новостью, как и для нее. К сожалению, уже ничего нельзя было сделать, если только после более тщательного осмотра структурной целостности здания специальная комиссия не решит, что существует возможность ремонта.

Черт возьми, я не мог порвать с ней прямо сейчас, не тогда, когда она осталась без крыши над головой. Так что я гладил ее по спине и всячески успокаивал, пока она плакала на своем столе. Мне позвонили и сказали отвезти мужчину из Оклахомы аж в Реддинг, а когда я вернулся, она сообщила мне, что никто из ее друзей не может приютить ее. У нее было недостаточно сбережений, и вариант с переездом к родителям отпадал, так как те переехали в Ливермор и оттуда слишком далеко добираться до работы.

Так что мы оба оказались в отстойном положении.

В итоге я сделал то, что сделал бы любой нормальный бойфренд, не говоря уже о любом достойном человеке. Я сказал, что она может переехать ко мне, пока эта ситуация не разрешится.

Я уделил особое внимание той части уговора, в которой говорилось «пока не», но она пропустила все мимо ушей. Надин тут же начала звонить всем подряд, чтобы рассказать о том, что переезжает ко мне.

Я хотел предупредить ее не писать об этом на Facebook, но она бы все равно это сделала.

А затем я увидел сообщение от Стеф.

Скорее всего, она подумала, что все то, что я говорил ей о своем желании быть с ней, было ложью. Я сделал все, что в моих силах, чтобы поговорить с ней, отправив кучу сообщений «**Поговори со мной**» и «**Позволь все объяснить**», но они все остались непрочитанными.

К середине недели Надин уже достаточно освоилась в моей квартире, заменив мои

черно-белые фото вертолетов на фото Одри Хепберн и Бруклинского моста из Икеа. Кое-как мне удалось улизнуть в «Лев», чтобы выпить. Джеймс был занят, и за стойкой бара была только Пенни, мне ничего не оставалось, кроме как поговорить с ней.

— Так она переехала к тебе, да? — сухо спросила Пенни, посасывая коктейльную вишенку.

— У меня действительно не было выбора, — сказал я, тяжело вздыхая. — Она не знала, куда пойти.

— Как благородно с твоей стороны, — заметила она и сделала паузу. — Ты слышал, что Стеф рассталась с Ароном?

Мое сердце в миг обледенело.

— Она что?

— Да. Дала ему пинка под зад в воскресенье вечером. Похоже, что наши маленькие выходные забили последний гвоздь в крышку этого гроба. Я, конечно, знала, что к этому все идет, хотя не думаю, что Арона так уж беспокоил ваш поцелуй взапас. Или, может быть, это не совсем так...

Я наклонился за барную стойку в поисках бутылки или еще чего-нибудь. Мой стакан был уже пуст, и я не мог думать.

Пенни подвинула мне свой Манхеттен.

— Держи, это поможет.

Я быстро отправил содержимое бокала себе в рот и постарался отдышаться.

— Она действительно бросила его?

Она кивнула.

— Ага. У вас, ребята, вроде было какое-то соглашение?

Чертovo соглашение.

Она забрала у меня бокал.

— Но вряд ли это имеет какое-то значение, ведь ты по-прежнему с Надин, ха. Забавно, как иногда поворачивается жизнь.

После чего Пенни встала и ушла в уборную. Джеймс был занят общением с покупателями, так что я последовал её примеру и тоже ушел. Я не мог говорить с ним прямо сейчас. Я вообще не мог ни с кем говорить.

Но я знал, что должен сделать, если не собираюсь выставить себя еще большим идиотом.

Следующим же вечером я порвал с Надин, но только после того, как нашел ей жилье. Округ Марин находится недалеко от работы, и я оплатил аренду на месяц вперед, чтобы она не беспокоилась. Я сказал ей, что у меня есть фургон, который я арендовал на выходные, чтобы все ее вещи были в целости и сохранности.

Она заехала мне кулаком в лицо. Прямо в челюсть.

Думаю, я этого заслуживаю, но я правда не знал, что еще сказать. Я понимаю, что повел себя как последний урод, бросив её в такой момент. Но я ничего не могу с собой поделать. Я просто не могу упустить возможность быть со Стефани. Не сейчас, не после всех этих лет несвоевременности и непопадания.

Надин не стеснялась в выражениях, и ее слова были гораздо больнее, чем удар в челюсть.

— Думаешь, ты можешь откупиться от меня? — закричала она, схватив фоторамку с нашей совместной фотографией. — Думаешь, что раз ты такая важная шишка с

богатенькими родителями, то можешь купить мне небольшую квартиру и избавиться от меня?

— Я просто пытаюсь помочь, — сказал я, поднимая руки вверх в знак капитуляции. У меня было такое ощущение, что это фото сейчас полетит прямоком мне в лицо.

— Помочь?! — едко усмехнулась она. — Ты не знаешь, как помочь кому-то, кроме себя. Бедный маленький богатенький мальчик делает вид, что на самом деле ему не насрать на всех вокруг себя. Помнишь, ты говорил, что твои родители не обращали на тебя внимания, что они бессердечные и холодные? Я наконец-то увидела ваше семейное сходство. Ты такой же, как и они, выбрасываешь на помойку свои отношения, когда тебя прижало, и надеешься, что немного денег и украшений помогут решить проблему.

Ее слова повергли меня в панику.

— Нет, это не то же самое. Я не такой. — И все же я реально испугался, потому что это именно то, чего я боялся больше всего, я с лёгкостью отказывался от отношений, которые можно было исправить.

Но это уже не имеет значения. Ничего не исправить. Фоторамка взлетает в воздух, разбиваясь о стену позади меня, и я едва успеваю пригнуться. Затем она начинает бить все рамки с фото, даже свои собственные, кидая их в стены и усыпая осколками пол. Правду говорят, что все рыжие девушки немного чокнутые.

Надин яркий тому пример.

Я еле остался жив после той ночи и даже не появлялся на работе несколько дней, потому что встреча с ней ничем хорошим бы не закончилась. К тому времени, как наступила суббота, грузчики забрали ее последние вещи, и она ушла, ушла из моей жизни.

По крайней мере, я не увижу ее на работе до понедельника.

И вот я один, сижу на своей кухне и пью апельсиновый сок прямо из коробки. Я наслаждаюсь тишиной и постепенно возвращаюсь к себе прежнему. Я все еще чувствую себя последним козлом из-за того, что бросил Надин в такой момент, но, в конце концов, я сделал все возможное, чтобы она чувствовала себя комфортно.

Забавно, но это заставляет меня чувствовать себя лучше. Интересно, именно так чувствовали себя мои родители, когда сорили деньгами, пытаюсь заглушить муки совести и решить их главную проблему.

Проблемой был я, и не думаю, что деньги залечат те дыры, что остались в моей душе. Я никогда не чувствовал себя частью любящей семьи и эту пустоту внутри меня ничем не заполнить.

Я понимал, что вот-вот упаду в яму самобичевания, поэтому надел спортивные штаны и вышел за дверь. Я бегал целую вечность, пробежав от Эмбаркадеро до Пресидио и обратно. Ломбард-Стрит едва не прикончила меня, колени адски ныли от боли, но я бежал до тех пор, пока не почувствовал, что больше не тону.

Затем я принял душ, оделся и вызвал такси. Я собирался в «Бургундский Лев» и в мои планы не входило вернуться домой трезвым.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Джеймс, когда я сел за стойку.

Я пожал плечами, снимая пиджак.

— Я свободный человек и могу идти туда, куда захочу.

— Так что, она действительно ушла, да? — спросил он, наливая мне пинту пива. — Лонгборд, лучшая часть бочонка.

Я с благодарностью принял пиво и поднял бокал.

— Спасибо, друг. — Я залпом выпил почти половину и испустил долгий вздох. — Да, она на самом деле ушла.

Он протер угол стола, несмотря на то, что тот был и так чистый. Думаю, он просто делает вид, что работает, на самом деле болтая со мной, хотя, черт возьми, это его бар и он может делать все, что захочет.

— Я уж решил, что ты поедешь к ней, чтобы помочь обустроиться и все такое. В смысле, ты реально ведешь себя как святой в отношении происходящего.

Я выгнул бровь.

— Что? Я думал, что веду себя как последний козел.

Джеймс пожал плечами.

— Она изначально знала, кто ты такой. И нет, ты не козел. Возможно, было лучше немного подождать с разрывом, но я понимаю тебя. Что кончено, то кончено.

— Да. И я никогда не умел притворяться.

— Нет, — сказал он, мгновение удерживая мой взгляд. — Не умел.

Интересно, что бы это значило. Я допил оставшееся пиво и спросил:

— А где Пенни?

Он словно оцепенел, услышав мой вопрос, и отвел взгляд в сторону.

— Я не уверен. Вроде какой-то девичник.

Я кивнул, не зная, стоит мне спросить, все ли в порядке, или не стоит. Вместо этого я осторожно поинтересовался:

— А Стеф?

— Она здесь, — сказал он.

— Что? — я выпрямился. — В баре?

Он кивнул, прищурившись, а затем указал на другую часть бара. Я пригнулся, чтобы получить лучший обзор. Она сидела в одной из кабинок в углу вместе с Николой и Кайлой.

Вот дерьмо. Я в курсе, что Кайла не лучшего обо мне мнения, и уверен, что Никола тоже не моя большая фанатка. Даже если отбросить тот факт, что Стефани сейчас готова выпустить мне кишки, мне следует держаться подальше от этого столика.

Но я не могу. Может, потому что я идиот и мне нравится быть мальчиком для битья, но я прошу у Джеймса еще одно пиво и встаю со стула.

— Что происходит? — спрашивает он, протягивая мне пинту пива. — Вы со Стефани на ножах?

Я пристально смотрю на него в ответ.

— Почему ты так решил?

— Ну, когда я чуть раньше произнес твое имя, она посмотрела на меня так, словно собиралась кого-то зарезать вилкой, а когда я сейчас упомянул о ней, то судя по твоему лицу, ты именно тот, кого она собиралась зарезать. Что-то...случилось?

— Нет, — быстро сказал я. — Что ты сказал ей? Про меня?

— Я сказал ей — поговоришь с Линденом позже? — и она вздрогнула так, словно кто-то прошелся по ее могиле.

— Не везет мне с женщинами, — сказал я в шутку.

Но Джеймс не улыбнулся.

— Стеф не просто одна из твоих женщин, Линден. Она твой друг.

Господи, когда он стал таким занудой? Похоже, все в этом мире обозлились на меня. Только этого не хватало.

Проигнорировав его, я обошел бар и направился к угловой кабинке. Никола увидела меня первой, и ее глаза чуть не вывалились из глазниц. Кайла просто молча источала яд.

В этот момент Стеф повернулась в мою сторону, и я понял, что Джеймс был прав, когда говорил, что она готова швырнуть вилку мне промеж глаз. Знаю, что заслуживаю весь её гнев, но все же я надеялся, что она даст мне шанс все объяснить.

Черт меня побери, она чертовски сексуальна, когда хочет меня убить.

— Тебе лучше уйти, — сказала Никола, указывая мне на дверь.

— И никогда не возвращаться, — добавила Кайла. — Придурок.

— Дайте мне минутку, — сказал я, стоя у края стола со сложенными на груди руками. Я заметил, как взгляд Стефани прошелся по моим бицепсам, и подумал, что это уже маленькая победа.

— Почему ты все еще злишься на меня?

Они обе посмотрели на Стефани. И я последовал их примеру.

Она вздохнула и сказала:

— Девочки, оставьте нас ненадолго?

Кайла и Николь обменялись понимающим взглядом и не двинулись с места.

— Пожалуйста, — уставшим голосом сказала Стеф. — Все в порядке.

— Нет, не в порядке, — сказала Кайла, а затем взглянула на меня. Уверен, она вспоминает тот эпизод, когда я бросил ее.

— Я просто хочу поговорить с ней, — сказал я ее «сторожевым псам». — Это правда.

Наконец, они обе ушли. Когда Никола проходила мимо меня, я на полном серьезе предложил ей забрать все острые предметы, на что она только рассмеялась.

Теперь, когда мы остались наедине, главное все не испортить.

— Ничего, что я здесь? — спросил я Стеф, сидящую неподвижно в углу.

Она покачала головой.

— Ты последний человек, которого я хочу сейчас видеть.

— Могу я хотя бы объяснить произошедшее?

Она сделала большой глоток из своего стакана.

— Какой в этом смысл?

В мгновение ока оказавшись рядом с ней, я схватил ее за руку. Она попыталась вырвать свою руку, но я крепко держал её, сжимая еще сильнее и наслаждаясь теплом и мягкостью её кожи.

— Все кончено, — сказал я ей. — Я с ней расстался. Она съехала. Все кончено.

Она беспокойно сглотнула и отвела взгляд, рассматривая старомодные картины с изображением лис и псов на стене, являющиеся частью оригинального декора «Бургундского Льва». Уголки её губ медленно опустились вниз, она всегда выглядит так, когда расстроена. Мне приходится изо всех сил сдерживаться, чтобы не впитаться поцелуем в эти губы.

— Зачем ты говоришь мне это?

— Потому что, — говорю я умоляющим тоном, чувствуя, как горло сдавило отчаяние, — Я хочу, чтобы ты знала, что все то, что я говорил тебе, чистая правда. Я хочу тебя и всегда хотел. Тебя и никого больше.

Застыв на мгновение, она украдкой бросает на меня взгляд.

— Я порвала с Ароном.

Я киваю, надеясь, что это выглядит как знак сочувствия, а не как свидетельство нетерпения с моей стороны.

— Я знаю. Пенни сказала мне. Я собирался порвать с Надин, как только вернулся домой, но потом узнал, что ее выселили. Ей было некуда пойти. Я не знал, что делать. Я просто не мог с ней так поступить.

— Но все же ты это сделал...

Я сgrimасничал. — Да. Сделал. Я не мог больше ждать. Не мог притворяться.

— Притворяться? — спросила она, и я слышал лишь её мягкий голос во всем шумном баре.

— Да, притворяться. Притворяться, что я не хочу ничего больше, кроме как разложить тебя на этом столе и показать, что значит по-настоящему трахаться.

Ее рот приоткрылся, она почти засмеялась. Я как всегда застал ее врасплох, но она уже привыкла к этому.

— Линден, — осуждающе прошептала она.

— Поцелуй меня, — попросил я. В этот момент я был один сплошной нерв, как змея, готовая броситься на свою жертву. Я чертовски хотел ее.

Она обеспокоенно выдернула свою руку из моей хватки и отодвинулась подальше от меня. — Держи себя в руках, ты переходишь все границы.

— Я делаю то, что должен был сделать уже давно, — сказал я, садясь рядом с ней. Я прячу свое лицо в ее волосах и вдыхаю ее свежий, пьянящий аромат. — Не делай вид, что ты не думала о том поцелуе каждый день после той ночи, — шепчу я, — Не притворяйся, что не мечтала о том, чтобы сделать это снова. Это и много больше.

Я кладу свою ладонь ей на бедро и медленно веду вверх, пока она не начинает меня отталкивать, упираясь мне в грудь руками.

— Мы не можем, — шепчет она.

— О да, еще как, черт возьми, можем, — отвечаю я. Прикусив мочку её уха, я тяну до тех пор, пока она не выпускает легкий вздох.

— Не сейчас, не здесь, — просит она, и я улавливаю нотки паники в ее голосе.

Она права. Не здесь. Я сажусь в нескольких дюймах от нее, оглядывая бар. Кажется, она говорит про Кайлу и Николу, но лично меня больше волнует Джеймс.

Что бы ни случилось между нами, будет лучше, если Джеймс ничего не узнает. По крайней мере, не с самого начала. Я не смогу быть с ней, если узнаю, что у него есть к ней чувства, но я заставляю себя выбросить эту мысль из головы. Все, что происходит, касается нас двоих.

— Мы можем оставить это в секрете? — шепчу я.

— Нам нечего оставлять в секрете, — едко подмечает она.

— Пока, — говорю я, удерживая ее взгляд. — Но к концу этой ночи все изменится.

Она смотрит в сторону, и я понимаю, что кто-то идет. Я быстро и якобы случайно поднимаюсь и поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть Николу и Кайлу приближающихся к нам с парой бутылок сидра.

— Вижу, ты все еще жив, — говорит Никола, переводя взгляд на стол. — И даже вилки не в крови.

— Все хорошо, — говорит Стеф, криво улыбаясь. На секунду она встречается со мной взглядом и снова смотрит на подруг. — Мы снова лучшие друзья.

— Просто лучшие друзья? — подозрительно спрашивает Кайла.

Прежде чем Стефани успевает ответить, я говорю:

— Просто лучшие.

Кивнув Стефани, я возвращаюсь за стойку бара.

СТЕФАНИ

— Что, черт возьми, все это значит? — спрашивает Кайла.

— У него должна быть веская причина, чтобы вести себя как последний мудака, — добавила Николь, прежде чем поставить свой бокал. Да, ребята, одинокие мамочки умеют расслабляться.

— Она у него вроде как есть, — отвечаю я. И это правда. На самом деле, после того, как я увидела новый статус Надин и послала Линдена, я поговорила с Пенни, и она рассказала мне, что к чему. Я все поняла, действительно поняла, но тягостное чувство предательства все равно никуда не делось. Не смотря на то, что Линден повел себя как порядочный мужчина в данной ситуации, у меня вдруг появилось ужасное предчувствие, что это конец. У нас нет шансов. Она навсегда останется жить с ним, он снова влюбится в неё и забудет все то, что сказал мне тем вечером.

Я провела целую неделю, жалея себя и проклиная всех на свете, и в частности Надин за то, что та жила в дыре, которую признали непригодной для проживания.

Я была полностью разбита и когда я дошла до стадии поедания мороженого в одном нижнем белье, мне пришлось рассказать Николе и Кайле о том, что произошло. Я действительно не хотела никому говорить о Линдене кроме Кайлы, побывавшей в похожей ситуации, но лишняя группа поддержки никогда не помешает. К тому же месяц назад у Кайлы сорвалась помолвка, и сейчас она люто ненавидела всех мужчин, в частности Линдена, который трахнул ее несколько раз и ни разу не перезвонил.

Субботняя ночь проходила под девизом давай-напьемся-и-найдем-хорошую-постель. Мы решили отправиться в «Лев», рассчитывая, что Надин там не будет. Надеюсь, ей не придет в голову показаться там после последних выходных. Мы просидели около часа, весело болтая и сплетничая обо всем на свете, когда я почувствовала, что Линден здесь. Лица Кайлы и Николы лишь подтвердили мои опасения.

Линден появился словно герой из моей мечты. На нем была узкая серая футболка, которая подчеркивала его большие, скульптурные плечи, темные джинсы, облегающие в нужных местах, и кожаная куртка — та самая, которую я ему подарила. Он небрежно перекинул её через плечо, как какой-то подражатель Брандо (прим. Марлон Брандо — американский актер кино и телевидения, режиссер и политический активист. Современными киноведами считается одним из величайших актеров в истории). Должна признаться, это сработало. Черные кожаные армейские сапоги прибавляли пару сантиметров к его шести футам.

Я внутренне проклинала его, используя каждое известное мне ругательство. Я была зла на него за то, что он здесь, за то, что он чертовски привлекателен, и за то, что мне приходится прикладывать немало усилий, чтобы оторвать свой взгляд от его накаченного тела.

Я изо всех сил старалась скрыть собственную обиду и злость, но не могла. Он все еще Линден. Он все еще тот мужчина, который знает меня лучше, чем кто-либо другой. Я никогда не могла отказать ему, а уж тем более скрыть от него обиду.

Как только Никола и Кайла оставили нас наедине, я сразу же попала под чары его

природного обаяния.

Когда он взял меня за руку, я наконец-то ощутила себя единым целым. Его горячее дыхание обжигало мне шею, и я чувствовала, как воспламеняюсь.

Он говорил вещи, которые я никогда не думала услышать от него, вещи, которые мне хотелось услышать еще раз.

Затем он сказал, что это останется нашим секретом, а когда Кайла и Никола вернулись, оставил нас, вернувшись за стойку бара.

Именно там он сейчас и сидел. И именно там мне хотелось быть больше всего.

Вернее, не совсем так — больше всего мне хотелось сейчас оказаться на столе под Линденом, как он и говорил.

— Ты уверена, что все в порядке? — в сотый раз спросила Никола. — Я понять не могу, что с твоим лицом.

— А что не так с моим лицом?

— Ну, ты выглядишь злее, чем обычно, — задумчиво ответила Кайла, протянувшись через весь стол, чтобы разгладить морщинки у меня на лбу. — Ты слишком хмурая. И выглядишь немного пугающе.

— Это она Линдена испугалась, — громко прошептала ей Никола.

— Мы защитим тебя, подружка, — сказала Кайла, демонстрируя свои бицепсы. — Я задолжала Линдену парочку ударов по орехам.

— Никто не будет никого бить, — сказала я им. Возможно, эти орешки понадобятся мне в самое ближайшее время. — Вы обе в стельку.

— Ты права, — сказала Кайла, драматично вздохнув и растянувшись на своем месте. — Ты же знаешь, что стоит мне выпить парочку коктейлей, и я уже ползаю на карачках. Чертовы азиатские гены.

Я рассмеялась. — Тогда может тебе стоит пойти домой?

Никола остановила на мне свой пристальный взгляд. — У меня такое ощущение, что ты пытаешься от нас избавиться.

Я открыла свой рот, чтобы возразить, но не смогла ничего ответить.

Никола вздохнула и бросила на стол несколько купюр, прежде чем подтолкнуть Кайлу к выходу. — Давай, цыпочка, ты не найдешь здесь мужчину, который встанет перед тобой на колени. — Она сдержала смешок, добавив, — Ну, разве что одного, но готова поставить, что ты уже была перед ним на коленях.

— Не смешно! — крикнула я, а Кайла побагровела от злости.

Затем они ушли, а я осталась сидеть в кабинке в полном одиночестве, посасывая теплый безвкусный сидр и думая лишь о том, кто ждет меня за баром.

Я собрала купюры и положила их в ближайшую банку для чаевых рядом со мной, в ответ на что Дэн показал мне два больших пальца. Кайла и Николь не должны ни за что платить, потому что они со мной, но они всегда оставляют деньги, которые я потом кладу в банку. Благодаря этому местный персонал очень рад, когда мы заходим в бар.

— Хэй, Стеф, — сказал Джеймс, как только я вывернула из-за угла барной стойки. Линден сидел напротив него на своем обычном месте, а Джеймс как всегда наливал ему пива.

Все были на своих местах.

На секунду я вернулась назад, в день нашего двадцать пятого дня рождения. В тот день мы точно так же сидели в баре и именно в тот день мы заключили наше пьяное соглашение,

согласно которому мы поженимся, если никого не найдем к тридцати.

Темные глаза Линдена встретились с моими, и он одарил меня медленной, похотливой улыбкой, будто понял, о чем я думаю. На мгновение я впала в ступор и забыла, куда иду, но мои ноги продолжали вести меня к нему. Взяв себя в руки, я села на стул рядом с ним, задев его плечом.

— Ты больше не злишься на него? — спросил Джеймс, без лишних слов протягивая мне «Angry Orchard» (прим. Angry Orchard — название сидра)

— Иногда я сама не своя, — ответила я с улыбкой, прежде чем сделать глоток.

— Вот дерьмо, — сказал он и направился в дальнюю часть бара к отчаянно жестикулирующим посетителям.

Сейчас, не смотря на бар и окружающих нас людей, я чувствовала себя наедине рядом с Линденом. Я не замечала никого больше, для меня был только он. Тепло его тела сводило меня с ума, и я думала лишь о том, что если немного придвинусь, моя рука коснется его.

Мурашки бежали по коже от одной лишь мысли об этом.

Линден придвинулся чуть ближе, и его рот оказался в паре сантиметров от моего уха.

— У тебя или у меня?

Мои глаза с ужасом распахнулись. Все слишком быстро. Я не знаю, что между нами сейчас происходит.

— Дай мне выпить и все обдумать, — мои слова прозвучали хрипло и отрывисто, словно я съела ведро опилок. Я слегка откинулась, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. — Тебе не кажется это немного... странным?

На его губах медленно расплзлась ленивая ухмылка.

— Мальвинка.

То, как он это сказал, заставило меня сфокусироваться на его губах и на мелькнувшем между них языке.

— Это не странно, наоборот.

Я не была в этом так уверена.

Он продолжил, снова нагнувшись ко мне.

— Я не мог о тебе не думать.

Я чувствовала, как краснеет мое лицо.

— Не нужно играть со мной.

— Да, — сказал он, — но я не играю. Это правда. Ты знаешь, как долго я хотел сказать тебе правду? Я дрожил каждый день, думая о твоих прелестных губах на моем члене.

Мои глаза распахнулись еще шире.

О, Господи.

Что, черт возьми?

— Не знаешь что сказать? — спросил он. — Мне это нравится.

Я повернула голову, чтобы посмотреть, не услышал ли кто. Может мне и кажется, что мы одни, но это не так. Джеймс все еще где-то поблизости, и я чувствую, что именно он причина того, что Линден хочет держать все в тайне. Что бы между нами ни происходило.

А я понятия не имею, что между нами сейчас происходит.

Но чувствую, Линден скоро меня просветит, и пощады мне не видать.

Я тяжело сглотнула, мой желудок превратился в комок булькающих нервов. Мне попеременно хотелось то разрыдаться, то рассмеяться, то закричать.

— Что на счет соглашения? — спросила я его.

— А что с ним не так? Можно считать первым этапом.

Он наклонился ближе, и я знаю, что если нас увидят со стороны, это не будет выглядеть как безобидное перешептывание.

— Сделаем пробную попытку, прежде чем перейти к активным действиям? — попыталась я пошутить.

— О, да, еще как сделаем, — прошептал он, и его дыхание коснулось моей шеи, заставив встать дыбом волоски на моей коже. Я закрыла глаза, чувствуя, как он целует меня за ухом. — Мы сделаем несколько попыток, — еще поцелуй, чуть ниже, — Много, — и еще ниже, — Много раз.

О, Боже. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы он продолжал, но я вздрогнула и отстранилась, пытаюсь сохранить остатки самообладания или как минимум чистые трусики.

Положив руку ему на предплечье, я крепко сжала его руку, чтобы он понял, что на этот раз я говорю серьезно. Линден, наконец, отступил и с нежностью посмотрел мне в глаза.

— Я отвратителен? — спросил он.

Ничего не могу сделать и смеюсь в ответ. Это тот Линден, которого я знаю.

— Есть немного, — говорю я ему и, заметив, как выражение его лица тут же меняется, добавляю, — Но все дело в том, что это...слишком. Это слишком много, понимаешь?

Он поднимает голову и улыбается, кивая мне в ответ.

— Ну, женщины часто мне это говорят.

Я закатываю глаза, хотя знаю, что у него там действительно слишком много. Он просто огромен. И я все еще чувствую, как он прижимается ко мне всей своей длиной.

— Я серьезно, — говорю я ему. — В одну минуту мы друзья, а в следующую...

— А в следующую я целую тебя. И понимаю, какой был дурак, что не сделал этого раньше.

Я киваю, понимая его чувства, и говорю, — Я просто не знаю, чего ты хочешь от меня. От нас.

Он хмурится и спрашивает, — А что ты хочешь от меня?

Что я от него хочу? Серьезно?

— Я хочу, — задумчиво говорю я и делаю глоток сидра. Я долго перекаत्याю напиток во рту, подбирая слова. Похоже, ничего не остается, кроме как сказать правду.

— Я хочу знать, почему тот поцелуй был таким потрясающим. Я хочу знать, что еще я упустила в этой жизни.

— Я тоже этого хочу, — отвечает он.

— Это стоит того, чтобы поставить под удар нашу дружбу?

Его лицо вмиг становится бледным как у покойника, и он украдкой оглядывает бар.

— Думаю, мы уже это сделали, Мальвинка. В тот момент, когда мы поцеловались и когда это стало больше чем просто поцелуй, наши дружеские отношения навсегда изменились. Они не будут прежними, но впереди нас ждет что-то новое. — Протянув руку, он убирает прядь волос мне за ухо. Его прикосновения решительные, но в то же время нежные. — Ты права, то, что происходит между нами — для нас все это в новинку. Давай просто сделаем этот маленький шаг.

— Этот маленький шаг подразумевает секс, верно? — шучу я и покрываюсь пунцовым румянцем. Не могу поверить, что я это сказала. Конечно, я и раньше шутила с Линденом на подобные темы, но это никогда не касалось нас с ним. И это не шутки, это реальность.

Он проводит зубами по нижней губе и смотрит мне в глаза.

— Я бы поцеловал тебя прямо сейчас, если бы мог и если бы весь мир не наблюдал за нами в эту секунду. Мой поцелуй был бы жарким и сладким, словно горячий мед на твоих губах. И ты захотела бы раствориться в нем, я обещаю.

Должна признаться, я никогда прежде не была с мужчиной, обладающим таким красноречием, но мне это начинает нравиться. Даже очень.

— Да? — глупо переспрашиваю я. Двое не могут играть в эту игру, поэтому я уступаю и позволяю Линдену вести.

Он наклоняется, будто хочет открыть мне какой-то секрет.

— Не хочу ничего так, как вытащить тебя отсюда и привести к себе, — тихо говорит он, его голос низкий и грубый. — Я не стану спешить, медленно сниму с тебя блузку, бюстгальтер и буду целовать твои соски до тех пор, пока ты начнешь умолять меня укусить их. Затем я сниму твои джинсы, медленно, дюйм за дюймом, я буду наслаждаться каждым мгновением, пока не доберусь до твоих трусиков. Готов поклясться, ты будешь чертовски влажная для меня. Держу пари, твои трусики уже мокрые. А потом я буду трахать твою маленькую киску с такой страстью, что ты удивишься, как жила без меня раньше.

Я буквально онемела.

И возбуждалась до чертиков.

И снова онемела.

О мой Бог, что, черт возьми, это было?

Я даже не знаю, что меня больше удивило: то ли то, что он сказал, то ли то, как именно он это сказал. Скорее всего, и то и другое. Конечно, учитывая его коллекцию длинноногих женщин и достаточную раскрепощенность в вопросах секса меня вообще ничего не должно удивлять.

Просто очень непривычно слышать такое из уст Линдена относительно меня.

И да, это чертовски возбуждает. Я уже говорила, не так ли?

Я попыталась устроиться поудобнее на собственном месте и поняла, что Линден был прав на счет моих мокрых трусиков.

— Уже сжалась для меня? — сказал он, после чего выпрямился и сосредоточился на своем пиве, как и все в баре. Тем временем, я действительно чертовски сжалась от внутренней пульсации. Его слова не давали мне покоя, заставив свести ноги вместе в поисках облегчения. Я не уверена, что хоть раз в жизни хотела кого-то с такой силой.

К тому же, у нас были долгие годы прелюдии.

— Тяжелый вечер, да? — спросил Линден. Я покачала головой, подумав, что он решил продолжить нашу игру. Но он обращался к Джеймсу, который вернулся в бар и стоял сейчас прямо перед нами, наливая Линдену очередную пинту. Готова поспорить, что он не страдает виски-членом. (прим. отсутствие эрекции вследствие большого количества выпивки)

— Да, — ответил Джеймс, — Но дела идут довольно неплохо. — Переведя на меня взгляд, он нахмурился.

— У тебя все хорошо, Стеф?

— Ты о чем? — спросила я, начиная паниковать.

Он показал на собственное лицо. — Ты вся красная. Будто лихорадишь.

— Ох, — сказала я и чуть опустила плечи, пытаясь подыграть. — Да, я не очень хорошо себя чувствую.

— Я же говорил тебе, что ты доработалась, — поддразнил меня Джеймс.

— Знаю, знаю, — ответила я. Мне хотелось сказать ему, что взяла отгул в прошлые

выходные, чтобы поехать с ними «Sea Ranch», (прим. «Sea Ranch» — отель в Gualala, Калифорния, США) и что я наняла помощника и сняла с себя часть обязанностей. Но в этот момент я вдруг почувствовала, что не хочу вступать с ним в разговор. Я хочу поговорить с Линденом, все мои мысли были лишь о нем. Мне хотелось узнать каким будет наш следующий шаг и хватит ли у меня смелости сделать все то, о чем он говорил пару минут назад.

Возможно, Линден почувствовал это, потому что он положил свою руку мне на плечо, прямо как в старые добрые времена, и сказал, — Ладно Мальвина, Джеймс прав, ты не очень хорошо выглядишь. Давай вызовем тебе такси.

— Сейчас сделаем, — сказал Джеймс, поднимая трубку и протягивая мне пальто, которое я оставила ему на хранение за баром. Взяв свое пальто, я попрощалась с Джеймсом, пока тот висел на телефоне, после чего Линден подхватил меня под локоть и вывел за дверь.

Снаружи было темно, несколько человек курили, заливаясь раскатистым смехом в клубах сигаретного дыма. Я знала, что мое такси приедет через несколько минут, и думала о том, действительно ли я поеду домой, но тут рука Линдена соскользнула с моего локтя, и он крепко взял меня за руку. Сжав мою ладонь, он, казалось, и не собирался её отпускать.

— Я еду с тобой, — сказал он, и его глаза блеснули в свете уличных фонарей. — И чтобы ты знала, сначала заедем ко мне.

— А что на счет Джеймса?

Он опустил голову, задумавшись над моими словами.

— Я не хочу, чтобы Джеймс имел какое-то отношение к тому, что между нами происходит. Не хочу разрушить нашу маленькую троицу. Да, я проводил тебя до такси, но мы миллион раз брали одну машину на двоих. Ничего не изменилось, Стеф. Все, что ни делается, все к лучшему.

Да, конечно, ничего не изменилось, но прежний Линден — мой друг Линден — никогда не приставал ко мне на заднем сиденье такси.

Хотя должна признаться, этого так и не произошло. Когда такси, наконец, приехало и мы забрались на заднее сиденье, между нами образовалось значительное пространство. Я правда думала, что он воспользуется шансом и продолжит начатое, но он всю дорогу лишь смотрел в окно на пробегающие в оранжевом облаке тумана дома и уличные огни.

Поездка на такси была на грани неловкости, а я не люблю чувствовать себя неловко рядом с Линденом. Я заметила, какие липкие у меня ладони, и поняла, насколько нервничаю из-за того, что может произойти — мы на самом деле собираемся переспать? Я чувствовала себя как маленькая девочка, а не как взрослая женщина.

Интересно, он тоже нервничает? Линден казался таким холодным и спокойным, и это было так на него не похоже.

Однако, когда такси подъехало к его дому, он заплатил водителю, взял меня за руку и повел вверх по лестнице. Было не слишком поздно, но эхо наших шагов разносилось по всему фойе, пока мы шли к его квартире. Когда он приложил ключ-карту к электронному замку на двери, я оглянулась и посмотрела на улицу. Было жутко тихо, туман поглощал городские звуки, заставляя все вокруг казаться больше, чем на самом деле.

Возможно, это тоже лишь кажется большим.

СТЕФАНИ

Снова взяв мою руку, Линден вел меня по коридору к своей квартире на первом этаже. Я уже миллион раз проходила вдоль этих белых стен с блестящими дверными номерками, по полу, покрытому плиткой, но сейчас все выглядело иначе.

Все выглядело по-другому.

Мы остановились у двери в его квартиру, и пока он вставлял ключ в замочную скважину, я спросила, — Что, если это ошибка?

Он замер и посмотрел на меня через плечо.

— А ты думаешь, что это ошибка?

Пару секунд я молча кусала свои губы, прислушиваясь к собственному сердцу. Кажется ли мне это ошибкой?

— Нет, — медленно сказала я, и мое сердце начало биться сильнее. — Но это не значит, что мне не страшно.

Повернув ключ, он открыл дверь и повернулся ко мне лицом. Линден хмурился, но взгляд его был мягким и глубоким.

— Мальвинка... это же я.

— Я знаю, — говорю я. — Но что... Что если ничего не выйдет?

— Выйдет, — отвечает он, только вот я не разделяла его уверенности.

— Я лишь не хочу разрушить все то, что у нас есть. Я не хочу тебя потерять.

Линден притягивает меня к себе.

— Ты не потеряешь меня, — говорит он, глядя на меня сверху вниз. — Я обещаю.

Мне так сильно хотелось ему поверить. Я должна ему поверить.

— Что, если ты потеряешь меня?

Он улыбается, сжимая меня в своих объятиях.

— Придется держать тебя крепче.

Я прижимаюсь к нему в ответ, и, открыв дверь, он заводит меня внутрь.

В его доме практически нет света, лишь одна лампа горит в левом углу кухни, и вся квартира словно поблескивает в тусклом свете. Полы из темно-коричневого дерева, окрашенные в темно-серые цвета стены, сейчас все это казалось более таинственным, более опасным. Это больше не квартира моего друга, здесь живет мужчина, которого я пока до конца не знаю.

Захлопнув дверь, он делает шаг вперед и прижимает меня спиной к двери. Упираясь ладонями по обе стороны от моей головы, Линден молча смотрит на меня сверху вниз. Его губы всего в нескольких дюймах от моих, наши носы почти касаются друг друга.

Я не двигаюсь. Даже не дышу. Я лишь смотрю на его полные губы и горящие желанием глаза. Внезапно я понимаю, насколько он огромный, словно никогда раньше этого не замечала. Его ладони, руки, плечи, грудь. Он такой высокий и сильный, что рядом с ним я чувствую себя совсем маленькой и хрупкой. Он так легко может меня погубить.

Я не хочу, чтобы он погубил меня.

Кончик его носа мягко потерся о мой.

— Вот он, — произносит он хриплым голосом, закрыв глаза, — этот момент.

То самое мгновение. И прежде чем я успеваю поразмыслить над тем, что этот момент

значит для него, он наклоняется и целует меня. Мягко и легко, его губы словно перышко скользят вдоль моей кожи. Этот дразнящий поцелуй был словно аперитив перед основным блюдом. При всей нежности и теплоте, то с каким наслаждением его губы ласкали мой рот, убивало остатки моего самоконтроля. Такое чувство, что я была связана, а его поцелуй точно острое лезвие срезал мои путы.

Я как раз собиралась открыть рот, чтобы впустить его глубже, когда он отстранился и прошептал мне в самые губы:

— Я не стану торопиться. Слишком долго этого ждал, чтобы все закончилось через минуту. — Его рука скользит вдоль задней поверхности моей шеи, мягко сжимая, — Я буду ласкать каждый дюйм твоего тела, пока ты не взмолишься о пощаде. А потом я буду трахать тебя с такой силой и страстью, что ты еще несколько дней будешь чувствовать меня изнутри.

Я почувствовала, как слабею и становлюсь мягкой и податливой, словно воск. Все связные мысли разом вылетели у меня из головы, осталось только мое тело и желание, сжигающее его изнутри. Наклонившись, Линден подхватил меня на руки и понес по коридору в сторону спальни, словно я ничего не вешу.

Через полупрозрачные шторы в его спальню проникал слабый свет уличных фонарей, освещая огромную кровать. Она была каких-то нереальных размеров, напоминая посадочную площадку для вертолета.

Линден аккуратно посадил меня в самый центр на белое одеяло, под которым виднелись черные простыни. Остановившись в полуметре от кровати, он стянул через голову футболку и бросил ее на пол.

Я и раньше видела Линдена без футболки, но сейчас я впервые могла смотреть на него с нескрываемым вожделением. Как вообще перед ним можно устоять? Чудо, что я столько времени держалась и не облапала его, облизав при этом с ног до головы.

Даже в слабом свете его грудь выглядела невероятно широкой и крепкой, покрытая редкими шелковистыми волосками в стиле Хью Джекмана. Мускулистые плечи и руки толщиной со ствол дерева, он весь был одни сплошные мышцы. Шесть кубиков его пресса плавно спускались вниз к рельефным мышцам плоского живота, плавно сходящимся в направлении паха. Я не могла оторвать от него глаз, рассматривая каждую деталь его великолепного тела.

Мне хотелось ощутить на себе вес его тела, хотелось дотронуться до него своими пальцами, языком и губами. Черт, я так сильно хотела его сейчас, что меня буквально трясло от желания.

Пока он смотрел, как я пожираю его глазами, на его губах появилась едва заметная улыбка. Он медленно расстегивает свои джинсы и те тут же падают на пол, обнажая его мускулистые бедра. Темные боксеры плотно облегают его тело, и я вижу каждый сантиметр мощной эрекции, четко проступающей под тканью белья.

Боже правый.

Глядя мне в глаза, Линден касается себя и на мгновение сжимает напряженную плоть. Я чувствую, что у меня буквально отвисла челюсть. Пока я сижу, открыв рот, он снимает боксеры и предстает передо мной во всем великолепии своей наготы, увенчанной впечатляющей эрекцией.

Его член идеален. Просто, блять, идеален. Я не могу перестать на него смотреть. Он не только массивный (в хорошем смысле, не тот, что проткнет вашу матку), но к тому же длинный, гладкий и толстый, с идеальными пропорциями. Самый потрясающий пенис, что я

когда-либо видела. Если бы я умела рисовать, у меня бы была целая галерея, посвященная великолепию его члена, и поверьте, я бы стабильно распродавала все свои работы.

— Нравится то, что ты видишь? — спрашивает он, продолжая ухмыляться.

— Не уверена, возможно, мне стоит рассмотреть получше, — говорю я, на автомате наклоняясь к его гладким бедрам. Притянув Линдена к себе, я обхватываю огромный член рукой, наслаждаясь его бархатистой твердостью. Должно быть, я выгляжу так, словно съехала с катушек. Мне с трудом удастся осознать, как стремительно мы продвинулись от лучших друзей до «держу его член в руке», но это не вызывает у меня ни малейшего дискомфорта.

Вообще-то я уже оплакиваю тот факт, что мы не сделали этого раньше.

— Творя очередь, — говорит он, и я понимаю, что пока он стоит передо мной в чем мать родила, я все еще полностью одета. О таком повороте событий я не подумала, но чем скорее я сниму одежду, тем быстрее он сможет накинуться на меня. И судя по его взгляду, именно это он и собирается сделать.

Опасаясь складок на животе, я немного наклоняюсь назад и мысленно благодарю Всевышнего за слабый свет, который сейчас как нельзя кстати. Я пытаюсь грациозно снять с себя верх, но Линден оказывается быстрее. Он срывает мою рубашку и бросает ее через комнату. Пару мгновений он смотрит на мою грудь, прежде чем избавить меня от бюстгалтера. Мои девочки оказываются на свободе, и Линден стонет от удовольствия, глядя, как мои соски становятся тверже от прохладного воздуха.

— В точности, как я и представлял, — шепчет он. Обнаженный, Линден забирается на кровать, и я оказываюсь лежащей под ним на спине. Наклонив голову, он ведет языком по моей груди к соску и начинает дразнить его, обводя влажными горячими кругами.

Он сжимает рукой мою грудь, пощелкивая пальцем по соску, пока я не начинаю стонать и извиваться от страсти. Тем временем, вторая его рука расстегивает мои джинсы и проскальзывает внутрь.

— Иисусе, — шепчет он хрипло, — ты вся течешь.

Он проводит пальцем по клитору, и я приподнимаю бедра ему навстречу, ожидая большего. Поддавшись моей немой просьбе, он скользит пальцами ниже, пока два из них не оказываются внутри меня. Его большой палец продолжает давить на мой клитор, рисуя на нем медленные чувственные круги.

Я с силой втягиваю воздух, и мое тело замирает в напряжении.

— Если не перестанешь, то я кончу прямо сейчас, — удается мне прошептать.

— Так кончай, — отвечает он, скользя губами ко второй груди. — Я в любом случае собирался заставить тебя это сделать.

— Какая самоуверенность.

Он поднимает на меня глаза, держа мой сосок между зубами, и когда наши взгляды встречаются, я понимаю, что это не шутка. Я знаю этот взгляд. Чистая сила и неприкрытая самоуверенность — в этом весь Линден.

Но я и так никогда в нем не сомневалась.

Мягко прикусив мой сосок, он усиливает давление, посылая по всему моему телу изысканную смесь боли и удовольствия. Его пальцы проникают чуть глубже и добиваются до моей точки G. Быстрые и ритмичные движения, которые он проделывает в моем лоне, вмиг заставляют меня слететь с катушек. Я перестаю понимать, что происходит, и больше не могу сдерживаться. Убрав из меня пальцы, Линден едва касается моего клитора, и я взрываюсь.

Моя спина выгибается, и он стонет напротив моей груди, пока я погружаюсь в бездну чистейшего удовольствия, проникающего в каждую мою клеточку.

— О, Боже, — шепчу я со стоном, вцепившись руками в простыни, — не останавливайся.

— Я никогда не останавливаюсь, детка. Меня хватит на всю ночь.

Волны неземного блаженства продолжают накатывать на мое хрупкое тело, пока комната постепенно не встает на место. Линден все еще на мне, и его рот неспешно скользит по влажной коже моей груди к ключице. Он смотрит на меня почти с восхищением.

— Что? — спрашиваю я.

— Твое лицо.

Я тяжело дышу, мое лицо пылает после оргазма.

— Что с ним?

— Я никогда прежде не видел, как ты кончаешь, — отвечает он. — Я даже не мог представить, насколько это прекрасно. — Он немного сдвигается, упираясь локтями по обе стороны от моей головы и зарываясь пальцами у меня в волосах. Наши животы тесно прижаты друг к другу, я наслаждаюсь весом его тела и тем, как его горячий член упирается в мои складки. До чего же приятно.

Я не привыкла слышать от Линдена столько комплиментов.

— Что за сентиментальность, — шучу я.

— Детка, — говорит он, целуя меня в щеку, и прижимается ко мне еще сильнее, — разве ты не чувствуешь, насколько я тверд? Какая уж тут сентиментальность.

Он прав. Я только что кончила, и туман в моей голове после этого невероятного оргазма еще не рассеялся, но все, чего я хочу, так это раздвинуть ноги пошире и дать ему возможность ворваться внутрь.

Словно читая мои мысли, он целует меня в губы и тянется к прикроватному столику. Выдвинув ящик, Линден достает оттуда маленькую коробочку презервативов и садится, раздвигая мои бедра. Я смотрю, как он открывает пакетик и раскатывает презерватив по всей своей длине. Это самое сексуальное зрелище, что я когда-либо видела.

Хоть я и на таблетках, мне приятно, что он заботится о безопасности. Странно, но в то же время комфортно быть с кем-то, чью историю половых связей ты знаешь от и до.

— То, как ты ласкала меня рукой, — шепчет он, — сделай это снова. Направь меня в себя.

— Хорошо, — отвечаю я, немного смутившись. Прикусив губу, я улыбаюсь ему, когда он втягивает живот, чтобы я могла дотянуться. Мои пальцы обхватывают его член, и раздвинув ноги шире, я веду его туда, где ему самое место. Он закрывает глаза и делает глубокий вдох, прежде чем толкнуться вперед.

Я невольно ахаю. На мгновение мне кажется, что я слишком узкая для него, но когда он выходит и проникает в мое лоно, напряжение уходит. Мое тело расслабляется и принимает его. Он идеально подходит мне, я никогда не чувствовала себя такой наполненной, просто невероятно.

И вдруг я четко осознаю, что Линден внутри меня. Линден. Мы обнажены, и он внутри меня. Линден на самом деле трахает меня на собственной кровати прямо сейчас.

Линден. Меня. Трахает.

Боже, до чего же он хорош.

С медленным, осторожным толчком он стонет мне на ухо.

— Ты слаще меда, — шепчет он, прикусывая мою нижнюю губу и снова стонет, погружаясь до конца и задерживаясь внутри на несколько мучительных секунд. — Такая теплая, нежная. Ты просто совершенство, — он смотрит на меня. — Я не могу поверить, что теперь ты со мной.

А разве я не всегда была с тобой? Мне хочется задать ему этот вопрос, но я и сама не уверена, что осознавала это раньше.

Он легко проникает внутрь и скользит обратно, его дыхание учащается, жаркий пот покрывает нашу кожу. Член Линдена заполняет каждый сантиметр внутри меня, его пальцы словно знают мое тело лучше, чем я сама. И все это время он контролирует происходящее, двигаясь в идеальном ритме, его движения от быстрых и резких переходят в плавные и мучительно медленные. Я снова приближаюсь к оргазму, моя шея выгибается, в этот момент он снова глубоко входит в меня. Внутри — наружу. Внутри — наружу. Он замедляется и полностью выходит из меня.

— Подожди, — мягко произносит он, затем убирает свою руку, находившуюся все это время между моих ног, и ведет ей по моей груди, смазывая ее моей же влагой. Он наклоняет голову и слизывает. — Я обожаю твой вкус, — шепчет он, — ты невероятно хороша, детка. После чего он упирается рукой над моим плечом и говорит, — Переворачивайся на живот. Бедро выше.

Я не привыкла менять позиции во время секса, и он, должно быть, видит мое смятение, улыбаясь в ответ.

— Я ведь говорил, что возьму свое. Ты кончишь снова, и это будет мощный оргазм. Верь мне.

Думаю, такой вариант меня вполне устраивает. Я переворачиваюсь, и он кладет мне руки на талию, подтягивая к себе мою задницу и одновременно подаваясь вперед.

— Вот так, детка, вот так, — шепчет он, сжимая мою талию.

Он с легкостью вводит свой член внутрь, и под этим углом все меняется. Он наклоняется, его твердая, влажная грудь прижимается к моей спине, и я слышу, как он шепчет, — Лежи на груди так долго, как сможешь. Задницу повыше.

Он подтягивает меня к себе и делает резкий толчок.

Ох, Иисусе.

Помните, я говорила про Джеймса, что его магический пирсинг творил чудеса, и это было одной из причин, по которой я с ним оставалась.

Ну, у Линдена никакого пирсинга не было, но я начинала думать, что его член сам по себе был волшебным, потому что он затрагивал такие точки, что мои колени буквально подкашивались.

— Вот так, — говорит он, начиная растирать мой клитор и продолжая двигаться. Каждый раз, когда он входит в меня, я шумно вздыхаю. Вздохи превращаются в стоны, мое дыхание сбивается, а его толчки становятся еще глубже. Комната наполняется звуками его резкого дыхания и страстных стонов, когда его бедра с силой ударяются о мои.

— Как же хорошо, — стонет он. — Я обожаю твое тело, оно просто умоляет меня оттрахать его.

Я уже практически впиваюсь зубами в простынь, пытаюсь удержать себя и все те слова, что рвутся у меня с языка. Слишком много эмоций и чувств перемешались у меня в голове.

Что-то из этого нужно отпустить.

И я отпускаю.

Не поддающаяся контролю волна немедленно поглощает мое тело. Я падаю, голова кружится, тело содрогается, и весь мой мир вихрем кружится вокруг этого оргазма. Меня ничто не сдерживает, я свободна. Линден со стоном произносит мое имя, его пальцы сжимаются у меня на талии, словно он не хочет отпускать этот момент.

— Бляя, как же хорошо, — шипит он за моей спиной, потом резко вскрикивает, ускоряя темп. Я чувствую, как его тело содрогается, когда он кончает с коротким, тяжелым вздохом. Капли пота падают с него на мою спину, когда он шепчет, — Блять, детка, блять, блять, блять, — каждое слово, вырывающееся из его рта, подкрепляется глубоким, мощным толчком, когда он растворяется во мне без остатка.

Он медленно выходит из меня и падает на кровать, а я все еще дрейфую на волнах самого охренительного оргазма, который был в моей жизни. Тяжело дыша, он обнимает меня и прячет лицо в основании моей шеи. Такое интимное ощущение, такое безопасное.

Как только похоть и желание начинают таять вместе с остатками моих костей, ко мне приходит осознание произошедшего.

Это было прекрасно.

Даже слишком.

Мой Линден.

Это только что произошло между мной и моим Линденом.

Я никогда не буду такой, как прежде.

Нет. Не буду. Только не после этого.

Пути назад больше нет.

Истина врезается в мое сознание, словно молот, и мне кажется, что я вот-вот разобьюсь вдребезги. Я не хочу быть ни с кем другим. Я больше не смогу быть ни с кем другим. Я хочу только Линдена, навсегда. Слезы наворачиваются у меня на глазах, и я сглатываю, думая про себя: «Ты тот самый. Тот самый. И был им все это время».

Не знаю, думает ли он также. Линден нежно убирает волосы с моего лица, целует меня в лоб, между бровями, в кончик носа, губы и щеки. Его голос звучит низко и хрипло, когда он говорит, — Девять лет. Девять лет я ждал, чтобы ты наконец-то была со мной.

Открыв глаза, я смотрю на него. В его взгляде столько искренности, что я буквально лишаюсь дара речи. Не могу поверить. Я просто не могу поверить, что он лежит здесь со мной, обнаженный, а мое тело все еще пульсирует от того, что его член был во мне пару минут назад. Не могу поверить, что он говорит мне те вещи, о которых я лишь мечтала.

— И теперь, когда ты со мной, — тихо произносит он, кончик его пальца смахивает слезу, которая катится у меня по щеке, — мне ничего больше не нужно.

Я пытаюсь сглотнуть ком в горле, но не могу.

— Мне тоже больше ничего не нужно, — хрипло отвечаю я.

Он нежно улыбается и целует меня в лоб.

— Моя Мальвинка.

— Мой Ковбой.

— Нас ждет столько хорошего впереди.

Он прав. Так и будет.

Засыпая обнаженной в его объятиях, я думаю о том, как быстро все изменилось. Неделью назад мы были друзьями. А теперь мы два человека, которые только что любили друг друга.

Все настолько идеально, что просто не может быть правдой.

И я боюсь, что это действительно так.

Боюсь, что нам придется нелегко.

Очень боюсь.

ЛИНДЕН

Я не мог поверить своим глазам, когда, черт возьми, проснулся. Мне на самом деле пришлось себя ущипнуть, чтобы убедиться, что я не сплю. Потому что если это, мать вашу, всего лишь сон, то определенно лучший из всех.

Но это не сон. Рядом со мной, на моей кровати, на смятых простынях и одеялах лежала великолепная женщина, изгибы бедер которой должны быть запечатлены по всем канонам классической живописи. Ни у одной из этих пташек нет и не будет такой же задницы, как у нее. Никто на нее не похож.

Потому что она единственная.

Блять. Поверить на хрен не могу, что переспал с ней прошлой ночью.

Стефани, мать ее, Робсон.

Ничего не могу поделать и глупо улыбаюсь. Черт, какой же я везунчик, думаю я про себя, едва не рассмеявшись собственным мыслям. Но смотря на идеальные изгибы её шикарной задницы, лежащей в моей постели, я могу с уверенностью сказать, что на этот раз удача явно на моей стороне. Я гребаный счастливчик.

И это было лучше, чем я себе представлял. Долгие годы я удовлетворял себя, трахая других и мечтая о ней, но все эти мечты — ничто в сравнении с реальностью. Ее вкус и те ощущения, которые рождались в моем члене, когда я был внутри ее тела, Боже, это было охренеть как прекрасно. А чего стоят ее глаза, сиявшие как солнышко летним утром, когда она кончала? Ни одна фантазия не сравнится с тем, какая Стефани на самом деле.

— Ты уставился на мою задницу? — шепчет она, не поворачиваясь, и я слегка вздрагиваю от звука ее голоса.

— Эээ, да, — признаюсь я. — Но, если бы ты могла видеть свою задницу, ты бы тоже на нее пялилась.

Она медленно переворачивается и моргает, глядя на меня. Солнечный свет льется из окна на её лицо. Да, это чертово утро просто прекрасно, и даже привередливая погода Сан-Франциско согласна с этим.

— Привет, — говорит она сонно.

— Привет, — отвечаю я, улыбаясь, как идиот. Я придвигаюсь к ней так, что мой утренний стояк, прижатый к ее бедру, не может остаться незамеченным.

— Сколько времени? — спрашивает она.

— Неважно, — отвечаю я, не желая давать ей повода выскользнуть из кровати. — Сегодня воскресенье, ты у меня дома и, значит, нам остается только есть и трахаться.

Она приподнимает свою идеальную бровь. Боже, она великолепна, даже когда ее макияж наполовину размазан.

— Да неужели? Не помню, чтобы я на это подписывалась.

— Подписывалась, — говорю я, целуя ее в плечо. — Ты на многое подписалась прошлой ночью, когда трахалась со мной.

— Не могу воскресить в памяти этот контракт.

— Не можешь, но ты сказала, что я твой бог секса, и ты сделаешь для меня все, что угодно. Да-да, все, что угодно, — говорю я, многозначительно приподнимая брови.

Она хихикает.

— Такого я точно не помню.

— Хммм, — задумываюсь я. — Что ж, возможно, я просто прочитал твои мысли, — я прижимаюсь к ней ближе. — Ты же в курсе, как хорошо я тебя знаю.

На ее лице появляется смущение, и она смотрит в сторону. Может, я слишком давлю на нее сейчас.

Я убираю прядь волос ей за ушко.

— Как ты?

Она молча размышляет пару секунд, глядя в потолок.

— Я не знаю.

Её слова заставляют мою грудь болезненно сжаться.

— Ты не знаешь, — повторяю я.

Она виновато смотрит на меня.

— В смысле... Я счастлива. Правда. Думаю, я просто потрясена. Все случилось так быстро... У меня нет в этом опыта.

— Не опыта спать с мужчинами?

— Нет опыта спать с друзьями. В частности, со своим лучшим другом.

Я понимаю, что она имеет в виду, но по мне так тут все ясно. Прошлой ночью мы сделали то, что, как мне казалось, нам суждено было сделать с самого начала. Нам просто понадобилось чертовски много времени, чтобы это понять.

Девять лет я провел с посиневшими от напряжения яйцами и теперь собираюсь сполна насладиться своим выигрышем.

— Ну, я все еще твой друг, — говорю я. — Это не изменилось. Просто сменился масштаб.

— Дружба с дополнительными возможностями?

Я пожимаю плечами, хоть и надеялся на нечто большее, чем это.

— Конечно. Если тебе это подходит. Должен сказать, что эти «возможности» могут все круто поменять.

— Все запутается, — говорит она, нахмурившись, и теперь я понимаю, о чем она на самом деле переживает. О том же, о чем и я.

Она думает о Джеймсе.

— Возможно, — неторопливо отвечаю я, теребя прядь её волос. — Но такое с любыми отношениями может случиться, верно?

— А как же Джеймс?

Я вздыхаю.

— Ну, Джеймс действительно может стать проблемой. — Интересно, она тоже подозревает, что он по-прежнему влюблен в нее? — Почему ты так переживаешь из-за Джеймса?

— Я не думаю, что сам по себе он станет проблемой. Но я не хочу бросаться рассказывать ему о том, что происходит прямо сейчас. Он может немного... странно отреагировать. Например, ему будет казаться, что он остается в стороне или что-то вроде того. Он становится замкнутым, когда мы с тобой проводим время наедине.

Мое сердце начинает биться медленнее.

— Серьезно?

Она кивает.

— Да. Но знаешь, у него своих тараканов хватает. Не пойми неправильно, он дорог нам

обоим. Это ведь Джеймс. Но... Я не знаю. Он такой обидчивый и эмоциональный, что если мы с тобой вдруг прямо перед ним изобразим обнимашки-целовашки или пих-перепих...

— Пих-перепих?

Она игнорирует меня, продолжая, — Если наше поведение изменится, если мы поменяем динамику нашей дружбы, все мы трое...

— Но он в курсе соглашения, которое мы заключили. Не так уж все и изменится.

— Знаю, но он уверен, что это чушь собачья. Просто шутка, ничего серьезного.

Я хмурюсь.

— Ты тоже так думала?

Она, смутившись, поджимает губы.

— Возможно. Но ведь это не шутка, правда?

Я качаю головой.

— Нет. Вовсе нет. Я говорил серьезно.

— И сейчас все по-прежнему серьезно?

Я киваю.

— Да. Но тебе не кажется, что мы уже стали на шаг ближе к нашему соглашению?

— Вот, что я имела в виду, когда говорила, что все запутается.

Она права, но сейчас я не хочу с этим разбираться. Я просто хочу наслаждаться моментом и не беспокоиться о том, что будет с нами и нашей дружбой дальше. Кто знает, может нам просто нужно время.

— Как на счет того, чтобы держать это в секрете? — предлагаю я. — Я уже говорил тебе прошлым вечером. Просто будь осмотрительна рядом с другими и особенно с Джеймсом. Давай мы будем получать удовольствие и сосредоточимся на горячем сексе, который нас ждет, вместо того, чтобы печалиться о Джеймсе, чувствующем себя как пятое колесо. Ведь у него есть Пенни, а все, что мы делаем тут, наедине, вообще-то не его дело.

Кажется, этот вариант ей по душе. Ее глаза блестят.

— А что будет дальше?

Я веду пальцами от впадинки у её ключицы, между округлостей груди, и провожу под её изгибами.

— Перейдем этот мост, когда доберемся до него. Уверен, раньше или позже это случится. Но до этого момента есть только ты и я. Стеф, я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Но я все еще не знаю о тебе всего, — я позволяю своим пальцами проложить дорожку вниз по ее животу, через коротенькую линию аккуратных волосков, и останавливаюсь. — Я хочу знать, что тебя заводит. А что нет. И обо всех тех секретах, которые ты и не думала когда-нибудь мне рассказать. Хочу узнать тебя на этом уровне. Глубже.

Сказав это, я опускаю руку ниже, скользя пальцами к ее лону. Она уже влажная. Моему утреннему стояку это по нраву. Я ухмыляюсь ей.

— Хочешь меня? Глубже?

Она улыбается в ответ.

— Что я тебе говорила насчет сентиментальности?

Я смотрю в сторону, делая вид, что пытаюсь вспомнить.

— Кажется, тебе это нравилось, ты это имеешь в виду?

Она кусает губу, и я принимаю это за знак ее желания, чтобы я тоже прикусил ее. Я перекатываюсь и оказываюсь поверх Стефани. Мне нравится, когда она подо мной, чертовски возбуждающий вид.

Она проводит по моим бокам, рукам и по спине. На границе моей задницы её ладони замирают, и она мягко надавливает мне на спину.

— Ого, у тебя и правда там «ямочки».

— Впечатлена?

— Еще бы! «Ямочки» на спине — мой фетиш.

— Ты мой фетиш, — говорю я. Спокойней, Линден. С чего ты вдруг превратился в слащавого подростка?

— Фетиш?

Я начинаю целовать ее шею, наслаждаясь вкусом ее кожи, и исходящим от неё естественным, мускусным запахом.

— Да. Моя одержимость.

Я сдвигаюсь чуть ниже, скользя губами вдоль её тела, от ключиц и ниже. Она ерзает в нетерпении, а мой рот наполняется слюной от предвкушения. У меня была лишь одна возможность попробовать ее прошлой ночью, и я чертовски хочу снова почувствовать пьянящий вкус Стеф на своих губах.

Я провожу языком по ее бедренной кости и зарываюсь лицом у неё между ног. Ее мускусный запах заставляет мой член дернуться, я отчаянно желаю оказаться внутри нее, но сперва решаю насладиться её вкусом.

Она невероятно хороша. Я никогда не был из тех мужчин, которые стесняются заняться киской девушки, но что-то в Стефани делает ее выше всех прочих женщин. Ее вкус вызывает зависимость, он как сладкая соль, и я испускаю стон прямо в нее, мой язык кружит у ее клитора, после чего погружается в нее без остатка.

С каждой секундой она становится все более влажной, ее руки крепко сжимают мои волосы, а ноги раздвигаются шире, когда она хочет еще. Я отодвигаюсь, желая подразнить ее, и тихо дую на нежные складки, пока она не начинает стонать.

— Скажи «пожалуйста», — говорю я ей, и мой голос становится низким и грубым.

— Пожалуйста, — отвечает она, и мне так нравится, что в ее голосе нет ни тени сомнения. Интересно, что еще я могу заставить ее сказать. Мой разум неистовствует.

Но для начала я хочу, чтобы она кончила, а затем я окажусь внутри нее и снова заставлю ее кончить. Я набрасываюсь на Стеф, ритмично трахая её своим языком, и вскоре она кончает. Её бедра сжимаются по обе стороны от моей головы, а киска трепещет под моими губами.

Я улыбаюсь и смотрю на нее. Она вцепилась в простыни мертвой хваткой, ее спина изогнулась в экстазе, а губы чуть приоткрыты. Боже, как же я хочу попасть в её сладкий рот, но не мне решать. Если она захочет, то может сама ответить мне тем же.

Судя по тому, как она смотрела на мой член прошлой ночью, уверен, так она и сделает.

Я уже говорил, что я счастливчик?

Пока она, тяжело дыша, лежит на спине, отходя от оргазма, я тянусь к пакетику с презервативами на столе и быстро раскатываю один. Нам как-нибудь надо будет пройти тесты, чтобы больше не было необходимости предохраняться. Я не против безопасного секса, но нет ничего лучше, чем по-настоящему кончить в женщину и видеть, как твоя сперма стекает по ее ногам. Грязный секс — самый лучший.

Я снова устраиваюсь между ее ног, хватаю за бедра и подтягиваю Стеф к себе, держа ее ноги как можно выше. Я пододвигаюсь ближе, собираясь войти в нее, в такую влажную, горячую и готовую для меня. Не в силах сдержаться, я испускаю тихий стон.

— Я чертовски сильно хочу трахнуть твою мокрую киску, детка, — прикусив губу и глядя Стефани в глаза, я вхожу в нее. Ее глаза открываются шире, то ли она удивлена моими словами, то ли моим членом, входящим в нее, не знаю. Меня устроит любой из вариантов.

Блять, как же она хороша. Представить не могу, как бы это было — почувствовать ее по-настоящему, кожа к коже, каждый влажный, тугой сантиметр ее тела. «Пройти тесты» — не самые лучшие слова во время секса, так что я оставляю это предложение на потом.

Я смотрю вниз, на то место, где я вхожу в нее. По-прежнему удерживая её ноги, я толкаюсь глубже. Нет ничего более сексуального для мужчины, чем видеть это, особенно со Стефани. Ее полные груди колеблются при каждом движении, и когда я ускоряю темп, они начинают подскакивать в ответ. Ее глаза сияют, но я замечаю в них капельку смущения.

Я в восторге от того, что могу сделать с ней такое.

Но еще больше мне нравится, когда она кончает. Выражение на ее лице в этот момент — чистое сияние.

Я плавно провожу ладонями вниз по ее ногам. Прошлой ночью я подарил ей оргазм точки G, и если сейчас подложить подушку ей под попку, то, возможно, удастся это повторить. Мои пальцы довольно искусны, но ее тело так чутко отвечает, словно оно принадлежало всю жизнь мне одному. Я начинаю слегка поглаживать ее нежный маленький клитор, и, черт, она так чувствительна, что тут же извивается подо мной, её грудь вздымается, а губы чуть приоткрыты.

Я хочу быть всем для нее. Я хочу быть лучшим и единственным. Я хочу сделать так, чтобы она желала меня, хотела ко мне и мечтала обо мне каждую гребаную секунду. Хочу, чтобы она понимала, каково это — желать, и хочу знать, каково это — быть желанным ей, и только ей.

Мы оба постепенно приближаемся к кульминации. По сравнению с прошлой ночью, мы делаем это медленно, наслаждаясь каждым движением и тем, как наши тела чувствуют друг друга. Я хочу, чтобы это длилось вечно, и в то же время я умираю от желания кончить в нее прямо сейчас. Мне хочется увидеть, как меняется её лицо во время оргазма, и ради этого я готов продержаться чуточку дольше.

Я хочу быть единственным мужчиной, который видит её такой. Хочу, чтобы она принадлежала мне навсегда.

Стеф кончает первой. Это зрелище просто прекрасно. Ее блестящая от пота кожа будто светится, губы приоткрываются, и она выкрикивает мое имя. Нежный голос полон страсти, и никогда еще мое имя не звучало так горячо. Стеф дрожит, переживая собственный оргазм, и на меня обрушивается мысль о том, какая же она необыкновенная. Думаю, еще немало времени пройдет, прежде чем я до конца осознаю, что наконец-то она моя.

Настает моя очередь, я кончаю и изливаюсь в нее без остатка, отдавая себя так, как и представить раньше не мог. Я ошеломлен, и в то же время на моем лице появляется широкая улыбка.

— Чему ты улыбаешься? — шепчет она подо мной.

— Ты, — отвечаю я ей, отказываясь стереть с лица улыбку. — Ответ всегда будет один — ты.

Она застенчиво смотрит на меня. Я придерживаю кончик презерватива, чтобы убедиться, что он не соскользнет, пока я выхожу из нее. Завязав конец в узелок, я выбрасываю его, прежде чем обратно забраться в постель.

— Господи, я обожаю утренний секс, — говорю я, притягивая ее к себе.

Она так незащищена и уязвима после оргазма, что тает в моих руках, словно пластилин. Я крепко обнимаю ее, чувствуя свой остывающий пот на ее коже. Несмотря на все мои намерения встать и заняться завтраком, нега, появляющаяся после секса, слишком заманчива, чтобы сдвинуться с места.

На границе сна и реальности я чувствую, как кончики ее пальцев бегут по моим рукам, исследуя контур татуировок.

— Знаешь, — говорит она тихо, — я ни разу не слышала, что за история стоит за этими цитатами. Она вообще есть? Помню, они так внезапно появились у тебя, один день — их нет, следующий — они украшают твою кожу.

Я улыбаюсь. Все знают, что я люблю Чарльза Буковски, так что мне не задавали вопросов о цитатах, которые я выбрал, когда семь лет назад сделал татуировки. Все просто решили, что мне они понравились.

Так оно и было. Но за ними стоит намного, намного больше, и Стеф единственная, кто захотел узнать все подробности.

Я читаю текст на левой руке: «Она безумна, но волшебна. В ее огне нет лжи». Затем на правой: «Свободная душа — это редкость, но ты узнаешь её, если встретишь...», — и хотя это все, что поместилось на моей руке, я продолжаю цитату вслух, — «...главным образом потому, что рядом с ней ты почувствуешь себя хорошо, очень хорошо».

Она согласно кивает.

— Красивые слова, написанные пьянчугой.

— Пьянчуги всегда пишут лучшие стихи.

— Итак, это твои любимые строки, что дальше?

Я прижимаю губы к ее лбу.

— Моя дорогая Мальвинка. Обе эти цитаты о тебе, — я замираю, а она выглядит чертовски шокированной. — Видишь, я тоже поэт.

— Обо мне? — переспрашивает она. Выражение ее лица просто непередаваемо. Я никогда не собирался рассказывать ей правду, но теперь, сказав это, я чувствую себя невероятно свободным. Прямо, как ее душа.

— О тебе, — отвечаю я. — Как я и говорил, ты уже давно околдовала меня.

Закусив губу, она говорит, — Думаю, мне больше нравилось, когда ты вел себя сентиментально.

Но я вижу по её глазам, что это как ни что другое объясняет ей мои чувства.

— Оставь свою душу прямо здесь, — говорю я и прижимаю ее к себе. Через несколько мгновений мы забываемся сном. Я знаю, что засыпаю с улыбкой.

Проснувшись через пару часов, мы приняли душ (что, как ни секс в душе, заряжает позитивом на весь предстоящий день?) и, наконец, занялись завтраком.

Точнее, я занялся. Я решил приготовить для Стеф омлет на трюфельном масле. Поверьте, это восхитительно. Шутливо отсалютовав, я поставил перед ней тарелку и вернулся к кофе-машине, чтобы сделать свежий эспрессо.

— Она, должно быть, стоит бешеных денег, — говорит Стефани, смотря на блестящий агрегат. Она делает глоток кофе и блаженно вздыхает. — На вкус обалденно.

Кофе-машина вообще-то была подарком от родителей. Они имеют странную

склонность без предупреждений одаривать меня различными вещами. Эта, кстати, была передана со словами: «Вот, она стоит очень дорого. Надеюсь, это скрасит тот факт, что за прошедший год мы ни разу тебе не звонили». Ну, знаете, и все в таком духе.

— Да, стоит, — отвечаю я. — Надеюсь, эта машина еще подсобит мне в будущем. Кажется, вот сработала.

Она щурится, игриво глядя на меня.

— Свинья ты.

— Ты уже так называла меня раньше.

— Ну, если ноге подходит туфелька...

— Свиньи не носят туфельки.

— Носят, в мультиках, — заверяет меня Стеф. Она пробует омлет и закрывает глаза. Ее лицо становится почти таким же, как в момент оргазма. — О, боже. Лучшие яйца, что я когда-либо пробовала.

— Только лучшее от лучшего, — говорю я.

— Только не говори, что ты лично их откладывал.

— Могу сказать, что я лично туда добавил.

Она смотрит в потолок и качает головой.

— Похоже на мягкий сыр.

Я надеялся, что она не так быстро сообразит.

Покончив с едой, мы усаживаемся на диван. Прямо как в старые добрые времена, но в этот раз я могу усадить ее себе на колени и приставать к ней, вместо того, чтобы сидеть в другом конце дивана. Не знаю, каков рекорд по количеству секса на одного человека в день, но эта женщина точно меня доконает.

Когда она снова кончает вместе со мной, мы переключаем каналы, не ища ничего конкретного. Воскресенье, ничего интересного.

— Забавно, но именно в воскресенье, когда ты реально дома и смотришь телевизор, ничего не показывают.

Она пожимает плечами.

— Возможно. Если честно, я уже и не знаю, что такое обычное воскресенье.

— Теперь ты их определенно полюбишь.

— Да, — отвечает она с дерзкой улыбкой на губах, — теперь полюблю.

— Вот и умница.

— Нет, подожди, по воскресеньям я езжу в Петалуму повидать маму. Или занимаюсь магазином. Я до сих пор чувствую себя виноватой из-за того, что закрыла его на прошлый уикенд.

— Не пойми меня неправильно, — говорю я ей, — но я бы предпочел, чтобы ты чувствовала себя виноватой из-за закрытия магазина, а не из-за того, что между нами произошло.

Ее лицо слегка смягчается.

— О. Нет, Линден. Я не чувствую вины насчет нас. Это же был просто вызов.

— Но это не так.

— Для всех остальных — так. Мне жаль, что понадобилось столько времени, ну не знаю, чтобы решиться, наконец. И, конечно, мне ужасно стыдно, что я обманывала Арона.

Я сажусь прямее. — Но ты не обманывала его. Вы были вместе, потому что он тебе нравился.

Она кивает. — Ты прав. Это так. Но, в конце концов, думаю, я сделала правильный выбор. Для него так будет лучше, он счастлив и без меня. А мне хорошо с тобой. Но, я имею в виду, я все еще чувствую себя неловко из-за всего этого. Разве с Надин не так?

Тьфу. Можно долго игнорировать собственное дерьмо, но как только вам напоминают о нем это задевает каждый чертов раз.

— Да, мне неловко перед ней, — говорю я. — Знаю, что повел себя крайне эгоистично, но я безумно хотел тебя, Стеф, и это все, о чем я мог думать. Что мне оставалось делать? Ведь я понимал, что чувствую к тебе... Я знал, что не смогу больше быть с ней. Не смогу жить во лжи. Долгое время мне удавалось отрицать очевидное, но как только я осознал это, то понял, что должен прекратить все немедленно. Я знаю много людей, которые остаются в отношениях, потому что это удобно, или потому что они боятся выглядеть плохими, или им просто лень что-то изменить. Но в тот момент я все понял. Это неправильно по отношению к Надин. Она может ненавидеть меня за все, что угодно, уверен, она так и сделает, но она бы возненавидела меня еще больше, если бы я остался с ней лишь из чувства долга, а не по собственному желанию.

— Ты не должен ничего объяснять мне, — говорит Стеф. — Я понимаю. Я сама прошла через это.

Я вздыхаю, чувствуя, как меня охватывают сотни противоречивых эмоций.

— Знаю. Я прекрасно понимаю, что множество людей осудят меня, но поверь, от этого не легче.

— Потому что они не понимают. Со стороны это действительно не очень.

— Но это не так. Как что-то связанное с тобой может быть неправильно или плохо?

— Потому что другие люди не знают меня, они и тебя по-настоящему не знают. Некоторые живут в отрицании. Некоторые думают, что это великодушный способ разрешить ситуацию. Но ты не некоторые. Ты даже не большинство, Линден. Ты это ты. И я должна сказать, что мне не на что жаловаться.

Так чертовски приятно иметь кого-то, кто прикроет тебе спину.

— Знаешь, что я собираюсь сделать с тобой сегодня?

Она поджигает губы.

— Не знаю. Я думаю, что ты уже сделал более, чем достаточно для меня.

— Я подниму тебя к небу.

— Небу?

Я киваю.

— Вертолет. Я. Ты. Сейчас.

— Хорошо, ковбой. Помнишь, как в последний раз ты пытался взять меня прокатиться?

Я киваю.

— Да. Но это было давно, в этот раз все будет по-другому. Я знаю парня, который позволит мне взять его вертолет на час или два.

Она фыркает.

— Ты знаешь парня, — повторяет она медленнее — у которого есть вертолет и который вот так просто даст его тебе.

— Да. Его зовут Дэрил.

Она смотрит на меня несколько секунд, а затем пожимает плечами.

— Ладно.

Это правда, я знаю парня по имени Дэрил, у которого есть вертолет. Я не совсем уверен,

что он позволит мне его взять, но в последнее время я сильно помог ему, летая с фотографами, когда он был слишком занят, и думаю, мы как-нибудь утрясем этот вопрос.

Извинившись, я иду в спальню, чтобы позвонить ему. Десять минут спустя, после того как я пообещал ему бесплатно поработать на выходных, Дэрил сказал, что вертолет в моем распоряжении.

Через час мы уже были в Сан-Рафаэле, готовясь к взлету.

Стефани выглядела очень милой в гигантских вертолетных наушниках. Я надел свои авиаторы и впервые за долгое время почувствовал себя прекрасно. Наверно, вы думаете, что летать на вертолете — одно из самых крутых и интересных занятий в мире. Это действительно так. Но когда вы проводите в полете почти каждый день в году, это становится просто работой. Полагаю, пилоты коммерческих авиалиний чувствуют то же самое.

Пока мы поднимаемся вверх, я смотрю на сидящую рядом Стефани, и словно вижу все её глазами. Я волнуюсь, как в первый раз. Да, она несколько раз до этого уже летала со мной, но сегодня все совершенно иначе. Сегодня есть только мы. И это заставляет меня чувствовать себя просто фантастически.

Кстати о фантастике...

После того, как мы покружили над Поинт-Рейес, я направил вертолет в сторону Мендосино, чтобы показать ей, где мы провели минувшие выходные. В тот момент, когда мы оказываемся над побережьем, я многозначительно смотрю на нее и расстегиваю ширинку.

— Линден, — говорит она в микрофон, — что ты делаешь?

— С&С, детка, — отвечаю я с широкой улыбкой, — Я тебе говорил, что однажды этот день настанет.

— Ты серьезно?

Я киваю, но в тот момент, когда она кладет руку на мой член, очерчивая его контур через джинсы, я понимаю, что без авиакатастрофы точно не обойдется.

Стиснув зубы от невероятного напряжения в районе паха, я чудом нахожу в себе силы и говорю, — Знаешь, если задуматься...

Она улыбается мне и убирает руку.

— Так я и думала.

— Твой язык угрожает лишить меня остатков самообладания, — говорю я ей. Она продолжает улыбаться, явно довольная собой. Но когда я сажаю вертолет на площадку Дэрила, страх разбиться отступает на второй план. Вокруг никого, и я знаю, что это не займет много времени.

— Залезай на заднее сиденье, — говорю я под шум затихающих роторов.

Она окидывает меня недоверчивым взглядом, но, черт побери, все равно послушно лезет назад.

Я уже на пределе. Как только мы оказываемся сзади, она подползает ко мне, виляя бедрами и поглаживая меня сквозь джинсы. Мой стояк не ослаб ни на йоту во время полета и нашей быстротечной посадки. Когда я тянусь, чтобы снова расстегнуть ширинку, она бьет меня по рукам и смотрит мне в глаза с порочной ухмылкой.

— Не стоит, — говорит она. — Я хочу сама увидеть, как сильно смогу тебя завести.

— Ох, Мальвинка, ты уже завела меня. Просто невыносимо, я скоро с ума сойду от этой пытки.

— Хорошо, — говорит она, сжимая меня сильнее. Мой член рвется на свободу, желая

большого. Она проводит вдоль всей его длины, надавливая в нужных местах. — Я чувствую, какой ты горячий.

— Ты почувствуешь это еще лучше, если возьмешь меня в рот.

Спустя целую вечность, она медленно расстегивает молнию на джинсах и вытягивает меня из плена. Мой член тверже камня и даже слегка потемнел от усилившегося кровотока. Она улыбается, глядя на выступившую предсеменную жидкость, и использует ее, как лубрикант, смазывая меня по всей длине.

Я задыхаюсь, чувствуя себя словно школьник. Адреналин буквально зашкаливает. Весь полет я только и делал, что сдерживал себя, и если я сейчас почувствую ее теплый влажный ротик, то уверен, что тут же кончу. И скорее всего мне даже не будет стыдно.

— Я не хочу кончить тебе в глаз или еще куда-то, — предупреждаю я ее, — так что если ты собираешься сделать что-то, то делай это сейчас.

— У тебя идеальный член, — говорит она, откидываясь назад и закрывая глаза. Мое тело напрягается, пока я пытаюсь совладать с собой. — Я могла бы написать о нем песню.

— Не могла бы ты писать ее и сосать одновременно?

Но тут я чувствую, как ее губы охватывают головку, и я оказываюсь во власти ее влажного и чертовски сладкого ротика.

До боли сжав сидение вертолета, я кончаю, прежде чем она успевает взять меня полностью несколько раз.

— Блять, блять, детка, как же хорошо, — шиплю я себе под нос.

Она отстраняется и глотает, после чего улыбается.

— Считай это платой за то, что прокатил меня на вертолете, — говорит она.

Я издаю стон, пытаюсь сесть, но мой член все еще пульсирует.

— Возьму на заметку. При любой возможности брать Стефани с собой в полет.

Она медленно вытирает свой рот.

— Вообще-то, тебе не обязательно брать меня куда-то для этого.

— Когда я успел стать таким везучим?

— Когда решил принять тот вызов.

Я улыбаюсь ей.

— Это было лучшее решение в моей жизни.

После полета я везу Стеф домой. Высадив ее около дома, я чувствую радость с привкусом горечи. С одной стороны, у нас только что было первое, чертовски фантастическое свидание, но с другой, теперь я не увижу ее некоторое время.

— Жаль, что тебе приходится так много работать, — говорю я ей, пока джип тихо мурлычет на обочине.

— Ну, ты тоже работаешь, — отвечает она. Я вздыхаю про себя. Да. Я работаю. С Надин. Ничего веселого.

— Но я летаю несколько часов в день. Иногда больше, но ты надрываешься изо дня в день со своим магазином. Я беспокоюсь о тебе, Мальвинка.

Она мило улыбается.

— Не волнуйся. Сейчас есть определенные трудности, но все наладится. Мне просто нужен хороший помощник.

— Ты когда-нибудь думала об открытии интернет-магазина? С этим было бы меньше проблем.

Она кивает.

— Да, думала. Но это все в новинку для меня, не знаю, справлюсь ли я.

— Ну, если тебе когда-нибудь понадобится помощь, я рядом.

— Спасибо.

— Я серьезно. И дело не только в деньгах, ну знаешь, если тебе вдруг потребуется кредит или что-то еще. Просто... Как вариант, я бы помог тебе все спланировать. Да что угодно, лишь бы воплотить все твои мечты. Знай, я всегда с тобой.

Одарив меня мимолетной улыбкой, Стеф отвечает, — Спасибо, Линден, — после чего нежно целует меня и выпрыгивает из машины. — Я позвоню тебе завтра, — говорит она на прощание.

— Не забудь, — добавляю я, после чего она закрывает дверь и уходит. Дерьмо, мне нравится смотреть, как она удаляется. Я жду, пока она не окажется в безопасности своего дома, а потом уезжаю.

Это был лучший день в моей жизни.

СТЕФАНИ

Прошло уже три недели с тех пор, как я и Линден переспали.

Наверное, это были лучшие три недели в моей жизни. Даже несмотря на небольшой спад в бизнесе из-за дерьмовой ноябрьской погоды, я не могла выкинуть его из головы.

Линден — это всё, о чём я могла думать.

Конечно, я каждый день хожу на работу и каждый день пытаюсь кого-то нанять. Должна сказать, что проводить собеседования — одно из самых тяжёлых в мире занятий. А я наивно думала, что это будет легко, и если у человека прекрасное резюме, он будет хорошим работником.

Но когда ты приглашаешь их на собеседование, то понимаешь, что большинство людей с безупречным резюме полные придурки. Как-то девушка сказала мне, что хочет работать здесь, потому что любит вещи и шоппинг, а работа в магазине позволит совмещать и то и другое. А один парень признался, что крал вещи на прошлой работе, но сейчас это «пройденный этап» и мне не о чем беспокоиться.

Все это немного утомляет. И скрывать наши новые, э-э-э, отношения тоже довольно трудно.

Иногда я задаюсь вопросом: правильно ли то, что мы делаем? Я постоянно чувствую себя виноватой. Мне приходится врать Джеймсу, и пусть это безобидная ложь о том, как я провела вечер, но это загоняет меня в тупик. Я не люблю врать своим друзьям.

Но должна признаться, мне нравится спать с Линденом.

На самом деле, всё это усложняет, поднимая на новый, серьезный уровень. И когда я говорю, что Линден — всё очень я думаю, это чистая правда.

Иногда мне кажется, что то, что мы делаем — это пустая трата времени, и, наверное, так оно и есть. Но в то же время все еще никогда не было настолько простым. Трахаться с ним так же естественно, как спать или есть. Я никогда не чувствовала себя с кем-то на столько физически совместимой.

Наверное, я просто не хочу признаться в первую очередь самой себе, что то, что происходит между нами, намного больше, чем просто секс, как бы я этому не противилась. Мы не друзья с дополнительными возможностями, мы друзья с чем-то, о чём люди умирают, так и не узнав. Порой мне хочется сказать, что мы занимаемся любовью, потому что на равне с грубым и властным Линден может быть невероятно нежным и ласковым. Его близость вызывает во мне трепет, независимо от того, чем мы занимаемся.

Конечно, я всегда любила Линдена, как люблю всех своих друзей. Но эта любовь превращается во что-то иное, что-то глубокое и светлое. Это словно её другая сторона, которая с каждым днём открывает мне что-то новое. Это как открыть подарок на рождество, о котором ты так мечтал, и обнаружить, что под слоями подарочной бумаги скрывается нечто большее.

И дело не только в сексе. В последние дни моё сердце словно губка, оно готово впитывать, впитывать и впитывать, пока все мои чувства не просочатся в кровь, разнося по моему телу небывалое удовольствие.

Линден — это мои мысли, мой воздух, моя почва под ногами. Линден начинает быть

для меня большим, чем просто всё.

Некоторые могут назвать это сумасшествием, но я считаю, это называется влюблённостью.

Возможно, немного безумной.

Озарение.

Вот что заставляет меня быть собой.

Во второй половине дня, когда я уже заканчиваю собеседование с девушкой, которая, на первый взгляд, кажется довольно застенчивой для продавца, я слышу стук в дверь. Перед собеседованием я повесила вывеску "ЗАКРЫТО", поэтому я сразу понимаю, кто стучится.

Появление Линдена становится настоящим сюрпризом. Он должен был провести в полете весь день, чтобы добраться до огромного ранчо на юге, используя по максимуму короткие дневные часы.

Я никак не ожидала увидеть его до вечера. Он что-то говорил о том, чтобы взять меня в дорогой ресторан где-нибудь в моём районе, где показывают классические фильмы.

Я машу ему рукой и не могу сдержать улыбки. Надеюсь, я выгляжу и пахну хорошо, но уже слишком поздно это проверять.

Девушка, которая только что проходила у меня собеседование, смотрит на него кокетливым взглядом. Отстань, дорогуша, ты еще не получила работу.

Мы идём к двери, и я говорю ей, что перезвоню позже. Знаю, это не совсем то, что она хотела услышать, но я не могу сосредоточиться на ком-то, кроме мужчины за дверью.

Боже, почему он всегда такой красивый.

Я открываю дверь и приглашаю его зайти.

— Какой приятный сюрприз, — говорю я, в то время как девушка с собеседования проходит мимо нас. Он даже не смотрит в её сторону, и я ценю это, учитывая его репутацию. Его взгляд сосредоточен на мне.

— Привет, детка, — напевает он и кладёт руки по обе стороны от моего лица.

Они холодные, и это немного отрезвляет меня. Я стараюсь привыкнуть к тому, что в последнее время он называет меня деткой чаще, чем Мальвинкой.

Он наклоняется и целует меня, наши языки начинают медленный и страстный танец, от чего по венам разносится сладкий жар.

Мои колени слабеют, и я рада, что он держит меня. Не думала, что одним поцелуем можно сотворить такое.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, когда он прерывает поцелуй и, обняв меня за талию, прижимает к себе.

— Я свалил пораньше, — говорит он с хищным блеском в глазах. — чтобы завалить тебя снова.

Я поднимаю бровь в ответ на его каламбур, в то время как он оставляет лёгкие укусы на моей шеи, подбираясь к сладкому местечку за ухом, от чего я превращаюсь в мокрое пятно на ковре.

— Я когда-нибудь говорил тебе о своей фантазии трахнуть тебя в этом магазине?

— Нет, не говорил, — отвечаю я, удивившись такому повороту событий. Я удивлена, но определённо заинтригована.

В ответ он тихо рычит и, подняв юбку, сжимает мою задницу.

— О, я смотрю ты сегодня плохая девочка? — спрашивает он, поглаживая обнажённую кожу вокруг стрингов.

Затем он шлепает меня. Сильно.

Я подпрыгиваю от резкого удара, но он удерживает меня на месте, улыбаясь, в то время как кожа на заднице начинает гореть.

— Больно, — хныкаю я, стараясь не быть похожей на ребёнка.

— Ты права, лучше было поцеловать, — говорит он, и теперь я точно знаю, что он не отступится.

— Притормози! — предупреждаю я, прежде чем он ещё сильнее смутит меня на виду у всех. Я одёргиваю юбку и быстро вырываюсь из его хватки. Затем я выключаю в зале свет, теперь ему точно будет не просто меня поймать.

Когда я оборачиваюсь, он уже стоит со спущенными джинсами. Он улыбается своей фирменной дерзкой ухмылкой, поглаживая твёрдый длинный член.

— Так где ты планировал меня трахнуть? — я смотрю на него из-за прилавка. — Вон там?

Я сдвигаю вешалки с одеждой к окну, чтоб уберечь нас от любопытных глаз с улицы.

— Или здесь?

Я беру в руки его прекрасный член и кладу его в рот.

— Чёрт возьми, детка, — со стоном выдыхает он, немного поддаваясь вперёд. — Только не останавливайся.

Я никогда не останавлиюсь, пока он сам не попросит. Кончиком языка я обвожу вокруг головки.

— Можешь сделать мне одолжение? — шепчет он, задыхаясь.

Я киваю, чуть замедляясь.

— Сожми мои яйца. Совсем чуть-чуть. Мне это нравится.

Чёрт, я седлаю всё, чтобы доставить удовольствие этому мужчине. Кроме того, у него просто потрясающий торс. Работая ртом, я немного тяну за яйца, совсем чуть-чуть, как он и просил.

Стон, вырывающийся из его рта, заводит меня, проникая под кожу, и я начинаю дрожать. Боже, это сводит его с ума так же, как и меня. Я сжимаю сильнее, и он, не выдержав, хватается меня за волосы, что вызывает прилив сладкой боли.

— Ты так прекрасна, детка, — говорит он, его дыхание сбивается, — Боже, как хорошо. Не останавливайся. Не останавливайся.

Так я и делаю. Но через минуту, он отпускает мои волосы и отходит в сторону.

— Хорошо, я погорячился. Остановись. Мне нужно оказать внутри тебя.

Он стягивает с себя джинсы и трусы, а затем поднимает меня с колен, как-то умудряясь при этом снять с меня рубашку.

— Ах, — тихо вскрикиваю я, прикрывая руками обнажённую грудь. Прохожие может и не видели полной картины происходящего, но теперь, когда я стою, стойка с одеждой не так уж и прикрывает меня.

— Кладовка. Отправляйся туда и раздевайся.

Я едва успеваю прикрыть дверь, когда он врывается следом, толкнув меня на стойку с завернутой в защитный полиэтилен одеждой. Вешалки качаются под тяжестью моего веса. Он рывком снимает с себя рубашку, кладёт свои сильные руки мне на бёдра и приподнимает меня. Линден задирает мне юбку, сдвигает в сторону ткань моего нижнего белья, и я обхватываю его ногами за талию.

Когда вещи начинают падать, он крепче хватается меня и кружит по комнате в поисках

опоры, пока моя спина не упирается в коробки. Тяжело дыша, он оставляет след влажных поцелуев от моего рта до груди, дразнит соски, пока те не становятся твердыми. Он слегка кусает их, и я задыхаюсь, а затем он одним движением резко входит в меня. Наши тесты были пройдены ещё две недели назад, и могу сказать, что ничего на этой земле не чувствуется так превосходно, как его член внутри меня.

Он улыбается, его рот приоткрыт, а глаза потемнели.

— Скажи мне, как сильно ты меня хочешь.

— Я хочу тебя, — говорю я, слегка наклоняясь, чтобы он ещё глубже мог войти в меня.

— Насколько сильно?

— Чертовски сильно.

Он кусает меня за другой сосок, а затем с силой втягивает его в рот.

— Чёрт возьми, у тебя лучшая в мире грудь. Идеальная киска, идеальная задница, всё такое идеальное.

Он снова кусает меня за сосок, и я издаю стон, откидывая голову на коробки.

— Прекрати меня дразнить.

— Я просто наслаждаюсь своим временем. А ты ненасытная штучка.

— Ты делаешь меня ненасытной.

Он проводит пальцем по моему клитору и улыбается.

— Грязная, чертовски ненасытная девочка.

Я уже на краю, балансирую на грани между желанием насладиться и желанием отпустить себя. Он знает это. И ему это нравится. Линден наклоняется и дразнит мои губы кончиком языка.

— Дай мне это, — шепчу я, практически умоляя, — как ты можешь.

— Только я могу тебе это дать, — говорит он, затем вздыхает и резко входит в меня на всю длину.

Хоть я и влажная, это было довольно сильно и глубоко. Я вскрикиваю от боли и чувствую то самое тепло и наполненность, которых мне так не хватало.

— Тебе нравится это? — шепчет он, посасывая мою шею и обдавая её своим горячим дыханием.

Я бормочу что-то в ответ, и мои ноги сильнее вжимаются в него, сталкивая коробки одну за другой. Вскоре вся полка начинает трястись. Мои ноги дрожат. Он удерживает меня, всё сильнее и яростнее заполняя каждый дюйм моего тела.

Я обхватываю его за спину, чувствуя, как пульсируют его твёрдые мышцы. Мои каблуки упираются ему в задницу, и я держусь за него изо всех сил.

— Черт, — шипит он сквозь зубы. — Черт. Черт. Черт. Как же приятно чувствовать тебя, детка, как же хорошо.

Он набирает темп, и все исчезает — коробки, ящики, магазин. Есть только он и желание, поглощающее нас без остатка.

Он издаёт отчаянный стон, и я чувствую, что он теряет контроль, пот течёт по его лицу, грудь тяжело вздымается. Он близок.

— Кончай со мной, — рычит он, прожигая меня своим взглядом, — Кончай.

Его большой палец задевает мой клитор, и это оказывается последней каплей. Я кончаю, поддаваясь дикому, неконтролируемому удовольствию, пока моё тело и нервы не оказываются полностью уничтоженными. Разум наполняется взрывами тысячи фейерверков, и я точно знаю, он чувствует то же самое.

Когда он выходит из меня и осторожно опускает на пол, я чувствую себя, как во сне, словно кладовка это большое облако, и я на самом деле не здесь, а где-то в другом месте, но с ним.

Мое сердце бешено стучит у меня в груди, я не чувствую ноги и не в силах открыть глаза. Всё тело сотрясается от волн удовольствия, постепенно они становятся всё меньше и меньше и, наконец, затихают. Вскоре я вспоминаю, что нужно дышать.

Я так безумно счастлива. Я в раю.

Линден это нечто.

— Знаешь, что самое странное? — спрашивает меня Линден, пока я везу нас к мосту "Golden Gate Bridge", направляясь на север, в сторону Петалумы. Несмотря на то, что я очень люблю этот мост, я до смерти его боюсь, поэтому всегда стараюсь ехать в среднем ряду. Мне кажется, что если я посмотрю в сторону залива, то тут же умру от страха.

— Что? — спрашиваю я.

— Хорошо, — говорит он, положив ладонь мне на коленку. Он поглаживает большим пальцем вверх-вниз по моей коже до тех пор, пока я не покрывается мурашками — Странно то, что я никогда не встречался с твоим отцом, учитывая то, сколько мы знаем друг друга.

Он прав. Линден познакомился только с моей мамой в день открытия магазина. Конечно, мой отец не смог приехать. Кроме моего выпускного вечера и открытия магазина у них не было возможности познакомиться — но всё меняется, когда дело касается моего отца.

Стоило Линдену спросить меня о нем, я тут же начала нервничать. Это ещё одна из причин, по которой я пригласила Линдена. Мне нужна небольшая подстраховка. Тот факт, что мой отец вернулся к маме, но на самом деле еще не переехал обратно, немного усложняет ситуацию, и я не знаю, что будет дальше. Линден будет моим спасательным кругом.

Вторая причина, по которой он едет со мной, столь же эгоистична, как и первая. Я хочу похвастаться Линденом. Я хочу, чтобы он произвёл впечатление на моих родителей. Разве может быть иначе? Он красивый, успешный и безумно очаровательный (по крайней мере, я считаю его успешным, ведь он построил карьеру пилота вертолёта сам, без помощи родителей).

Мне важно, чтобы родители одобрили мой выбор. Знаю, это глупо, но когда Никола, Кайла, Пенни и Джеймс порой плохо отзываются о Линдене в моем присутствии, а я вынуждена молчать, мне нужен кто-то, кто скажет, что я сделала правильный выбор. Я хочу знать, какое мы и наши отношения производим впечатление на других людей.

— Так получилось, — говорю я, — в тот момент, когда вы могли встретиться, всегда что-то шло не так.

— Думаю, ты могла бы сказать то же самое и о нас.

— Что ты имеешь в виду?

Он пожимает плечами и проводит рукой по своим густым волосам.

— То время, когда ты была одна, а я с кем-то другим, или я был один, а ты с кем-то встречалась.

— Насколько я помню, были и те пару лет, когда мы оба были одни, — напоминаю я.

— Я знаю. Я очень хорошо помню это время. Мне потребовалось много усилий, чтобы не подойти к тебе и не сказать, что я на самом деле чувствую.

Всё это время. Всё это время.

— Почему ты не сделал это?

Он молчит несколько секунд, а затем говорит, — Джеймс. Я думаю, все дело в нем. Знаешь, иногда мне кажется, не будь я его лучшим другом, парень бы возненавидел меня.

— Возненавидел тебя? — повторяю я.

— Да, — он смотрит на меня с явным беспокойством. — С тех пор, как мы встретились, он то и дело на меня обижался. Может я все придумал. Вероятно, так оно и есть. Но он всегда не понимал, как я получал все, что хотел, не прилагая особых усилий, и что главное, никогда не ценил этого.

Думаю, я понимаю, о чём говорит Линден.

— Но ты упорно работал. Ты приложил немало усилий, чтобы добиться того, что сейчас у тебя есть. Твои родители даже не помогали тебе.

Он искоса смотрит на меня.

— Нет, но они платили за мое образование и квартиру. Мне нужно было бы работать, и тогда, добиться всего этого было бы намного сложнее. Я имею в виду, что мне действительно везло в некоторых ситуациях, но где-то всё складывалось далеко не в мою пользу. Но Джеймс всё видит с другой стороны. Он рос в семье, где алкоголь определял очень многое, но ведь и я тоже. То, что у моих родителей были деньги, вовсе не означает, что моя жизнь была лучше. Когда ты ребёнок, тебя не заботит всё это дерьмо. Ты просто хочешь любви.

Моё сердце сжимается. Я знаю, Линдену было непросто расти в такой семье, но родителей не выбирают. Я также знаю, что дела в семье Джеймса обстояли намного хуже. Я до сих пор не в курсе всех подробностей, но я знаю, что они жили в бедности, у Джеймса было тяжелое детство в Окленде с бездельником папашей, который пил, и мамой, державшей на своих плечах всю семью. И не раз слышала, как Джеймс говорит, что Линден родился с серебряной ложкой во рту.

— Что ж, тогда он, скорее всего, просто завидует тебе, — говорю я.

— Да, вероятно он считает, что именно так я и думаю, — говорит он. — Знаешь... Джеймс и я, мы никогда не говорили об этом. Мы никогда не разговаривали вот так, как мы с тобой сейчас. Ты знаешь меня намного лучше, чем он, Мальвинка.

— И я знаю, что тебе не все просто даётся.

— Но пока дела у Джеймса хуже, чем у меня, и между нами вражда, я всегда буду прожигателем жизни в его глазах. Думаю, Джеймс до сих пор злится из-за этого. И именно поэтому я так долго держался от тебя подальше.

Мой живот скручивает при одном упоминание о его чувствах. Я хочу, чтобы он больше рассказал мне об этом, но я не стану давить. Я не хочу быть назойливой и надоедливой девушкой, когда я даже не являюсь его девушкой.

Линден смотрит на меня:

— Я не хочу, чтобы он думал, что я забрал тебя у него. Просто было время, когда...

— Что?

Он качает головой.

— Ничего. Я просто думал, что если начну добиваться тебя, то буду слишком часто наступать ему на пятки, и тогда ссоры уже не избежать. И к тому же я не знал, что ты

чувствуешь. Я думал, что я для тебя лишь друг и ничего больше, — он замолкает на секунду, добавив, — по большей части.

— По большей части?

Он усмехается.

— Да, я часто замечал, как ты смотришь на меня.

— О нет, не было такого!

Мое лицо краснеет.

— Уверен, что было. Но и ты часто ловила на себе мой взгляд, и бьюсь об заклад, тебе это нравилось. Очень.

— Неважно.

— Ты знаешь, что это правда. Но даже тогда я не стал бы рисковать нашей дружбой.

— Тогда что изменилось сейчас?

Он молча кусает губы.

— Думаю, я отрастил пару яиц.

— Рада за тебя, — говорю я, потянувшись к его ширинке, — Ты знаешь, как я люблю твои яйца.

Час спустя мы останавливаемся на подъездной дорожке у дома моих родителей. Я замираю, крепче вцепившись в руль.

— Ты... нервничаешь? — в шоке спрашивает Линден.

Я поворачиваюсь к нему.

— Я не видела своего отца с тех пор, как он ушёл от нас.

— Но он всё ещё твой отец.

— Ты тоже нервничаешь в присутствии своих родителей.

— На это есть причины.

— Ох, ладно, значит, у меня тоже есть свои причины.

Я делаю глубокий вдох и выхожу из машины. Линден делает то же самое. Он обходит машину и сжимает меня в своих крепких объятиях.

— Не волнуйся, — говорит он, прижимаясь щекой к моей макушке, а затем целует меня, — Я с тобой.

И часть моих сомнений разом уходит, словно дождь в землю. Я закрываю глаза и позволяю себе ещё немного понежиться в его объятиях. Он здесь, со мной. Моя скала.

Отпускаю его, и мы идём к двери. Обычно я не стучусь, но сейчас, думаю, это стоит сделать.

Дверь открывается, и на пороге стоит мой отец. И вдруг я забываю, что мне тридцать, мне кажется, что я тринадцатилетний подросток. Он выглядит также, высокий, загорелый, тёмно-карие глаза и властные манеры.

Но когда он видит меня, то улыбается и превращается из пугающего подозрительного отца в кого-то, кто действительно рад меня видеть.

— Моя маленькая девочка, — говорит он и выходит на крыльцо, чтобы обнять меня. Он держит меня в своих объятиях, кажется, целую вечность, и, думаю, Линдену становится немного неловко.

Наконец, он отстраняется и смотрит на меня сверху вниз.

— Ты прекрасно выглядишь.

Он поворачивается к Линдену и протягивает ему свою руку.

— Вы, должно быть, Линден. Я много слышал о вас.

— Надеюсь, только хорошее, — говорит Линден. Классический ответ.

— Она говорила, что вы пилот, — отвечает папа, и его глаза на мгновение загораются огнем, затем он опускает голову и смотрит вниз. — Ладно, проходите уже, а то мы все тут замерзнем.

Как только мой папа поворачивается и заходит внутрь, Линден награждает меня пытливым взглядом. Я знаю, ему интересно, и чувствую себя полной идиоткой, потому что просто забыла. Да, я забыла, что самолеты одно из увлечений моего отца и Нейта. Когда Нейт был ещё совсем маленький, папа брал его в аэропорт, смотреть, как взлетают самолёты. Позже у Нейта появился дистанционный вертолёт, и действительно было здорово управлять им.

Но потом его болезнь перешла в наступление, и мы всё реже стали доставать вертолёт, а в аэропорты он и вовсе почти перестал ездить. Нет, мой отец не хотел, чтобы Нейт стал пилотом, да и Нейт долго не мог определиться с выбором, ему много чего нравилось.

Думаю, именно это его огорчало больше всего. Нейт никогда не думал о себе, как о больном, даже когда ему стало совсем плохо. Он обладал поразительным оптимизмом и верил, что всё наладится. Он действительно думал, что будет жить вечно.

— Стефани, — мягко говорит Линден, беря меня за руку, — с тобой всё в порядке?

Я киваю и проглатываю комок в горле.

— Да. Просто кое-что вспомнила.

— Своего брата?

Я снова киваю. Я никогда и ни с кем не говорила об этом, и с Линденом в том числе. Я сама редко думаю о нём. Просто так легче. Когда я вспоминаю Нейта и думаю, каким бы он был сейчас и какой бы была наша жизнь, я впадаю в своеобразный ступор.

Как бы сильно ты не отталкивал и игнорировал её, боль утраты никогда не уйдёт.

Мы заходим в дом, и я сразу чувствую знакомый запах... запах дома. Куда бы ни закинула нас жизнь, место, где мы родились и выросли, всегда будет больше, чем просто крыша над головой.

Мы разуваемся, я беру Линдена за руку и веду в сторону кухни. Там мы находим маму, которая выглядит как всегда потрясающе. Её волосы убраны наверх, поверх платья надет белый фартук, а на ногах лаковые лодочки.

Я говорила, что именно мама привила мне любовь к моде? Чтобы она ни делала — ухаживала за Нейтом или играла со мной в игрушечных лошадок — она всегда была собранной и выглядела потрясающе. Даже сейчас, когда мои родители уже далеко не так молоды (маме скоро стукнет шестьдесят) она выглядит так, словно сошла со страниц Отчаянных Домохозяек.

— Привет, дорогая, — говорит она, затем видит Линдена и широко улыбается, демонстрируя белоснежные зубы. — Привет, Линден. Как добрались? Надеюсь, вы не попали в пробку.

— Отлично, — говорю я, она подходит к нам и вытаскивает стулья.

— Присаживайтесь, — отвечает она, а когда мы не двигаемся с места, добавляет, — Можете пройти в гостиную к отцу. Он только что открыл бутылку виски. Линден, ты шотландец и должно быть ты любишь виски.

— Люблю, — говорит Линден с ещё большим акцентом. За время нашего общения его акцент возымел эффект и на меня.

Моя мама ведёт нас через столовую в гостиную, где отец действительно сидит в своём

кожаном кресле, потягивая тёмный напиток из хайболла (прим. хайболл — специальный стакан для виски). Он кивает в сторону дивана, и мы садимся.

Это немного странно, быть с Линденом на людях. По нашему, ну... соглашению, мы должны держать все в секрете. И теперь, когда мы вместе сидим на диване, я не знаю, что мне делать со своими руками. Мне нужен был Линден ради опоры, и я хочу, чтобы родители одобрили его, но я не знаю, как мы должны вести себя друг с другом. Мы никогда не говорили об этом.

Но Линден сразу же обнимает меня и прижимает ближе к себе. Он всё берёт в свои руки. И у меня нет никаких возражений.

Мой отец удивленно приподнимает одну бровь и смотрит на нас.

— Я что-то пропустил? — спрашивает он.

Да, наверное, это потому, что тебя не было рядом несколько лет, хочу сказать я. Но не говорю. Я здесь не ради этого.

Я чувствую на себе взгляд Линдена. Когда я ничего не говорю, он поворачивается к моему отцу и говорит, — Да. Однажды утром я проснулся и понял, что жизнь слишком коротка, чтобы быть просто друзьями с такой девушкой, как ваша дочь.

Мой отец не выглядит особо впечатленным, он поворачивает голову и кричит в сторону кухни, — Дорогая, ты никогда не говорила мне, что у Стефани и шотландца роман.

— У них нет романа, они просто друзья, — кричит моя мама в ответ.

— Нет. Они определённо не просто друзья.

И как бы в подтверждение Линден кладёт руку мне на колено и крепко сжимает.

Раздается стук каблуков моей мамы, и через несколько секунд она появляется в дверях, уставившись на нас со смесью шока и удивления.

— Хорошо, — говорит она, — Стефани, думаю, нас следовало бы предупредить.

— Зачем? — спрашиваю я, ненавидя то, как люди реагируют на нас.

Она кладет руку на талию.

— Одно дело приготовить ужин для тебя и твоего друга, и другое — для тебя и твоего парня.

— Он не... — говорю я, а затем останавливаюсь. Линден смотрит на меня в ожидании, но я молчу. Я знаю, он не мой парень, но в некотором смысле для меня он намного больше, чем этот жалкий термин. Я облизываю губы и поворачиваюсь к маме, — Мне действительно жаль, что я не предупредила. Но Линден будет счастлив поужинать с нами, что бы ты ни приготовила.

Я слышу его хихиканье и аккуратно толкаю его локтём в живот.

Остальная часть вечера проходит довольно гладко. Мы сидим с отцом и обсуждаем последние новости, а когда разговор заходит о родителях Линдена, начинается большая дискуссия о политике Великобритании и прочем дерьме. Я знаю, Линден ненавидит это. Когда люди узнают, что его отец был послом, они начинают относиться к нему по-другому. Это глупо, потому что я уважаю Линдена за то, что он делает, а не за то, кем являются его родители. Я уважаю его за то, что он старается добиться всего сам, без чьей-либо помощи.

Между тем во время ужина я безуспешно стараюсь понять, что же, чёрт возьми, происходит между моими родителями. Они стараются вести себя как счастливая семья, тогда как на самом деле выглядят как двое несчастных подростков, обращая друг к другу с приторной вежливостью. Должно быть это действительно мило, но часть меня не верит в этот спектакль.

Когда после ужина отец приглашает Линдена выйти на веранду покурить, я благодарна ему за шанс побыть наедине с мамой.

Но прежде чем поговорить с ней, мне приходится пережить допрос с пристрастием.

— И когда же судьба свела вас вместе? — спрашивает она, убирая последнюю тарелку со стола. Моя мама всегда сама убирала и мыла посуду, так что было бесполезно предлагать ей помощь.

— Несколько недель назад, — отвечаю я на её попытку закинуть удочку.

Она складывает руки на груди и прислоняется спиной к барной стойке.

— У тебя с ним всё серьёзно?

Я закатываю глаза.

— Мам, я не знаю.

Она несколько секунд изучает моё лицо.

— Да, ты действительно не знаешь. Почему ты скрывала это от меня?

Я улыбаюсь.

— Я ничего не скрывала от тебя, мама. Это что-то новое. Всё так сложно. Я действительно не знаю, кто мы друг другу на самом деле.

— Вы спите вместе.

— Мама, — предупреждаю я.

— Надеюсь, вы предохраняетесь.

— Мама, — повторяю я, — Пожалуйста. Мне тридцать. Я знаю о таких вещах. Сейчас ты начнёшь говорить мне, что я должна быть осторожна, потому что мальчики думают только об одном.

— Нет, я не хотела говорить тебе этого, — отвечает она, складывая в ящик кухонные полотенца, — потому что я вижу, что для вас это значит намного больше.

Я ничего не говорю, но часть меня радуется, что она заметила это.

— Но, — продолжает она, — я также вижу, как вы осторожны друг с другом. Это хорошо, но не позволяйте, чтобы это встало между вами.

— О чём ты говоришь?

— Я знаю, это довольно сложно, как ты говоришь, переступить черту дружбы и стать любовниками. Но так начинаются самые крепкие отношения.

— Верно. Но они также, как и все, могут закончиться.

— Это правда, — напевает она, — Но дело того стоит. Тем более, вы становитесь всё старше.

— Опять, мам, мне всего лишь тридцать.

— Я знаю, знаю. Прекращай напоминать мне, сколько тебе лет, это заставляет чувствовать себя старше, — она закрывает ящик и вздыхает. — Когда ты молод, ты видишь мир в чёрно-белом цвете. Становясь старше, ты понимаешь, что все в жизни серое. Это касается и любви.

— Сейчас ты говоришь обо мне и Линдене или о себе и папе?

Она улыбается сама себе и это делает её ещё более утончённой.

— Твой отец и я пережили настоящую чёрную полосу. На самом деле, она всегда была чёрной. Если бы не ты и твой брат, в особенности твой брат, мы бы давно развелись. Но мы держались ради вас. Жизнь была не на нашей стороне. Поэтому, когда пришло время, твой отец ушёл от меня.

Я с трудом стараюсь переварить эту информацию. Всё своё детство я думала, что мои

родители безумно любят друг друга, просто потому что они мои родители и так должно быть. Оказывается, я понятия не имела, что происходит на самом деле. Теперь я знаю.

— Я знаю, тебе не просто это понять, — продолжает она, — но ещё труднее все объяснить. Но я знаю, это то, что должно было случиться. Я не могла принять это, потому что скучала по твоему отцу. Потому что я на самом деле любила его. Я игнорировала его, потому что не желала рисковать вновь. Думаю, он тоже не желал делать этого, поэтому так долго и не общался с нами. Но когда в один прекрасный день он позвонил мне, я подумала, что возможно постепенно мы сможем принять его обратно.

— И... это ты называешь постепенно? Поэтому он не живёт здесь?

Она кивает.

— Он приходит ко мне несколько раз в неделю. Мы ходим на свиданья. Это... довольно приятно. И это в новинку для меня. Наши друзья не понимают нас, но это действительно то, что нам нужно. Все в жизни серое. Иногда это происходит с человеком, от которого ты меньше всего ожидал чего-то подобного. Иногда этот человек твой муж. Иногда он, в конце концов, твой лучший друг.

Пока я обдумывала это, возвращаются папа с Линденом. От них пахнет сигарами, и я люблю этот запах. Пока Линден снимает ботинки, папа подходит к маме и с любовью целует её в щёку. Она отмахивается от него фартуком, что-то бормоча о вони в комнате.

Что же, мои мама и папа встречаются. Друг с другом. Это худший сценарий из всех возможных.

На обратном пути в город я по большей части молчу. Потерялась в собственных мыслях. Думаю о том, что возможно я больше не должна осторожничать с Линденом. Может быть, нам стоит серьёзно пересмотреть наше соглашение. А может, мы уже давно отошли от него? Мы делаем это потому что хотим пожениться? Вдруг идея выйти за него замуж, потому что мы пообещали это друг другу несколько лет назад, кажется мне неправильной.

Я хочу Линдена, потому что влюблена в него. И это единственная причина, по которой я могу сделать это.

Всегда наблюдательный Линден выключает радио, и мы слышим лишь гул автомобиля.

— Так что, надеюсь теперь я твой парень, — говорит он.

Я отвечаю ему полуулыбкой.

— Извини. Я не знала, что сказать.

Он хмурится, выражение его лица становится серьёзным.

— Не извиняйся. Я был бы рад быть им.

— Правда?

— Да, — говорит он, — несмотря на то, что это звучит немного по-детски, тебе не кажется?

— Хорошо, думаю, мы могли бы представляться любовниками. Я имею в виду, мы ведь они и есть, правда?

— И на приёмах это будет выглядеть так «Ох, Дживс, не хотели бы вы познакомиться с моей любовницей Стефани»?

Я хихикаю.

— Да, звучит не очень.

— Так что, остановимся на парне?

— Согласна.

— И ты теперь моя девушка, — он берет меня за руку, подносит её к губам и

поочередно целует каждый пальчик. — Но на самом деле ты моё всё. И нет ничего, что могло бы изменить это.

Я очень надеюсь, что это правда.

ЛИНДЕН

— Что, черт возьми, на тебе надето? — спрашивает Стефани, замерев в дверях собственной квартиры.

Она уставилась на меня так, будто я пришелец с другой планеты.

Если бы я им был, то определенно бы был с планеты акул.

Как в «Сан-Хосе Шаркс» (прим. «Сан-Хосе Шаркс» профессиональный хоккейный клуб, играющий в НХЛ).

Я решил, что будет здорово устроить ей свидание-сюрприз, когда она сказала, что никогда не была на игре «Акул». Раньше я почти всегда ходил на хоккей с Джеймсом, думаю, это будет весьма неожиданно.

Но на данный момент она озадачена тем, почему я одет во все голубое и поверх моей головы надет плюшевый талисман «Акул».

— Хоккей! — объявляю я и протягиваю ей билеты. — Мы едем на игру «Акул», Мальвинка.

Она поднимает бровь, все еще глядя меня.

— Я молилась о том, чтобы ты это сказал.

— Пойдем, — говорю я, раскидывая руки в стороны, — развлечемся. Ты всегда хотела пойти.

Она продолжает смотреть на меня. Я вздыхаю и снимаю маску с головы.

— Хорошо, это поможет?

Она улыбается и выходит в коридор, чтобы поцеловать меня. Сегодня ее губы ощущаются особенно мягко, а ее язычок особенно смело. На вкус она невероятно свежая и сладкая, как и на запах.

Одна секунда и я становлюсь твердым.

— Знаешь, с этой акульей головой могло получиться что-то веселое, если ты снизойдешь до ролевых игр.

Она прикусывает нижнюю губу, от чего я шумно выдыхаю.

— Единственное, на что я готова в плане игр — это чтобы ты привязал меня к кровати, — мурлычет она.

Да. Боже, да.

Неожиданно, хоккей кажется мне глупой затеей.

— Знаешь что? Акулы могут подождать. Мы можем посмотреть на их игру в другой день.

Она улыбается и на мгновение кладет свои руки мне на грудь, прежде чем оттолкнуть меня.

— Ни в коем случае, мы едем в «Сан-Хосе», — говорит она, и ее глаза блестят. Стеф поворачивается и идет обратно в квартиру, чтобы захватить сумочку, после чего закрывает за собой дверь и говорит, — Пошли.

У меня вырывается стон разочарования, но это не имеет значения. Мы вернемся к ней позже, и уж тогда я ей точно займусь. Возможно, маска акулы нам еще пригодится.

Я везу нас вниз по шоссе в «Сан-Хосе», обычно эта дорога не занимает много времени,

только если вы не застряли в пробке, как мы. Иногда мне кажется, что весь город съезжается сюда, когда начинается хоккейный сезон. Во время каникул дела обстоят не лучше. Я вспоминаю прошлый День Благодаренья (который я провел со Стефани и ее родителями), мы точно так же застряли в пробке, когда похоже каждый решил, что непременно должен поехать в торговый центр, чтобы закупиться подарками. Люди, Рождество длится, по меньшей мере, три недели, зачем делать все в один день?

За прошедший месяц многое изменилось. Я наконец-то отпустил ситуацию с Надин, и это помогло мне начать по-настоящему наслаждаться счастьем со Стефани. Вообще-то, Надин сама облегчила мне задачу. В конечном итоге она осталась в той квартире, что я снял для нее, но при этом оставила работу секретаря в нашей компании. Не знаю, где именно она сейчас живет или работает, но мой босс сказал, что это правильный шаг для неё, и мне ничего не оставалось, кроме как поверить ему.

Это было тяжелым испытанием, но все закончилось, и я ни на секунду не жалею об этом.

— А помнишь, ты мне рассказывал про С&С? — внезапно спрашивает меня Стефани, пока мы медленно ползем вперед черепашьям шагом. — У тебя хотя бы раз такое было?

Я в шоке смотрю в её сторону. Боже, какая же она все-таки удивительная.

— Да, — отвечаю я.

— Что ж, думаю, это может сделать стояние в пробке более интересным. — Она горячо улыбается мне и кладет руку на мою промежность.

— Прямо сейчас? — я не могу поверить, что даже не сомневаюсь в том, но... — Вокруг нас полно машин.

— Ох, расслабься, там темно, — говорит она. — С моей стороны обочина, водитель позади нас не сможет увидеть то, что мы делаем, так как на багажнике твоего джипа колесо, а тот, кто впереди, видит только твои фары и того, кто находится рядом с тобой... Ну, давай надеяться, что они занимаются своими делами.

Смотрю на машину рядом с нами. Двое мужчин среднего возраста, одетые как Мишки Джерси (прим. Мишки Джерси — профессиональная хоккейная команда, основанная в Бостоне, штат Массачусетс, США), ослы, против которых мы сегодня играем. На самом деле, я даже не против, устроить им шоу.

Она сдавливая меня сильнее, а затем расстегивает ширинку, спуская трусы. Кончик моего члена вырывается на свободу, и я замечаю, что на нем уже блестит капелька смазки.

— Идеальный член, — бормочет она, обхватив меня пальцами, и сильно сжимает.

Бляя. Воздух с шипением покидает мои легкие, я закрываю глаза, но тут же открываю их, прежде чем оказаться в бампере машины перед нами. Слава Богу, у меня хватило ума не обкончаться от страха.

Не уверен, если ли в этом сейчас смысл, но я не собирался её останавливать. За тридцать лет мне никогда не делали минет в движущемся транспорте. Да, бывало я ехал, и кто-то на пассажирском сидении шупал меня, но это было еще в школе.

Тогда думал, что это круто, но это ничто по сравнению с тем, что происходит сейчас.

Стефани поглаживает меня вверх и вниз, уверенно держа в своей руке, после чего она целиком вынимает мой член из трусов, не забыв про яйца. Я напрягаюсь в ожидании.

Сделав немного длиннее ремень безопасности, она наклоняется и берет меня в рот, сжимая яйца в ладони. Я веду войну против век, которые отчаянно хотят закрыться. То, что мы делаем, довольно опасно, но я не хочу ее останавливать.

Я сжимаю руль и первый раз благодарю Господа Бога за то, что купил джип с автоматической коробкой передач. Голова Стефани движется вверх-вниз, я запускаю свободную руку ей в волосы и тяну.

— Ты страстно желаешь этот член, детка, не так ли, — бормочу я, опуская ее голову ниже, пока не чувствую миндалины в ее горле. — Ты любишь сосать его и то ощущение, когда моя сперма скользит вниз по твоему горлу. Да, это моя девочка. Вот так, вот так.

Она продолжает. Губы, язык, её рот и руки работают в унисон, моя сперма и ее слюна — лучшая смазка. Я становлюсь еще тверже, пульсируя от желания освободиться. Все машины вокруг нас останавливаются, и мы застываем среди моря красных огней. Я быстро переключаюсь в режим парковки, прежде чем снять ногу с тормоза.

Это случится сейчас.

— Соси, соси его, детка — говорю я, пытаюсь глотнуть свежего воздуха. — Так, да, хорошая девочка.

Я словно попал под грузовик, только мне хорошо, даже лучше, чем хорошо. Оргазм ударяет в меня жесткими спазмами, из-за которых мои пальцы впиваются в ее голову. Тяжело дыша, я бормочу ругательства себе под нос. По мне прокатывается теплая волна чистейшего удовольствия, и я едва ли чувствовал себя более живым. Никогда прежде секс не приносил мне такого удовольствия.

Вот дерьмо.

Она убирает прочь свой сладкий ротик, оставив влажный след, и засовывает мой отработанный член обратно в штаны.

— Ну, это было весело, — говорит она, вытирая рот тыльной стороной ладони, и смотрит на меня с улыбкой.

Я не могу найти слов и просто киваю. Затор начинает двигаться, и я переключаю свое внимание на дорогу, медленно ползя вперед. Решив убедиться, что мне хватит места, я бросаю взгляд на машину рядом с нами и вспоминаю, что это фанаты Бостонских Мишек.

И, судя по их широко распахнутым ртам, они только что стали свидетелям нашего небольшого шоу.

Я быстро опускаю окно и, высунув средний палец, кричу им «Мишки, отстой!», после чего подрезаю их и быстро вклиниваюсь в поток.

К тому времени, как мы приезжаем на игру, я чувствую необыкновенное воодушевление от пережитого адреналина и Стефани. Я ограничиваюсь одним пивом, но покупаю ей вина по заоблачной цене, и мы болтаем про «Акул» вплоть до третьего тайма. Она даже не против, когда я одеваю шляпу в виде акулы и пускаюсь в пляс после каждой забитой шайбы.

На самом деле, иногда она смотрит на меня так, я не могу описать как именно, но это заставляет мое сердце биться сильнее. Я чувствую тепло, которое согревает меня до костей, и его эпицентр — в моей груди. Я хочу поймать её взгляд и удержать его навсегда, чтобы в холодный, пасмурный день чувствовать себя таким же живым, как сейчас.

Иногда, задаюсь вопросом, люблю ли я ее.

И не знаю, как долго я смогу притворяться, что это не так.

Сразу после начала третьего тайма, начинается эта проклятая «Камера Поцелуев» под рекламой «Dentyne» (прим. «Dentyne» — марка жевательной резинки), и после того, как две пары неловко отказываются, камера останавливается на нас.

Ага. Наши лица появляются на огромном экране, который видят все болельщики.

Я пожимаю плечами и смотрю на Стефани. Она застенчиво улыбается мне, стараясь не

смотреть в сторону камеры. Я кладу руки по обе стороны от ее лица и страстно целую ее. Мол, я действительно сделал это. Если вы хотите что-то сделать, сделайте это хорошо.

Несколько человек около нас аплодируют и свистят, но потом все вновь переключаются на игру.

Вечером того же дня, после того, как Акулы побили Мишек в овертайме, мы едем к ней и падаем на кровать. Мне больше не хочется ничего обсуждать и меня это не волнует. Все, что я хочу — быть внутри нее, чувствовать каждый сантиметр ее мягкого, теплого тела. Мы это мы, какая разница, какие чувства мы испытываем друг к другу, когда нам так хорошо. Чертовски хорошо.

— Думаю, я теряю себя, — шепчу я после того, как мы возвращаемся к реальности. Наши обнаженные тела тесно переплетаются, я держу её за руку. Мое горло сжимается, когда я пытаюсь снова заговорить.

— Каждый раз, когда внутри тебя или просто рядом с тобой, я все больше теряю себя.

Я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на нее. Она смотрит на меня огромными, влажными глазами, в которых я замечаю то, чего так отчаянно желал все это время.

— Боюсь, что рассыплюсь на части и тебе придется собирать меня по кусочкам, — говорю я ей, — Пожалуйста, будь нежной со мной.

Не знаю, почему я думал, что она посмеется над моими словами, но она этого не делает. Быть может, потому что это правда, и она это знает. Она протягивает руку и исследует мои губы кончиками пальцев. Они пахнут сексом. Они пахнут раем.

— Линден, — хрипло говорит она, — Пожалуйста, будь со мной нежен.

В груди что-то щелкает, и это чувство вырывается на свободу.

Я люблю ее.

Черт возьми, я так сильно ее люблю.

— Обещаю, — говорю я и прижимаю её к себе. Я считаю удары ее сердца, прежде чем мы оба засыпаем. В моих снах нет ничего кроме тепла и света.

Следующим утром я подвожу Стефани до работы. Я знаю, что-то изменилось в наших отношениях, вскрыт еще один слой. Воздух между нами пропитан нежностью, она сквозит в каждом взгляде, в каждом прикосновении. Это заставляет чувствовать себя более уязвимым, чем хотелось.

Я иду в тренажерный зал и провожу несколько часов, разрабатывая мышцы на ногах и руках перед завтрашним полетом. Закончив, я еду в «Лев», чтобы немного прийти в себя и выпить пинту пива.

Джеймс и Пенни оба здесь. Я рад видеть Пенни, не знаю почему. Я практически не разговаривал с Джеймсом последние пару недель, точнее, со Дня Благодарения. Я не появлялся в баре, потому что не хотел вылезать из постели Стеф.

Должен признаться, я чувствую себя виноватым. Я просто откладывал неизбежное, боясь оказаться в неловкой ситуации. Не хочу, чтобы мои отношения с Джеймсом изменились. Но это так, и я не могу быть единственным, кто это чувствует. Теперь то, что я тайно сплю со Стефани уже почти шесть недель, кажется мне неправильным. Это ощущается как ложь, будто я специально обманываю Джеймса, и это не хорошо.

— Посмотрите, кто пришел — говорит Пенни, когда захожу в бар. Она сидит за стойкой, на своем обычном месте. Я поддвигаю стул и сажусь рядом с ней, поймав взгляд Джеймса,

пока тот обслуживает клиента. Он кивает мне, но не улыбается. Вообще-то, он выглядит немного раздраженным. Я очень надеюсь, что это связано не со мной.

— Привет, сладкий кексик, — говорю я ей.

— Сладкий кексик?

Я пожимаю плечами.

— Почему бы и нет? Что плохого в сладком кексике?

Она поджигает свои красные губы и смотрит на меня сквозь очки.

— Зависит от того, на диете ты или нет. Где ты был, незнакомец?

— Повсюду, — говорю я уклончиво. — Как ты себя чувствуешь?

— Не достаточно пьяной.

— Ну, сейчас всего лишь пять по полудню.

— Ты шотландец, кто ты такой, чтобы говорить мне такое?

— Хороший вопрос. Пожалуй, мне тоже следует начать.

Я жду, пока у Джеймса появится свободная минутка, и машу ему рукой.

— Привет, тупая башка, — говорю я

Он смотрит на меня, не моргая. — Тупая башка?

— Меня он назвал сладким кексиком, — бормочет Пенни в свой бокал.

Я хмурюсь, глядя на него в ответ.

— Не говори мне, что ты обиделся.

— Не знаю, мужик, я не видел тебя целую вечность. Думаю, ты бы мог быть повежливее.

Он вынимает из холодильника «Anchor Steam» (прим. «Anchor Steam» — пивной напиток), достает дешевое вино с нижней полки, ставит все это передо мной и уходит в другую часть бара.

Я смотрю на Пенни.

— Что не так с его задницей?

Она шумно выдыхает.

— Ну, даже не знаю, что тебе на это сказать. В последнее время он и со мной ведет себя крайне воинственно.

Я не рад это слышать. Мне нравится Пенни. Я наклоняюсь вперед и киваю ей. Она выглядит уставшей, возможно, даже плакала.

— Черная полоса?

Она быстро кивает, ее подбородок немного дрожит, но ей удается взять себя в руки.

— Да. Надеюсь, это просто черная полоса.

— Хорошо, главное, что вы вместе, уверен, все будет хорошо, — замечаю я и чувствую себя лучше, искренне веря в то, что говорю.

— Я не знаю, — говорит она и наклоняется ближе. Я чувствую запах виски и понимаю, что на самом деле она уже изрядно пьяна.

— Если бы я попросила тебя, ты бы сказал мне правду?

Не уверен, что это хорошая затея. Но все же я киваю.

— Конечно.

— Джеймс мне изменяет?

Моя голова резко дергается назад.

— Нет. Изменяет тебе? Нет. В смысле, я ничего об этом не знаю.

— Ты уверен?

— Ну, в последнее время мы мало общаемся, ты же знаешь, но я уверен, что Джеймс не обманщик. Он слишком нежный для всего этого дерьма. Он проболтается тебе из чувства вины, если что-нибудь сделает. Карма и все такое, для него это важно.

— Хорошо, — тихо говорит она и возвращается к выпивке.

— Что заставило тебя так думать? — спрашиваю я, потому что мне любопытно. Джеймс всегда отличался своей преданностью. На самом деле, он такой преданный, что это порой заставляет тебя думать, будто ты обязан ответить ему тем же.

— Не знаю...просто я чувствую. Как будто есть кто-то еще.

Мое сердце пропускает пару ударов.

— Да?

— Да. Можешь назвать это женской интуицией.

Я должен быть осторожен в своих словах. Не хочу, чтобы она подумала кое о ком, если еще не подумала. Я имею в виду Стефани.

— Разве паранойя не то же самое?

Она смотрит на меня.

— Нет, не то же самое. Я просто не думаю, что он все еще любит меня.

— Так ты думаешь, что все дело в новой девушке?

— Я не уверена. Но сейчас что-то определенно изменилось.

Ее глаза осматривают потолок, думаю, она старается не заплакать, но потом она хлопает пустым стаканом от виски по стойке и говорит.

— Черт побери. Разве это не то, что все девушки говорят в фильмах сороковых, когда узнают, что их парень им изменяет?

Я смотрю на Пенни, и мое сердце буквально сжимается от жалости к ней. Но в то же время я чувствую беспокойство. Дело не в Стефани. Если Джеймс действительно отстраняется от Пенни, то по другим причинам. Может быть, есть какая-то другая женщина, о которой я не знаю. Да и откуда мне знать? Мы долго не общались. Может быть, Джеймс не такой уж преданный, как я думал.

Может, он так же хорошо умеет хранить секреты, как я.

Эта мысль отрезвляет меня, и я отодвигаю от себя пиво, едва ли допив его до конца. Когда Джеймс наконец-то появляется рядом, Пенни уходит. Если честно, я даже не заметил, как она ушла, полностью погруженный в собственные мысли.

— Эй, чувак, — говорю я ему. Его глаза медленно скользят по мне. — Прости, что назвал тебя тупой башкой, не предупредив.

— Все нормально, — ворчит он.

— Ты в порядке? Такое чувство, что у тебя ПМС.

Он одаривает меня жестким взглядом, от чего мне хочется сделать пару шагов назад. Но так я сижу на стуле, отступать мне некуда.

Я показываю ему пустую бутылку.

— Пойду схожу еще за одной.

Джеймс упирается в стойку, держа в одной руке тряпку, и наклоняется вперед.

— Знаешь, Линден, а ты все-таки наглец. Ты не разговаривал со мной в течение нескольких недель, а теперь ты приходишь сюда и делаешь вид, будто все в порядке.

— А разве не все в порядке?

— Нет.

— Чувак, да что с тобой такое? Я разговаривал с тобой. Где твой чертов телефон?

Посмотри. Я писал тебе смс. И ты отвечал мне. Так что не говори, что мы не общались.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Мне приходится изобразить тупую блондинку.

— Нет, не знаю. Просто я был занят в последнее время, вот и все.

— Чем занят? — спрашивает он, и я слышу обвинение в его голосе.

— Просто занят.

— Очередной киской?

— Нет.

— Знаешь, я видел тебя.

Ох, вот дерьмо.

— Видел меня? Что ты имеешь в виду?

Он выпрямляется и скрещивает руки на груди.

— Тебя и Стефани.

Такое чувство, что меня окунули в ледяную воду. Она течет по моим жилам, сковывая все тело. Каким-то чудом мне удастся не расколоться.

Джеймс продолжает.

— Я смотрел игру «Акул», мужик. Я видел вас двоих в Камере Поцелуев. Уверен, ты наслаждался этим.

Я тяжело сглатываю. Откинувшись на спинку стула, я одариваю его легкой улыбкой.

— Ну и что?

Он хмурится.

— Ну и то? — выплевывает он. — Что, черт возьми, ты делал с ней на игре?

— Она захотела пойти.

— Это было нашей темой, мужик.

— Я знаю, — говорю я, испытывая небольшое облегчение, когда это происходит. — Но она позвонила мне, сказала, что у нее был плохой день, и я подумал, что это отличный способ её подбодрить.

— Как мило с твоей стороны, — говорит он с желчью. — Почему ты не пригласил меня?

— Это было в последнюю минуту, и ты работал.

— Я мог бы что-нибудь придумать.

Пожимаю плечами.

— Ну, я не знаю.

— А почему, черт возьми, ты поцеловал ее?

Теперь он снова приходит в себя. Я должен обезвредить эту бомбу и желательно быстро.

— Это была Камера Поцелуев, что мы должны были сделать? Ты думаешь, что я не мужик, который поцелует горячую девушку, сидящую рядом с ним?

— Ты думаешь, что Стефани горячая?

Я фыркаю с открытым недоверием

— Ты шутишь, что ли? Она чертовски горячая.

— Ты говоришь о моей бывшей.

Я закатываю глаза.

Больше книг Вы можете скачать на сайте — Knigolub.net

— Да, но я так же говорю о своем друге. Что, друзья не могут называть друг друга горячими? Ты довольно горяч для эмо-хипстера, Джеймс, который проводит слишком много

времени в своего рода темном подвале.

— Да пошел ты.

— Чувак, не будь таким гомофобом.

Он по-прежнему смотрит на меня и явно хочет вернуть разговор к Стефани.

— Кроме того, — говорю я ему, понимая, что собираюсь солгать, и надеюсь, что Стефани не убьет меня за это. — У нее есть парень.

— Что? — Джеймс само внимание.

Ох. Может, Пенни была и права.

— Э-э, ну на самом деле не парень. Черт, думаю, он её приятель. Но да, она с кем-то познакомилась. Случайно. Но дело не в этом. Они вроде как встречаются.

— Кто, черт возьми, этот парень? Она ничего не говорила мне. Как его зовут?

Мои глаза устремляются на неоновую вывеску «Guinness», висящую на стене.

— Айрленд.

— Его зовут Айрленд?

— Ага. Айрленд Браунгласс.

— Айрленд Браунгласс?

Я скидываю руки.

— Чувак, я не уверен, что правильно запомнил его имя. Реально.

— Где, черт возьми, она познакомилась с Айрлендом Браунглассом?

— В баре в Кастро.

— Что? Ты уверен, что он не гей?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю, может быть. Но думаю, Стефани выяснит это ближайшее время. Она умная девочка.

Он выглядит слегка растерянным.

— Не могу поверить, что она с кем-то встречается.

— Ну, возможно, мы его знаем — говорю я и тут же отшатываюсь от взгляда, который получаю от Джеймса в ответ. — Что? Я просто хочу сказать, что мы оба должны поддерживать нашу связь. Вот и все. Если ты с ума сходил от того, что я не звонил, то позвонил бы мне сам. Чем старше мы становимся, тем больше в нашей жизни появляется разных проблем, которые нужно решать.

Я хочу добавить, что не стоит раздувать из мухи слона, даже если Стеф с кем-то и встречается, но боюсь услышать его ответ. Боюсь того, что мои опасения окажутся правдой, потому что в тот момент, когда я услышу, что Джеймс любит ее, мне придется сделать нелегкий выбор. Выбор, который лишит меня как минимум одного лучшего друга.

Так что я ничего не говорю. Я просто пью пиво, а потом, когда Джеймс снова получает заказ, вылавливаю свой телефон и пишу Стеф.

Кстати, я сказал Джеймсу, что ты встречаешься с парнем по имени Айрленд Браунгласс. Вы познакомились в баре в Кастро, и он может быть геем, но ты этого не знаешь наверняка. Короче, позже объясню.

Спустя минуту она отвечает:

Тебе же лучше, если это объяснение окажется убедительным.

Не уверен, что оно таковым окажется, и не уверен, что не проболтаюсь ей о своих опасениях на счет Джеймса.

Такое чувство, что мы постепенно теряем власть над происходящим.

Мне просто нужно держаться.

СТЕФАНИ

Вы знали, что самый раздражающий в мире звук — это когда пьяные поют в караоке? Рождественские песни в пьяном караоке — это еще хуже. Спасительная благодать приходит, когда кто-то меняет слова песни «Серебряные колокола» на «серебряный трах, грузовик пикап».

Сразу ясно, что это Джеймс, он стоит на барной стойке, гордо возвышаясь над всеми, и горланит во всю самую странную версию «Серебряных колоколов», что я когда-либо слышала. По крайней мере, он намного веселее половины тех, кто сейчас в баре.

Это корпоратив «Бургундского Льва» и все мы собрались здесь, чтобы выпить дешевого пунша и крепкого гоголь-моголя. Бонусом будет то, что к концу вечера у нас точно завянут уши от завышенного самомнения каждого из присутствующих. Это как билет в первый ряд на прослушивание шоу «American Idol». Хотя, нет. Это еще хуже.

Я знаю, что не умею петь, поэтому решаю сделать миру одолжение и спокойно сижу в углу. Линден, естественно, умеет петь и привык выходить на сцену «Льва» время от времени. Только он сегодня вечером прилично и выступил. Я говорю прилично, потому что он пьян и пытался спеть песню Led Zep «Battle of Evermore». Для любого, кто хоть что-то знает о музыке, и кто обладает хоть каким-нибудь слухом, очевидно, что не стоит даже пытаться петь как Роберт Плант, когда ты в драбадан пьяный.

До Рождества осталась неделя, и сегодня мы с Линденом в первый раз показываемся вместе на публике, среди друзей. Но пусть мы и на публике, мы не ведем себя как пара. Я сижу с Пенни и Кайлой с одной стороны столика, а Линден сидит рядом с Дэном с другой. Каждый из нас пытается не смотреть на Джеймса, но он как автомобильная авария, от которой невозможно оторвать взгляд.

Я наклонилась к Пенни

— Ты должна им гордиться.

Она кивает.

— О, да, очень.

В последнее время она немного изменилась. В общем-то, я виделась с ней всего несколько раз, и мы давно не говорили по душам, так что я не очень-то знаю, что происходит у нее в жизни. Но она очень тихая и довольно мрачная. Мысленно я делаю себе заметку, спросить ее позже, когда мы будем наедине, как она на самом деле себя чувствует.

— Так, как дела у тебя и Айрленда? — говорит она. — Айрленд Браунгласс, верно?

Линден бьет меня по ноге под столом, и я подавляю желание посмотреть на него. Я помню, что он прислал мне смс на эту тему на прошлой неделе, но, когда после этого я увидела его, мы сразу отправились в постель, и так ни разу и не говорили об этом.

— Айрленд... хорошо. У нас все хорошо, — киваю я. — Все замечательно.

— И вы познакомились в Кастро?

— Ой! — вскрикивает Кайла по другую сторону от меня. — Кто только что ударил меня? Это был ты, засранец?

Я поворачиваюсь к ней. Она указывает пальцем на Линдена. Он поднимает ладони вверх и смотрит на нее широко раскрытыми глазами. Забавно, но большую часть времени он

побаивается Кайлы. Должно быть, ему сейчас непросто вдвойне.

— Эм, — говорю я, медленно отворачиваясь от него и возвращаясь к разговору с Пенни. — Да. В Кастро.

— И он не гей?

— Ох, — вздыхаю я, сделав вид, что задумалась. — Да. Может и так. Я не знаю. Мы расстались.

Она грустно вздыхает в ответ.

— Ох, извини, — пауза. — Мне показалось, ты только что сказала, что у вас все замечательно.

— Я имела в виду, было замечательно. Это взаимное решение.

— Ой, еще раз прости.

— Ага, — я опускаю взгляд на свое пиво. — Наверное, он гей.

— О чем ты, черт возьми, говоришь? — шепчет Кайла мне на ухо, но я ее игнорирую.

— Ладно, — говорю я, вставая. — Я хочу выпить парочку шотов, кто со мной?

— Я! — Линден практически падает со стула.

Он идет следом за мной к бару, и я четко ощущаю дистанцию между нами. Это было так неестественно, быть рядом с ним, но не держать его руку в своей, не чувствовать, как он обнимает меня за плечи. Он всегда так открыто проявлял собственные эмоции со мной, что сейчас, когда он этого не делал, мне было ужасно некомфортно.

— Чуть не попались, — сказал Линден себе под нос, когда мы сели у бара. Джеймс только что выбрался из-за стойки и выписал пунш с другого конца, поэтому мы попросили одного из барменов налить нам по шоту Джеймсона.

— Сделай двойной, — сказал Линден.

— Ты и так уже пьян, — комментирую я.

— Где твой праздничный дух, детка? — говорит он, наклонившись ко мне.

Его губы прижимаются прямо к моему уху.

— Я покажу тебе мой, если ты покажешь мне свой.

— Не здесь, — тихо шепчу я, улыбаясь Кэролайн, барменше, которая наполняет наши шоты.

Она игриво смотрит на меня, а я не прекращаю весело ей улыбаться, будто так делают все друзья — шепчут интимные предложения друг другу на ухо.

Неожиданно он хватается зубами мочку моего уха. По моему телу сразу же пробегает волна удовольствия, я хочу большего, а разум пытается напомнить мне, что мы не одни и это небезопасно.

— Линден, — предупреждаю я.

Он перестает покусывать мое ухо, но не отстраняется.

— Я уже говорил тебе, как горячо ты сегодня выглядишь? — его теплое дыхание щекочет мою кожу.

— Нет. Можешь продолжать.

— На тебе потрясающее платье.

Тут я с ним согласна. Оно из красного атласа, без бретелек и доходит до колен, талия затянута в корсет, отчего мои груди выглядят просто нелепо.

— Ты похожа на Диснеевскую принцессу.

— Диснеевскую принцессу?

— Да, — шепчет он. — Как одна из тех принцесс, которые готовы отсосать, если ты

правильно разыграешь свои карты, но, в конце концов, могут и отказаться.

Я смеюсь.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я могу показать.

— Вот, держите, — громко говорит Кэролайн и пододвигает четыре шота, нам приходится отодвинуться друг от друга.

— Кэролайн, ты как всегда милашка, — Линден поднимает свой шот в ее направлении. — Давай, Стеф, тост за Кэролайн.

— За Кэролайн! — говорим мы в унисон.

Она качает головой и уходит, а мы чокаемся нашими шотами и выпиваем до дна. Сперва виски жжет горло, но через пару секунд жжение сменяется приятным теплом. Это напоминает мне о тепле, которое я чувствовала между ног. Одно упоминание о минете, даже вскользь, в странной пьяной речи Линдена, и я уже представляю его член в своей руке, его солоноватый вкус, который я почувствую, облизав кончик.

— Еще по одной, — говорит Линден, протягивая мне второй шот.

Эти шоты мы выпиваем еще быстрее. Потом он встает и говорит, понизив голос.

— Встретимся в женском туалете через минуту.

Он перепрыгивает через барную стойку, и мне нравится наблюдать, как он движется. Его манера расхаживать с важным видом, движение его мышц под одеждой, его широкие плечи и то, как его тело плавно сужалось в идеальную букву V, и эти ямочки на пояснице, к которым я обожала прикасаться и лизать. Конечно, под рубашкой этого никто не видит, но я то знаю, где они.

Когда он исчезает из виду, я медленно встаю и окидываю взглядом бар. Люди вокруг смеются, кто-то ужасно приторным голосом поет «Santa Baby», где-то разбивается стакан. Кайла болтает о чем-то с Деном за столиком, а Джеймс с Пенни что-то обсуждают у входа. Кажется, у них напряженная дискуссия, и это значит, что они совершенно не обращают на нас внимания, но, в то же время, мне интересно, не поэтому ли Пенни странно себя ведет в последнее время.

Из-за этого на меня накатывает чувство вины. Если бы я проводила с ними больше времени, то, скорее всего, была в курсе происходящего. Но я этого не делаю. Отношения изменились не только между нами с Линденом, они изменились между всеми нами.

Я качаю головой, не желая портить себе настроение. Из того, что я знаю, Пенни и Джеймс отлично ладят между собой. А Линден и я? Даже более чем.

Небрежной походкой я направляюсь в сторону женской уборной и стучу в дверь.

— Привет, — говорю я сладким голосом.

— Кто там? — отвечает Линден тонким голоском, копируя Роберта Платна (прим. Роберт Платн — британский рок-вокалист, известный участием в группе Led Zeppelin).

— Диснеевская принцесса, — вторю я ему.

Через пару мгновений ожидания дверь открывается.

Я быстро вхожу и вижу Линдена, смотрящего на меня со своей фирменной улыбочкой. В уборной было две кабинки: одна для инвалидов и одна обычная, но, к счастью, можно было запереть и входную дверь. Я решаю воспользоваться этим шансом и запираю дверь позади себя до того, как Линден прижимает меня к ней спиной.

Мое тело действует совершенно инстинктивно. Оно жаждет его так же сильно, как мое сердце, разум или душа. Он прижимается ко мне, тяжело дыша, и целует меня. Я опускаю

свои руки ему на плечи и наслаждалась ощущениями рельефа его мышц, по мере того, как притягиваю его ближе.

Одну руку он запускает мне в волосы и слегка тянет назад, пока другой рукой поднимает подол моего платья. Когда он понимает, что на мне нет нижнего белья, то издает глубокий стон, и я чувствую его вибрацию. Линден начинает медленно ласкать меня пальцами.

— Такая влажная, — шепчет он. — Моя детка такая чертовски влажная для меня.

Он вставляет три свои больших, длинных пальца в меня, и я сжимаюсь вокруг них.

— И такая горячая.

— Заткнись уже и трахни меня, наконец, — шиплю я ему на ухо.

Он смеется своим низким и бархатистым голосом, и в то же время тянет меня за волосы, прежде чем припасть губами и зубами к моей шее.

— Какая нетерпеливая.

— Не здесь, не сейчас, — говорю я ему. — И не с тобой.

— Я превратил тебя в животное.

— Так и води себя соответственно.

Он на миг останавливается и смотрит на меня с самым коварным выражением на лице.

— Вот как?

Его акцент становится сильнее, стоит ему завестись, и я чувствую его пульсацию у своей задницы. Я поворачиваюсь к нему лицом, желая почувствовать его еще глубже, но он убирает от меня руки и начинает расстегивать ремень.

Пока я слушаю треск его расстегивающейся ширинки, он хватается за плечи и разворачивает, так что теперь я стою лицом к одной из кабинок. Он пинком открывает дверь и толкает меня внутрь, пока я не упираюсь руками в прохладный кафель на стене.

— Расставь ноги, шире, — требует он, и прежде, чем я успеваю это сделать, встает между ними. — Шире, — рычит он.

Я ставлю ноги настолько широко, насколько могу, при этом пытаюсь зафиксироваться в этой позиции, чтобы мои туфли на шпильках не скользили по полу. Я не из тех, кто избегает секса в грязных местах, но я чертовски рада, что сегодня в туалете успели убрать. Не уверена, что в мужском туалете так же чисто, но когда так сильно чего-то хочешь, тебе наплевать, в каких условиях это произойдет.

И это была одна из таких ситуаций.

Линден задирает мою юбку и просовывает руку мне между ягодиц, проникая внутрь одним пальцем. Я резко вздрагиваю — этого я не ожидала — но он сразу же убирает руку, чтобы придержать свой член.

— Может быть, позже? — говорит он игриво.

— Может быть.

Он заполняет собой мою киску и задерживается, прежде чем сделать несколько толчков. Я чувствую его тепло за своей спиной и чувствую, как он прожигает меня взглядом. Я знаю, что он смотрит на мой зад и на свой твердый член, который входит в меня всей длиной. До того, как я успеваю поторопить его, он входит в меня одним большим мощным толчком.

Я сжимаю пальцы у плитки на стене, зафиксировав локти и колени, чтобы удержаться на месте. Я не могу сдержать крика, который срывается с моих губ, а вслед за ним вылетает нежное «ох», когда он мучительно медленно выходит из меня.

Этот мужчина больше, чем жизнь.

Он и есть моя жизнь.

Он — мой Линден.

И он только что отымел меня сзади в женском туалете.

Одной рукой держась за перегородку кабинки, а другой удерживая меня за талию на месте, он еще больше заводится, страстно и глубоко входя в меня под правильным углом раз за разом.

— Черт, черт, блядь, — хрипит он, прерывисто дыша. — Детка, я уже близко, уже близко.

До того, как делаю над собой усилие, чтобы его догнать, он отпускает мою талию и перемещает палец к моему клитору, лаская его. Это все, что мне нужно, чтобы взорваться словно бомба.

Я кончаю, пока не чувствую, что больше не могу этого вынести, и тогда он разряжается в меня. Я ощущаю его внутри себя, горячего и мощного, сжимаюсь вокруг него, и его руки оказываются у меня под животом, придерживая, когда мои ноги начинают отказывать.

Я чуть не упала в унитаз. Это было бы довольно непросто объяснить.

— Это было нечто, — шепчу я, пытаюсь восстановить дыхание и спуститься с небес на землю.

Он целует мое голое плечо.

— И кто теперь ведет себя сентиментально?

Я оборачиваюсь и глуповато улыбаюсь. У него сейчас именно такой взгляд, который я любила больше всего — сонный, счастливый и удовлетворенный. Я любила этот взгляд потому, что только я могла дать ему то, что он хотел, и только я могла добиться такой нежности от такого мужлана.

Он наклоняется и отрывает немного туалетной бумаги, а затем аккуратно и нежно вытирает внутренние стороны моих бедер.

— Люди могут что-то заподозрить, если увидят сперму на твоих ногах, — пояснил он, улыбаясь, прежде чем выбросить бумагу в унитаз. — Лично мне нравится смотреть на тебя такую.

Мы выходим из кабинки и быстро приводим себя в порядок перед зеркалом. Но как только я собираюсь открыть дверь, чтобы выйти первой, раздается стук.

Я застываю на месте. Может, если я промолчу, они просто уйдут. Я смотрю на Линдена и прикладываю указательный палец к губам.

В дверь снова стучат.

— Эй? Стеф?

Это Кайла.

Черт. Думаю, могло быть и хуже.

Я прошу Линдена спрятаться в кабинке, что он и делает, после чего я немного приоткрываю дверь.

— Эй, — радостно говорю я. — Что случилось?

— Что ты там делаешь, я тебя искала.

— Эээ, у меня проблемы с желудком.

— И поэтому ты заперла весь туалет?

— Ужасные проблемы с желудком.

Она хмурится, заглядывая мне через плечо

— А это кто? — спрашивает Кайла и толкает дверь, чтобы войти в уборную.

— Линден? — говорит она, глядя на его ботинки. Не многие в наши дни носят берцы.

— Нет, это просто случайный парень, — быстро оправдываюсь я.

— Кто, Айрленд Браунгласс? — говорит она и толкает дверь кабинки, открывая ее. — Я так и знала! — кричит она.

Линден робко, не поднимая глаз, выходит из кабинки, как я и думала.

— Тсс! — мне хочется заставить ее замолчать. Я снова запираю входную дверь. — Говори тише. Никто не знает.

— Нет, блядь, никто не знает, — говорит она, прищурившись, и смотрит на Линдена. — Боже, Стефани, как ты можешь быть с этим ослом?

— Оу, ты сама когда-то была с этим ослом, — замечает Линден.

— Линден, помолчи, — прошу я.

Я поворачиваюсь к Кайле и смотрю на нее взглядом полным мольбы.

— Пожалуйста, не говори никому. Мы пока сами пытаемся понять, что между нами происходит, и не хотим, чтобы кто-то был в курсе.

Скрестив руки на груди, она постукивает ногой по полу, отчего по всему помещению разносится эхо.

— Мммм-хммм. И как долго вы двое собираетесь всех обманывать?

Я смотрю на Линдена и пожимаю плечами.

— Всегда?

Кайла раздраженно выдыхает.

— Я так и знала. Я знала, что тут что-то не так.

— Ну, надеюсь, больше никто не знает.

— Ага, точно. Но вы не сможете вечно скрывать этот бред. Вам нужно выйти отсюда, встать посреди комнаты и рассказать всем правду. Нужно с этим покончить.

Я качаю головой.

— Нет. То, что двое друзей спят вместе, вовсе не означает, что весь мир заслуживает об этом знать.

Она язвительно смотрит на меня.

— Вообще-то, думаю, что ваши близкие друзья заслуживают об этом знать.

Она разворачивается и идет к двери, выстрелив в меня взглядом через плечо.

— И, если ты думаешь, что вы все еще просто друзья, то подумай еще раз.

И она уходит. Но напряжение остается в уборной вместе с нами.

Я смотрю на Линдена извиняющимся взглядом.

— Извини. Она довольно бесцеремонная.

Он кивает.

— Я знаю. Что ж, надеюсь, она не станет болтать.

— Не станет.

Но мне на самом деле интересно, сколько еще мы будем продолжать эту шараду. Что-то нас выдаст. Мы не сможем оба продолжать лгать. Если Джеймс будет проблемой, что ж, это скорее проблема Джеймса, чем не наша.

Но сегодня не самый лучший день, чтобы обрадовать всех подобным новостями. Сегодня время веселья. Возможно, после Нового года, когда мы сами со всем разберемся. Мы попросим Джеймса присесть и объясним ему, что... ну, мы попытаемся и скажем, кто мы друг другу. И будем надеяться, что он поймет. Конечно, поначалу ему придется нелегко,

но спустя какое-то время, я думаю, он поймет, что на самом деле между нами троими ничего не изменилось.

После того, как я поцеловала Линдена в щеку и вышла из туалета, делая вид, что никогда не была с ним в уборной, я знала, что все уже изменилось.

И никогда не будет прежним.

Несколькими часами позже, когда было выпито достаточно алкоголя и рождественское печенье буквально лезло у всех из ушей, я оказалась у Линдена в квартире.

Я уже начинала чувствовать себя здесь, как дома. Благо, квартира у него новая и не протекает. Не то, чтобы моя начала снова протекать (спасибо Линдену и его умелым рукам), но есть что-то такое в его квартире, благодаря чему я чувствую себя в безопасности.

Может потому, что здесь я никогда не бываю одна, и он всегда рядом. Готовим ли мы утром яичницу, смотрим ли сериалы на «Netflix» или просто принимаем душ, он всегда рядом.

Он стабильный. Он надежный. Он мой якорь.

Он — мой Линден.

Всегда им был.

И всегда им будет.

Хотя после сегодняшней ночи и нашего страстного секса в уборной, после того, как нас застукала Кайла, и после того, как мы напились «Джеймсона» и веселья в «Бургундском Льве», я чувствую, что он намного больше, чем это.

Он — мой любовник.

И моя любовь.

И у меня больше нет сил удерживать этих бабочек в груди. Я хочу выпустить их наружу. Хочу, чтобы они прикоснулись к нему, нежно лаская его своими мягкими крылышками, чтобы он знал, что я чувствую по отношению к нему.

Сорвав с себя одежду, мы забираемся на накрахмаленные простыни на его кровати. Мы оба слишком устали и слишком пресыщены после уборной, чтобы снова заниматься сексом. Поэтому просто устраиваемся в объятьях друг друга. Он целует меня в висок, задерживая губы на моей коже, и притягивает ближе к себе.

Мне хотелось, чтобы он никогда меня не отпускал. И он обещал, что не отпустит.

— Линден, — тихо говорю я, настолько тихо, что не уверена, слышал ли он меня, или же мои слова просто растворились в воздухе. Ночью, когда ты лежишь в темноте, все приобретает совершенно новый, глубокий смысл.

Повисает долгая пауза, и он говорит.

— Мальвинка.

— Я... — только я собиралась заговорить, как вдруг все, что мне хотелось сказать ему, вылетело из моей головы. Я не сказала ни слова. Я не просто любила Линдена, это было что-то намного больше. Что-то за гранью. Понимаете, «я люблю тебя» сейчас можно услышать где угодно, эти слова давно потеряли свой вес и свою ценность. Так что я застряла, не зная, что сказать, ведь эти три слова не отражают всей полноты того, что я чувствую.

— Что? — шепчет он, его губы около моего уха. Он крепче обнимает меня. — Пожалуйста, скажи мне.

Сглотнув, я пробую начать сначала.

— Линден. В моей груди есть пространство, о существовании которого я раньше не догадывалась. Похоже на то, что все это время у меня в груди было еще одно сердце, и у этого сердца свой собственный целый мир. Я никогда не замечала его, потому что оно не билось. Но теперь, я его чувствую. Оно бьется в моей груди, вот здесь, и я это знаю.

По моей щеке скатывается слеза, но я не обращаю на неё внимания.

— Это ты заставил его биться, Линден. Это новое сердце, этот другой мир — все благодаря тебе. Я чувствую, как он заполняет каждую клеточку моего тела, и каждый день я будто расцветаю. Ты во мне, и я не могу этого больше скрывать и игнорировать. Ты ослепил меня. Ты и есть я, — я делаю глубокий вдох. — Думаю, я пытаюсь сказать, что люблю тебя.

Повисает неловкая пауза. Тишина вокруг настолько же плотная, как и сама ночь. Я задерживаю дыхание в ожидании его ответа и боюсь того, что он скажет. Этот момент тянется и тянется, бесконечно, меня одолевает страх и надежда. Ведь, как бы сильно я ни любила Линдена, я не могла позволить себе открыться, я боялась, что он не испытывает ко мне то же самое. Что его чувства даже близко не такие.

Теперь мне становится реально страшно, наверно, я его спугнула.

О, Боже, почему он ничего не говорит?

Я в панике.

— Может, это было слишком, может быть...

— Тише, — говорит он и поворачивает мою голову так, чтобы я смотрела ему в глаза.

Они невероятно глубокие, но я не могу прочесть их выражение в темноте. Когда он немного поворачивается, то луч света падает ему на лицо, и я замечаю, что его в глазах стоят слезы.

У меня такое ощущение, что я дамба, которую вот-вот прорвет.

— Стефани, — мягко произносит он, сдавленным голосом. — Ты знаешь, что никто никогда не говорил, что любит меня?

У меня словно камень с груди падает.

— Что?!

— Это правда, — говорит он. — Я никогда не слышал, как кто-то говорит, что любит меня.

— Но, но...

Я пыталась вспомнить, прокручивая в голове наше прошлое. Разве я никогда ему этого не говорила как друг? И Джеймс не говорил? А как же его родители, брат?

— А Надин? — спросила я.

Он слегка покачал головой.

— Никто. Мы с Надин были достаточно близки, но именно эти слова никогда не звучали. Можешь мне поверить. Я знаю, что услышал их впервые именно сейчас, от тебя. А такое никогда не забывают.

Его родители никогда не говорили ему, что любят его. У меня защемило сердце. Бедный Линден. Мне хотелось плакать.

— И потому что никто никогда мне этого не говорил, — спокойно продолжил он, — мне было некому признаться в ответ. На самом деле, я никогда не знал наверняка, что такое любовь, потому что никто не мог объяснить мне значение этого слова. Я только понимал, что это не то. Но ты, Стеф, ты всегда была другой. Я отдал тебе свое сердце в первый же день. Джеймс увидел тебя раньше, но я могу поклясться, что отдал тебе свое сердце раньше, чем это сделал он. Мне не хотелось говорить тебе этого, потому что я хранил эту любовь для

себя. Никто никогда не хотел делиться этим чувством со мной, поэтому я тоже не стал. Я вел себя как жадный ублюдок.

Он сделал паузу.

— Но я правда полюбил тебя. И не как друга. Это всегда было чем-то большим. С той секунды, как ты вошла в бар, весь мой мир стал принадлежать тебе одной. Я молился и мечтал, как однажды смогу признаться тебе. И мне было не важно, что чувствуешь ты, я бы просто сказал, что люблю тебя, и ничто этого не изменит. Это чувство было моим, и я хотел отдать его тебе.

Он делает глубокий вдох и продолжает,

— И я люблю тебя, Мальвинка. Я так чертовски влюблен в тебя. Для меня ты и есть любовь. И я горжусь, что наконец-то смог признаться тебе.

Теперь настала моя очередь потерять дар речи. Меня настолько переполняли эмоции, что я едва могла дышать. Я беру в ладони его лицо и целую, нежно, глубоко и так искренне, как только могу. После этого я улыбаюсь ему, и он делает то же самое.

— Хотя, я думаю, — говорит он, вытирая слезу и продолжая улыбаться как ненормальный, — будь у меня больше практики в подобных речах, это прозвучало бы не так запутанно.

— Говори за себя, — отвечаю я. — Мы оба пошли окольным путем, чтобы сказать эти три слова.

— Но иногда этих слов недостаточно, — говорит он, целуя мою руку.

— Нет, их недостаточно. Но мне достаточно тебя.

То другое сердце внутри меня становится еще больше. И я не думаю, что оно когда-то перестанет расти.

ЛИНДЕН

А вот это проблема.

Серьезная, мать ее, проблема.

Только я положил тарелку из-под овсяной каши в посудомоечную машину, как раздался стук в дверь. Учítывая, что Стефани ушла всего три минуты назад, я решил, что это она что-то забыла. Может, мой мозг просто хочет так думать — она вернулась для еще одного секс-захода, потому что не может насытиться мной.

Я открываю дверь, и радуюсь, что не успел сказать «Уже вернулась, детка?».

Напротив меня стоит Джеймс.

— Э-э, — говорю я, пытаюсь подобрать слова, но думаю лишь об одном — видел ли он, как ушла Стеф? Подозревает ли он? Зачем он пришел? Смогу ли я вести себя непринужденно? Во всяком случае, попытаться стоит.

— Здорово, Джеймс.

— Привет, — говорит он низким голосом. Не похоже, чтобы он злился, а это уже хорошо. Но, кажется, его что-то беспокоит. Дело плохо. Он опускает взгляд и тут же вздрагивает.

— Может, ты наденешь штаны.

Я улыбаюсь, только сейчас осознав, что на мне одни боксеры. Обычно это не такая уж проблема, но я же только что думал о Стеф, поэтому все мое достоинство теперь прилично выпирает. Упс.

— Извини, — говорю я, быстро развернувшись, и жестом приглашаю его войти. — Проходи. Как дела, чувак?

Я сразу же иду в спальню, оглядываясь в поисках любых намеков на присутствие Стеф. А она умеет не оставлять за собой следов — я даже не смог убедить ее оставить у меня свою зубную щетку. Она всегда носила ее с собой в одной из миллиона сумочек, что у нее есть. Натянув джинсы, я иду обратно.

— Дикая была вчера вечеринка, — кричит Джеймс, закрывая за собой входную дверь.

Сейчас мой мозг обрабатывал каждую интонацию, с которой он говорит. Неужели Кайла ему что-то сказала? Или он что-то видел?

— И убийственно веселая, — отвечаю я, направляясь к холодильнику с самым непринужденным видом. Это просто еще одно обычное субботнее утро, совершенно ничего подозрительного. Я сканирую глазами гостиную на предмет красных трусиков, которые сорвал со Стеф в прошлый раз.

— Да, так и было.

Я достаю упаковку с апельсиновым соком и трясую ей перед лицом Джеймса. — Не хочешь подзаправиться?

Он качает головой. Присмотревшись, я замечаю, что он не очень хорошо выглядит. Он был бледнее, чем обычно, а под глазами фиолетовые круги.

— Ты в норме? — спрашиваю я, добавив, — Похмелье?

Он кивает и смотрит на меня в ответ. В его темных глазах я не вижу ни намека на веселье.

— Да, похмелье. Я напился как сапожник.

— А кто нет? — отвечаю я, наливая себе стакан сока. — Но ты же не умеешь проникаться праздничным духом, не напиваясь при этом.

Джеймс даже не улыбается. Он просто смотрит на меня, и я практически вижу, как его поглощает тьма. От тревоги у меня начинает покалывать кожу на голове.

— Я расстался с Пенни.

Я моргаю от неожиданности, хотя нельзя сказать, что я удивлен.

— Что? Почему?

— Я сделал это вчера, после вечеринки. Мы поссорились.

Я кусаю губу, размышляя, и говорю.

— Ну, то, что вы поссорились, еще не означает, что обязательно нужно расставаться.

— Ты любил Надин? — спрашивает он.

Этот вопрос застаёт меня врасплох, и я тут же вспоминаю о разговоре с Стеф прошлой ночью. Она любит меня. Мальвинка меня *любит*.

— Линден?

— Извини, — я качаю головой и делаю еще один глоток сока. — Нет. Я ее не любил.

— И ты это понимал.

— Ну, да. Мне хотелось думать, что все изменится, перерастет в нечто большее, наверное, так. Но нет. Я ее не любил.

— И поэтому ты с ней расстался.

— Именно.

— Тут та же история. Я не люблю Пенни.

Я не могу сдержаться, и выражение моего лица дает трещину.

— Но вам, ребята, было так хорошо вместе. Она же милашка. Она веселая. Она и тебя делала счастливым. С ней *ты* становился веселее.

— Знаю, именно поэтому мне было так тяжело с ней расстаться. Знаешь, я обдумывал это решение в течение шести месяцев.

— Шести месяцев? — восклицаю я. — Ты ждал шесть месяцев, чтобы расстаться с ней?

Он пожимает плечами и стыдливо отводит взгляд.

— Как и ты, я думал, что все изменится. Потому что она правда забавная, и мы отлично проводили вместе время. Я заботился о ней. И она тоже. Во многих отношениях она просто идеальная. Но я ее не люблю. Когда я смотрю на нее, я не парю'.

— Не паришь?

— Именно, — тихо отвечает он и снова смотрит мне в глаза. — Это то, что я чувствую, когда влюблен.

Он облизывает губы.

— Слушай, Линден, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Только не говори, что ты влюблен в меня, Джеймс. Ты не в моем вкусе.

— Ты тоже не в моем вкусе. Мудак.

Я улыбаюсь, но его лицо становится напряженным. Джеймс хмурится. Пожалуйста, пожалуйста, прошу, пусть он скажет имя какой-то незнакомой девушки.

— Я люблю Стефани.

Нет.

Нет. Нет. Нет. Нет.

В моей груди образуется пустота. Черная, иссохшаяся она поглощает меня и скоро

ничего не останется.

— Ты что?

Я едва мог выдавить из себя пару слов, но мне нужно было как-то продолжить разговор как ни в чем не бывало. Я должен быть предвидеть, что такое может случиться. Я *знал*, что так и случится.

— Я люблю ее, — говорит он.

В то время как мой голос слабел, его наоборот, только окреп. В его глазах была стальная решимость, будто от того, что он сейчас рассказал мне, для него все стало реальнее.

— Я удивлен, что ты сам не догадался.

— Нет, — отвечаю я.

Я прочищаю горло в попытке проглотить то, что только что услышал от него. Я не мог показать, что мне больно, не мог вести себя так, будто у меня в животе образовалась ледяная глыба, которая не дает мне свободно дышать.

— Это же хорошо, наверно, — говорит он.

— Так... — начал я. — Прости. Я просто... и давно ты в нее влюблен?

Он вздыхает.

— Знаешь что, мужик? Я даже не уверен, переставал ли я ее вообще любить. Когда он бросила меня, меня конкретно переклинило. Я так сильно ее любил и, оглядываясь сейчас назад, я понимаю, почему она так поступила. Я был таким чертовски незрелым. Мы оба были, но я тогда вел себя как полный придурок, понимаешь? Думаю, из-за того, что она была моей первой любовью, ну ты знаешь, это было больше, чем секс. Но, Иисусе... Линден, ты даже не представляешь, что это был за секс.

Я совсем поник, мои челюсти болезненно сжались.

Он продолжил.

— Она так чертовски хороша в постели. Тогда была, да и в прошлый раз тоже.

— Ч-что? — у меня будто выкачали весь воздух из легких.

Он усмехнулся мне. Причем так самодовольно, что мне захотелось врезать ему по его проклятой роже.

— Да. На ее двадцать девятый день рождения. Помнишь, когда ты был в больнице с Надин?

Да. Да. Я помнил.

— Ну, я не хотел, чтобы Стеф провела свой день рождения в одиночестве. Поэтому пришел в ее магазин. Все как-то так закрутилось. И мы занялись сексом прямо там, в магазине. Что ты на это скажешь, а?

У меня потемнело в глазах. Все его слова звучали как во сне, это просто кошмар. Это не может быть правдой. Стефани *не* спала с Джеймсом на свой двадцать девятый день рождения.

— Тебя это шокировало, — прокомментировал Джеймс. — Дааа, редко мне доводилось видеть великого Линдена МакГрегора в шоке. Даже больше, я впервые такое наблюдаю.

Он довольно противно улыбается мне и продолжает.

— Как бы то ни было, секс был потрясающий. Знаешь, все это я-до-сих-пор-тебя-хочу-и-ты-должна-быть-моей. Кругом был такой кавардак, остатки еды и разлитое повсюду вино. Я взял ее прямо там, на полу, когда она стояла «раком», и ей это чертовски понравилось, Линден. Ей это так чертовски понравилось.

Сейчас я чувствовал только ярость. Ярко-красное, раскаленное пламя злости. Ненависть

и неистовая ярость сжигали меня изнутри, разъедала мою одинокую душу. Я сделаю какую-нибудь глупость. Я это знаю. Я не могу сдержаться.

Он мой лучший друг, но сейчас мне хотелось его убить.

Тупо, блядь, прикончить.

Но каким-то образом мне удалось проглотить свою злость, я заглатывал ее, а она обжигала мое горло, пока я приклеивал на лицо улыбку.

— Довольно круто звучит, — вдох, выдох. — Только в тот раз?

В его глазах отразилось разочарование.

— Да, — моя ярость совсем немного утихла. — Но благодаря этому я понял, что так и не разлюбил ее.

— Довольно длительный срок для тоски по своему лучшему другу, — сказал я ему, а потом решил отвлечь себя оставшимся соком.

Я пытался обдумать, как мне себя вести, и чего он от меня ожидает. Было бы Линдену, в его понимании мне — тому, кто видит в Стефани только друга — было бы ему не все равно, узнай он про такой поворот событий?

Думаю, его бы это немного обеспокоило.

— Так что ты собираешься с этим делать? — спрашиваю я. — Ты расстался с Пенни, но так, как ты только притворялся, что что-то чувствуешь к ней, это все равно ничего не меняет. Не боишься все испортить? Уверен, что Стеф испытывает к тебе те же чувства? Потому что, ну не знаю, мужик... не похоже, что она страдает по тебе. Без обид.

Когда Джеймс поднимает на меня взгляд, в его глазах я замечаю холодный, расчетливый блеск.

— Типичный Линден.

— «Типичный Линден»? — повторяю я.

Он постучал пальцами по столу.

— Знаешь, что действительно вывело меня из себя? Это когда ты заключил с ней то соглашение. Это идиотское сраное соглашение.

— И почему же это вывело тебя из себя?

Он уставился на меня.

— Очевидно, что теперь ты понимаешь почему. Но пожалуйста, я скажу. Ты пообещал девушке, в которую я влюблен, моей бывшей девушке, нашей общей подруге, что женишься на ней, если вы оба будете одиноки к тридцати.

— Я же не знал, что ты в нее влюблен, — замечаю я.

— А это что-то бы изменило?

— Да! — говорю я. — Конечно, изменило бы.

Он с опаской прищурился, глядя на меня.

— Так я и думал. Ты всегда присваиваешь себе все, что принадлежит мне. Ты просто не можешь допустить, чтобы что-то осталось только моим.

— О чем ты, черт возьми? — спрашиваю я, ставя в холодильник пакет с соком. — Это было безобидное соглашение.

— Я знаю, что ты ничего такого даже и не думал. Но от этого я бешусь еще больше, — он кисло улыбается мне. — Знаешь, я благодарен своей счастливой звезде, что увидел ее первой. Что именно я нанял ее на работу. Что именно я пригласил ее на свидание. Я не собирался позволять тебе получить что-то, в чем ты не нуждался. Ты можешь получить абсолютно все, Линден, и оно будет принадлежать только тебе, так происходит каждый

чертов раз. Но её ты так и не смог заполучить.

Я поднимаю руки, сжав кулаки, но потом опускаю.

— Почему бы тебе не сказать, что ты чувствуешь на самом деле?

— И вот, снова ты со своим «дьяволу не все равно» отношением. Будто тебе не насрать на то, что я чувствую. Тебе на все по хрену, кроме себя самого.

— Ты проделал весь этот путь, чтобы прийти сюда и сказать мне, что ты любишь Стефани? Или это был просто предлог, чтобы выказать мне всю ту неприязнь, которую ты всегда испытывал ко мне?

Он с шумом втягивает воздух, немного расслабив плечи.

— Нет. Я пришел, чтобы рассказать о ней. Все остальное... просто вырвалось.

Я скрещиваю руки на груди, чувствуя смесь гнева и боли, которая растет во мне с каждой минутой.

— Еще что-то? Давай, я с удовольствием выслушаю. Меня же ничего не волнует, только я сам.

— Просто ты даже не представляешь, каково это, быть мной. Всю жизнь работать в поте лица, чтобы хоть немного продвинуться вперед. Я рос в бедности. У меня был чертов алкаш в роли отца и беспомощная мать. Я трудился изо всех сил, чтобы добиться всего, что у меня сейчас есть. И поэтому мне довольно непросто было быть твоим другом, Линден, когда ты получаешь все, что пожелаешь. Поэтому Стефани такая особенная для меня. Она больше моя, чем твоя.

— Это не правда, — шиплю я сквозь зубы.

— Что?

Я тяжело сглатываю и делаю глубокий вдох.

— На протяжении всех этих лет она была другом нам обоим.

— Но только я спал с ней, я тот, кто действительно ее знает.

Это неправда. Но я держу свой рот на замке. Часть меня хочет все рассказать ему, хочет причинить ему боль за все те обидные слова, которые он только что высказал мне. Но другая моя часть соглашается с ним. Эта часть принимает его точку зрения.

Эта часть знает, что я действительно виноват перед Джеймсом.

— Ты ведь не спал с ней, правда, Линден?

Этот вопрос ставит меня в тупик. Я никогда не думал, что он, на самом деле, спросит меня об этом.

— Со Стефани?

Он медленно кивает.

— Ага. Наверно глупо об этом спрашивать, но, если судить по тем поцелуям, что я видел... Ох, ты, конечно, можешь сказать, что просто принял «вызов» в игре или это было только на публику, но я бы не удивился, окажись ты из тех парней, которые готовы сделать следующий шаг.

И я как раз из таких.

Святое дерьмо, я ужасный человек.

— Потому что, — продолжает он, медленно постукивая пальцами, — если ты из таких, то я имею право знать. И я бы никогда больше с тобой не заговорил. Словно тебя никогда и не было. Знаешь, как говорят: сначала братья, потом шлюшки? И это правда. Ты бы так не поступил с другом. И ты бы не стал врать о таком. Итак, Линден. Что же ты за парень? Друг? Или один из тех парней?

Я должен был ответить. Я должен был что-то сказать.

У меня просто не было времени, чтобы взвесить, каким будет правильный ответ. Я мог только тянуть время.

— Я твой друг, Джеймс, — сказал я ему. — Я никогда не спал с Стеф. Она вся твоя.

Огромная, яркая улыбка медленно появляется на его лице. Он был похож на ребенка в рождественское утро. Но облегчения я так и не почувствовал. От этого мне стало только пакостно на душе.

Я соврал, нагло соврал своему лучшему другу. Я только что уничтожил нечто прекрасное, то, что было у меня с моим другим лучшим другом. Потому что теперь я понимал, что не могу быть со Стефани, не после того, что я сказал ему. Мы не можем продолжать спать, как делали это прежде, и мы не сможем теперь раскрыть правду.

Я должен расстаться с ней.

В груди появилось чувство утраты, земля будто уходила у меня из-под ног.

Я не могу расстаться с ней. Не могу. Я просто не могу. Не могу.

— Извини, если я был немного резок, — говорит Джеймс, все еще улыбаясь.

Я улыбаюсь ему в ответ, но это была фальшивая, жестокая улыбка, которой на моем лице прежде никогда не было.

— Друзья все время проходят через всякое дерьмо. Думаю, я затаил на тебя злобу из-за каких-то вещей, и сам о том не догадывался.

Я киваю в ответ. Не чувствуя ничего, кроме глубокой, всепроникающей печали.

— В любом случае, теперь я чувствую себя куда лучше. Ты не представляешь, как тяжело было держать все в себе, скрывать, но я хотел удостовериться, что, на самом деле, чувствовал это. Так и оказалось.

Он словно переметнулся с темной стороны на светлую.

— Ты собираешься рассказать ей? — спрашиваю я несколько грубовато.

Он на секунду задумался, склонив голову.

— Вряд ли. Думаю, нужно правильно разыграть свои карты, — неожиданно он поднимает голову, встречаясь со мной взглядом. — Но ты не можешь ей рассказать, Линден.

— Я не стану.

— Нет, — сказал он, протягивая мизинец. — Знаю, это просто смешно, но я верю, что ты не нарушишь обещания. Ты ничего ей не расскажешь. Никогда. Это только между мной и тобой, как между друзьями, братьями. Это чертов братский кодекс, понял? Обещаешь? Клянешься на мизинцах? Ты не расскажешь Стефани ничего из того, о чем мы сегодня говорили. Я не хочу, чтобы она когда-то узнала, что ты в курсе того, как мы трахались, ладно?

Я медленно протягиваю свою руку. Чистое, ничем неприкрытое чувство вины заставляет меня согнуть свой мизинец. И он сжимает его в ответ.

— Хорошо, — говорит он, громко вздохнув. — Теперь я могу дышать спокойно. Мужик, Линден, я так боялся рассказать тебе об этом, боялся, что ты подумаешь, будто я сошел с ума. Но теперь я чувствую себя намного лучше. Я думал, что снова останусь с разбитым сердцем, но сейчас у меня ощущение, что может быть, у нас еще есть со Стефани шанс. Я пытаюсь сказать, что с Пенни покончено, а Стеф сейчас одинока. Я действительно считаю, что у нас есть шанс.

Я что-то бормочу в ответ, соглашаясь с ним, я сбит с толку. Кухня начала вращаться вокруг меня, и ноющая боль в груди становилась сильнее. И, блядь, сильнее.

— Итак, — говорит Джеймс, вставая со стула. — Какие у тебя планы на сегодня? Не хочешь отправиться на Юнион Сквер (прим. Юнион Сквер — парк в Сан-Франциско) Мне нужно прикупить кое-что к рождеству. Могли бы зайти в «Blue Bottle coffee».

Мне не хотелось даже на секунду оставаться рядом с ним. Но не думаю, что будет лучше, если я останусь один. Стефани в своем магазине, так что я не могу даже обсудить это с ней.

— А мы сможем выпить по пивку, вместо кофе? — спрашиваю я его.

Он пожимает плечами.

— Опохмелиться, конечно.

Он идет к входной двери, а затем останавливается, осмотрев меня сверху донизу.

— Лучше надень рубашку, если не хочешь, чтобы за тобой гналась толпа баб. Или ты этого хочешь? С кем ты в последнее время трахаешься?

— Ни с кем, о ком бы тебе следовало волноваться, — отвечаю я ему.

Я надеваю рубашку и куртку и выхожу из квартиры.

Ему больше не следует ни о ком волноваться.

Не знаю, как я смог пережить рождественский поход по магазинам с Джеймсом, именно с ним, из всех людей, и именно сегодня, из всех возможных дней, когда весь мой чертов мир буквально рушился, от усилий моих собственных рук, но я смог. Он вернулся к своему привычному состоянию крайней бодрости, за исключением нескольких хорошо подготовленных клятв, и сейчас направлялся в сторону таких же покупателей.

Я в основном молчу. Не могу. Я застрял в своих мыслях и чувстве вины, не только за ту ложь, что сказал Джеймсу, но и за то, что должен буду сказать Стефани. Я стою на распутье, на котором никогда не хотел оказаться, там, где необходимо выбрать только одного из двух людей, которых любишь.

Джеймс для меня ближе, чем брат, ближе, чем Брэм. Джеймс, при всех его недостатках, верный, а во мне никогда не было такой верности. На протяжении многих лет Джеймс был мне отличным другом и никогда меня не подводил.

Но я облажался по отношению к нему. Может, он этого и не знает, но это так. Я облажался, когда пошел за Стефани, хотя и подозревал, что он влюблен в нее. Я сделал это, потому что хотел ее, и свои желания я поставил выше его. Он бы никогда так со мной не поступил. Но я поступил так с ним.

И, наконец, Стефани. Когда я думаю о ней, мне не хватает слов, потому что мое сердце принадлежит ей. Рядом с ней так просто быть парнем, который способен обмануть лучшего друга. С ней я чувствую, что мне больше никто в мире не нужен, только она. Она — мой мир, и я сказал ей, что буду крепко держать ее, что не отпущу.

Но вот он я, иду в ее магазин после того, как попрощался с Джеймсом, собираясь отпустить ее. Мне остается надеяться, что она выдержит. Я могу только молиться о том, что мы сможем преодолеть все это, что мы не потеряем друг друга. Понимание того, что она переспала с Джеймсом в свой день рождения, но не сказала мне об этом, стало сильнейшим ударом для меня. Но даже так я знаю, что она чувствует ко мне. То, как она смотрит на меня. Она любит меня. Я никогда не чувствовал что-то так четко.

Именно поэтому я знаю, что она не будет с Джеймсом. Знаю, что ее это не интересует, что она не уйдет от меня к Джеймсу вот так. Но я все еще могу потерять ее из-за него. Мне нужно, чтобы она поняла, но я даже не представляю, что мне сказать, потому что я поклялся,

что не расскажу ей о чувствах Джеймса.

А это значит, что мне нужно просто покончить со всем. Мне придется сыграть этой чертовой картой дружбы и надеяться, что мы сможем снова быть просто друзьями.

Потому что я не знаю, что будет, если действительно потеряю ее. Если она уйдет из моей жизни.

Просто не знаю. Не представляю, как смогу с этим справиться. Я не переживу этого. Как можно выжить, когда твоему миру приходит конец?

Когда я подхожу к ее магазину, уже почти шесть. Во всем помещении выключен свет, за исключением одного, в задней комнате. Я думаю, может она уже ушла домой. Но потом вижу ее тень.

Я делаю глубокий вдох и стучу в дверь. Через несколько секунд она выходит, улыбаясь мне словно ангел.

Я не могу этого сделать. Просто не могу.

Она отпирает дверь и открывает ее, я захожу внутрь вместе с порывом холодного, влажного воздуха с улицы.

— Бррр, — говорит она, дрожа и закрывая за мной дверь. — Наконец-то чувствуется приход рождества.

Она смотрит на пакеты из Nordstrom (прим. — Nordstrom сеть магазинов в США) в моих руках.

— Оо, это все для меня?

Вообще-то, да. Несмотря ни на что, все закончилось тем, что я купил ей кое-что, плюс подарки для ее семьи. Наверно, во мне еще живет оптимистичный осел, который верит, что его мир не остановится.

— Да, — говорю я.

— Что не так? — спрашивает она, глядя на меня. Она поднимается на носочки и целует меня в щеку. — Ты как-то... отстраненный.

— Отстраненный?

— Да. Будто тебя засасывает в болото. Ты весь день ходил по магазинам? После такого каждый погружается в размышления.

— Но не ты, — замечаю я, проходя по магазину и ставя пакеты в углу, чтобы она не заглянула внутрь.

— Нет, но, знаешь что, я скорее предпочитаю интернет-магазины. Тогда не нужно связываться... с людьми.

Я не могу не улыбнуться.

— Довольно интересное замечание от человека, который целыми днями обслуживает посетителей.

— Да, — отвечает она. — Хотя, спасибо Богу за интернет. Знаешь, я вот о чем подумала. Если мой интернет-магазин станет популярнее, чем этот, я прикрою все это дерьмо.

Для меня это новость, но у Стеф вполне серьезный вид.

— Правда? Но ты вложила свое сердце и душу в этот магазин.

Я жестом показываю на все эти крохотные детали, которые она тут добавила.

— Каждый его уголок наполнен твоей любовью.

— Знаю, — отвечает она. — Но и интернет-магазины я тоже люблю. Это будет все та же любовь, только в другой форме. Вот и все.

Я ничего не мог ответить после ее слов и просто смотрел на нее. Она могла перейти от любви к магазину из кирпичей и цемента к любви такого же, но из байтов и пикселей. Но я не мог вернуться от любви к ней, как к женщине, к любви к ней, как к другу. Это не будет тем же самым. Я не смогу вернуться.

— Линден? — зовет она. — Ты снова пропадаешь. Слушай, я же не говорю, что обязательно так и сделаю. Но было бы глупо не попробовать. С помощью интернета я сама смогу всем управлять, а если мне понадобится помощь, будет намного дешевле нанять кого-то для работы на складе, комплектации и доставки всего барахла, вот тебе и система обслуживания клиентов. Это намного проще. Наём персонала— это та еще скука. К тому же, я буду больше зарабатывать, не платя за счета или нереально дорогую аренду. И, знаешь, если бы ты не подтолкнул меня рассмотреть возможные варианты, я бы и не подумала о том, чтобы открыть свой интернет-магазин.

Она подходит ко мне и разглаживает пальцем складку между моих бровей.

— Хватит хмуриться. У тебя такой вид, словно тебе нужно что-то сказать. Просто скажи.

Я не могу этого сделать. Не сегодня. Мне нужно удостовериться, что я попрощаюсь с ней до того, как сделаю это на самом деле.

— Я люблю тебя, — говорю я ей. Я беру в свои ладони ее лицо и заглядываю ей в глаза. — Я так сильно тебя люблю. Но этих слов по-прежнему недостаточно.

Ее глаза сияют в тусклом свете.

— Я тоже тебя люблю, Ковбой, — она берет мои руки и кладет их себе на грудь. — Вот здесь. Два сердца.

Я закрываю глаза и касаюсь ее лба своим. Мне хочется как можно дольше продлить этот момент.

— Давай сделаем сегодня что-то особенное, — шепчу я. — Чего бы ты хотела?

— Все, что угодно? — она задумалась.

Стеф обнимает меня и смотрит мне в глаза.

— Ну, ты знаешь, что мне нравится делать с тобой. Я могла бы попробовать что-то необычное.

Я улыбаюсь.

— Не сомневаюсь, что так и есть. Но для начала, может что-нибудь перекусим?

Она облизывает губы, обдумывая ответ.

— Идем со мной.

Я поднимаю пакеты и беру ее за руку.

Спустя полчаса мы сидим на холме в "Хок Хилле", перед нами вид на залив и Золотые Ворота. Когда я был помоложе, то приводил сюда цыпочек, и они «охали» и «ахали» глядя по сторонам. Этим вечером здесь никого нет. Тут холодно и ветер поднялся, но он несет густой туман близко к воде, так что еще можно разглядеть красно-оранжевый пролет моста, пока туман не спрятал его до конца.

Я взял с собой бутылку красного вина и две чашки для кофе, которые мне дали на заправке, и налил в них дешевого «Мерло». Мы сидим и смотрим на простирающуюся перед нами красоту. Вид невероятно волнующий, насколько это вообще возможно, от городских огней туман светит как радиоактивное солнце.

— Как красиво, — тихо говорит она.

Я смотрю на нее. Это она красивая. Ее идеальный нос, ее выразительные губы и глаза,

которые смотрят в самую душу, и от которых у меня до сих пор перехватывает дыхание.

Я беру ее руку и крепко сжимаю.

Позже мы возвращаемся в ее квартиру и занимаемся любовью. Не торопясь, страстно и пылко. Она кричит, достигнув пика, и я чувствую, будто отдал ей каждую частичку себя, и никогда не потребую их обратно. Теперь она должна хранить их.

Она прижимается ко мне спиной, и я обнимаю её в ответ.

Утром я ее отпущу.

СТЕФАНИ

Я знала, что что-то не так еще до того, как открыла глаза следующим утром. Протянув руку, я почувствовала лишь пустоту. Место, где Линден обычно спал, прижимая меня к себе, даже не было теплым. Его не было уже некоторое время.

Он никогда не уходил, не попрощавшись. Он никогда не уходил, пока я спала. Я начала паниковать, думая, что возможно с ним было что-то не так, что он болен. Но тут я услышала, как на кухне закрылась дверца шкафа.

Немного успокоившись, я глубоко вдохнула и устроилась поудобнее, в надежде поспать еще несколько минут. Он не ушел. Он здесь.

Но даже если так, не похоже, что он собирается вернуться в кровать. Стены в моей крошечной квартире довольно тонкие, и я слышала, как он возится на кухне, но время шло, а он так и не приходил. По какой-то причине я снова начала волноваться.

В конце концов, я встала с кровати и накинула на себя халат, лежащий на корзине для белья. Глубоко вздохнув, я вышла в зал.

Судя по доносившемуся из кухни шуму, я решила, что Линден как обычно готовит завтрак. Но на столе ничего не было кроме пакета миндального молока и наполовину пустого стакана. Хмурый Линден был полностью одет в тонкую черную майку от «Henley» (прим. «Henley» бренд одежды), подчеркивающую все его мышцы, и темные джинсы. Он сидел, опираясь на стойку, и смотрел в никуда. Его челюсти были плотно сжаты, а воздухе повисло тяжелое напряжение.

Моя женская интуиция буквально кричала, что что-то не так, но я изо всех сил старалась успокоиться и дышать ровнее. Что плохого в том, что Линден сидит на моей кухне? Ничего, я просто себя накручиваю.

Но когда я подошла к бару, и он посмотрел на меня, во взгляде Линдена я увидела что-то, чего предпочла бы никогда не видеть. Его темные печальные глаза были полны сожаления.

Я не была уверена, что смогу оправиться от этого удара.

— Линден? — говорю я, улыбаясь, и изо всех сил пытаюсь заставить свой голос звучать ровнее. Я все еще продолжаю надеяться, что все будет хорошо.

— Хэй, — говорит он хрипло, прочистив горло. — Как спалось?

В его глазах нет привычного тепла. Думаю, именно поэтому я чувствую, как мои конечности внезапно немеют.

— Хорошо. А тебе?

Он просто кивает и снова сжимает челюсти, опустив взгляд. Я замечаю, как тяжело он дышит, и перевожу взгляд на его руки. Он с такой силой сжимает стойку, что вены на предплечьях вздулись.

— Милый? — шепчу я, едва дыша. — Что-то не так?

Задержав дыхание, я пристально смотрю на него. Я всматриваюсь в каждый миллиметр его лица, каждый его жест и движение. Я знаю этого мужчину так долго, что легко могу сказать, когда что-то идет не так. А сейчас что-то определенно идет не так, и это ужасно.

У меня было такое чувство, что я уже знаю, о чем пойдет речь. Разве не этого боятся все

те, кто влюблен? Бояться, что однажды их бросят, и никто на этот раз их не поймает? Бояться, что они будут падать, падать и падать целую вечность?

— Линден. Пожалуйста, что такое?

Он надолго задерживает дыхание, и когда он, наконец, резко и громко выдыхает, я едва не подпрыгиваю от неожиданности.

— Я думал, — медленно говорит он, снова и снова пытаюсь прочистить горло. — О нас. О нет.

Черт, нет.

На его губах появляется грустная улыбка, словно он пытается улыбнуться мне сквозь боль от пули в его груди.

— Просто в последнее время стало слишком тяжело скрываться, понимаешь? Эта необходимость прятаться. Я не уверен, что мы можем и дальше так продолжать. Это больше не весело.

Я чувствую себя опустошенной.

— Тогда может нам стоит всем рассказать? И не скрываться больше. Прекратить игру. Я была бы рада прекратить ее.

— Я не могу сделать это с Джеймсом, — говорит он и отводит взгляд.

— Не можешь сделать с Джеймсом что? — спрашиваю я и делаю шаг к нему на встречу. — Линден, Джеймс переживет это. Я обещаю тебе.

Он качает головой.

— Нет.

— Он переживет, — громче говорю я, ненавидя тот факт, что это стало проблемой. — И если у него не получится, то это его проблема, а не наша.

— Я не могу так, — говорит он решительно.

— Не понимаю, — продолжаю я, надеясь, что мне удастся вбить немного здравого смысла ему в голову. — Какая разница, что он подумает? Почему тебя это так сильно заботит?

Он вздыхает, проводя рукой по волосам.

— Ты права, — говорит он нежно. — Ты не понимаешь.

— Так объясни! — кричу я, отчаянно маша руками. — Объясни, что за хрень сейчас происходит. Что ты делаешь? Ты собираешься бросить меня?

Он сглатывает, его кадык тяжело подпрыгивает, но каким-то образом ему удается посмотреть мне в глаза.

— Я думаю, нам надо... мы должны... остаться друзьями. Просто друзьями.

Я раскалываюсь на две части.

— Просто друзьями? — выплевываю я. — Я вообще-то влюблена в тебя, черт возьми. Ты говорил, что тоже любишь меня. Какого черта мы должны быть просто друзьями?

— Не делай все еще хуже, чем есть, — говорит он.

— Да пошел ты. Куда уж хуже! — я начинаю рвать на себе волосы, чувствуя, как меня охватывает слепая ярость. Я борюсь с желанием закричать и говорю, — Просто друзья значит? Я не никогда не смогу быть твоим чертовым другом, Линден. Никогда.

Его взгляд становится резким.

— Ты обещала.

— Нет! — кричу я. — Нет и нет. Это все из-за Джеймса? К черту Джеймса.

— Эй, он и твой друг тоже.

— Мне по хрену, чей он друг — говорю я. — Если он действительно наш друг, то он поймет наши чувства. И если ты действительно меня любишь, то я не понимаю, как ты можешь вот так просто взять и отдать меня ему.

— Это несправедливо! — орет он, тыча в меня пальцем. — Ты даже не представляешь, через что мне пришлось пройти.

Я в шоке.

— Не представляю? Линден, я была с тобой два гребаных месяца, не говори мне, что я чего-то не представляю. И я ненавижу это, — его глаза с ужасом смотрят на меня, но я продолжаю, — Да, иногда я просто ненавижу тот факт, что мы скрываемся ото всех, ты словно стыдишься нас!

— Но это ты хотела держать все в секрете! До тех пор, пока все не выплыло наружу.

— Да, черт возьми, это так, но я ошибалась. Я думала, что все очевидно, когда призналась в любви. Боже, Линден, как это может иметь хоть какое-то значение? Так не должно быть!

Он подавлен.

— Но это так.

Мое лицо краснеет еще больше, квартира словно превращается в печку, мне не хватает воздуха, и я не знаю, что делать. Это ужасно. Я не верю, что все может вот так закончиться. Это не конец. Я не позволю. Я люблю его, нас и все, от чего мы так легко собираемся отказаться.

Я делаю глубокий вдох и чувствую, как дрожу.

— Линден, — говорю я, опуская руку на стойку. — Слушай, я знаю, что это тяжело, но мы должны поговорить об этом. Есть же выход из этой ситуации, я знаю что есть. Тот, при котором никто не пострадает.

Он мотает головой и выходит из кухни. Проходя мимо, он не делает попытки коснуться меня и даже не смотрит на меня.

— Куда ты идешь? — спрашиваю я.

Он хватается за куртку с дивана.

— Все кончено.

— Что за черт? — я подбегаю к нему и хватаю его за руку. Он не двигается и все еще не смотрит на меня. — Что, черт возьми, произошло этой ночью? Как ты мог вот так запросто разлюбить меня? Как ты мог просто перестать... — по моему лицу вот-вот заструятся слезы, рот заполняется слюной.

Наконец он поднимает на меня взгляд.

— Я все еще люблю тебя, Стеф. Я всегда любил тебя. Но пойми, я поступаю правильно.

Мой рот открывается, но я не могу сказать ни слова.

— Пожалуйста, поверь мне, — продолжает он, и его глаза становятся влажными. — Я не хотел, чтобы так получилось, но это то, что я должен сделать. Все к лучшему. Ты и я, мы переживем это. Все пройдет.

Я трясую головой, по моим щекам текут слезы.

— Нет. Нет. Мы не переживем. Я не переживу.

— Тогда просто помни о нас, — говорит он. — И я тоже всегда буду помнить.

Он собирается уйти, но я снова хватаю его за руку, удерживая на месте, и смотрю на него сквозь слезы.

— Линден. Почему? Что ты от меня скрываешь?

Он молчит. Его взгляд блуждает от стены к двери и обратно, он смотрит куда угодно, только не на меня.

— Скажи мне! — кричу я, трясая его руку.

— Он влюблен в тебя! — кричит он и в его голосе столько боли, что я буквально прирастаю к полу. — Джеймс влюблен в тебя. Он порвал с Пенни из-за этого. Он сказал мне об этом. А еще он сказал, что вы переспали в прошлом году... — О нет, нет. — И с тех пор ты еще сильнее проникла ему под кожу. И он чертовски рад, что я так и не заполучил тебя.

— Что? — тупо переспрашиваю я.

— Я солгал ему, — говорит он, стиснув зубы. — Я сказал ему, что никогда не был с тобой. Он спрашивал. У меня не было выбора.

— Ты должен был сказать ему правду.

— И каким бы другом я был?

— Таким, какой есть! — кричу я, и это выглядит так, будто я ударила его. — Иисусе, Линден. Послушай себя. Ты отдаешь меня ему, потому что он решил, будто влюблен в меня? Почему? Просто потому, что ты чувствуешь вину, жалеешь его и ненавидишь себя? Ты ненавидишь сам факт, что ты вообще был со мной? Какого хрена происходит, Линден, что за чертовщина?

Линден молчит.

— Так я права, это так?

Он облизывает губы.

— Я поступаю правильно. Он заслуживает тебя. Не я. У меня есть все. У него нет.

Я хватаюсь за голову.

— О мой бог. Ты себя слышишь? Я не люблю Джеймса. Я люблю тебя. Тебя! Всегда, черт возьми, я любила только тебя. Как ты можешь останавливаться прямо сейчас? Как ты смеешь?

Теперь он выглядит жалко.

— У нас... наши отношения...это...

Я не уверена, о ком он сейчас говорит, обо мне или Джеймсе, но мне не интересно. Я разбита на кусочки и держусь только благодаря собственному гневу.

— Так вотк чему все это. Джеймс сказал тебе, что влюблен в меня. И ты решил отдать

меня ему. Как жертву. Чтобы успокоить собственную совесть. Так он не будет тебя ненавидеть, а ты не будешь ненавидеть себя. Не так ли?

— Нет, — шепчет он. — Пожалуйста, детка...

— Не называй меня деткой, черт побери, — шиплю я на него, делая шаг назад. — И даже не заговаривай со мной больше.

— Нет, Стеф. — он протягивает руку, чтобы схватить меня, но я вырываюсь

— Пошел вон отсюда, Линден! — ору я на него. — Ты гребанный идиот, если думаешь, что можешь сделать это и остаться моим другом. Ты сам затеял эту игру. Что ж, поздравляю. Возвращайся к своему Джеймсу и своей чистой совести. Но не ко мне.

Он выглядит шокированным. Нет, скорее он выглядит разбитым. Он действительно думал, что мы можем вернуться к тому, что было. Но я знаю, если бы он действительно любил меня, то не сказал бы этого.

Я указываю ему на дверь.

— Вон отсюда. И в следующий раз, когда будешь признаваться девушке в любви, потрудись узнать, что значит это слово. Мне кажется, ты даже понятия не имеешь, — я останавливаюсь и наношу решающий удар, — Лучше бы ты вообще не говорил этих слов.

У него перехватывает дыхание, и я вижу, как весь его мир рушится. Но мне наплевать. У меня есть собственные руины, с которыми нужно что-то делать.

Он медленно поворачивается и, замерев на секунду, молча идет к двери. Как только он выходит, я тут захлопываю за ним дверь и закрываюсь.

Пару секунд я просто стою, не зная то ли мне плакать, то ли кричать, то ли еще что. Но тут я замечаю рождественские подарки, до сих пор оставшиеся в нордстромских пакетах. Я хватаю их и кидаю об стену. Отчаянный крик разрывает мои легкие. Коробки падают на пол с глухим стуком, что-то разбивается, но мне все равно. Я пинаю их до тех пор, пока они не становятся похожими на месиво, напоминающее мое сердце. От красивых пакетов и коробок не остается и следа, но мне все равно.

Я падаю на пол и начинаю плакать.

Я плачу, плачу и не могу остановиться.

Будто бы все, что я любила, осталось в прошлом, и я не в силах это изменить.

Следующие несколько дней я делаю то, что мне вообще не свойственно. Я не открываю магазин. Не выхожу из квартиры. Я не моюсь, не одеваюсь, не ем. Я не заряжаю телефон и не включаю компьютер и телевизор.

Я просто лежу. На диване, на кровати, на полу. Я лежу и плачу. Печаль и боль утраты давят на меня сильнее с каждой минутой, я чувствую себя так, словно мне вырвали сердце из груди. Я сломлена. И никогда не стану прежней.

Когда я понимаю это, я начинаю кричать и пинать все, что подвернется. Я проклиная весь мир. Я гнев. Я разочарование. Я жестокая ненависть и холодная скорбь. Тело мучительно скручивает от отчаяния, в моем мире нет больше ни света, ни тепла, ни души.

Я чувствую себя так, будто умерла. Но смерть приносит покой, а я не чувствую покоя, и я все еще не окоченела. Я застряла в этой жизни, но она не такая, какой была пару дней назад.

В этой новой жизни я потеряла все.

На второй день своего затворничества я все еще не заряжаю телефон, не включаю компьютер и не иду на работу. Я так и не сходила в душ, но каким-то образом мне удалось одеться. Я даже слегка прибралась в квартире. Я выбросила все его подарки, но в какой-то момент мое любопытство побеждает, и я выуживаю их из корзины. Усевшись на пол, я открываю каждый порванный пакет.

В одном — разбитая керамическая ваза с лимонами, которые так любит собирать моя мама. Должно быть, Линден купил её для нее. В другом — стальная гильотина. Явно для моего отца.

Затем — маленькая коробочка для драгоценностей. Думаю, это для меня. Не могу открыть ее. Я слишком боюсь, что увиденное еще заставит меня чувствовать себя еще хуже.

Но я открываю ее. Там серебряный браслет с бриллиантами в виде черепов. Он невероятный. Я замечаю надпись, выгравированную изнутри.

Спасибо, что показала мне свою душу.

Я.

Сломлена.

Проведя немало времени наедине со своими мыслями, я прячу браслет поглубже в шкаф, сажусь в машину и еду в Петалуму. Как только я пересекаю мост и страх упасть с него отступает на второй план, на моих глазах наворачиваются слезы. Слева от меня Хоукс Хилл, место, где мы провели нашу последнюю ночь вместе.

Что случилось? Я все еще не понимаю. Может, я никогда не понимала отношений Джеймса и Линдена, может недооценивала чувство вины, которое терзает и преследует Линдена. Может родители обманывали его сильнее, чем я думала.

Но в одном я была уверена. Он меня не любит. Он не знает, что такое любовь. Это не его вина, что за всю свою жизнь он так и не понял, каково это, любить кого-то.

Но мне все еще больно. Сильнее, чем от удара ножом, сильнее, чем от пули в груди. Мое истекающее кровью сердце словно в ловушке, и я никак не могу из неё выбраться.

Когда я подъезжаю к дому родителей, мама встречает меня на улице. Она будто знала. Машины отца нигде нет, должно быть сегодня не день их свидания или как там это у них называется. Не могу сказать, что это к лучшему. Папа всегда может дать ценный совет в подобной ситуации, он всегда говорит четко и по существу, с мужской точки зрения.

Мама заключает меня в объятия, и я тут же начинаю реветь. Она кладет меня на диван и приносит мне немного отцовского скотча. Сквозь рыдания и икоту я пытаюсь объяснить ей, что произошло.

Выговорившись, я не чувствую ни ясности, ни облегчения. Мама так же озадачена, как и я. Когда я немного успокаиваюсь, она садится рядом и похлопывает меня по колену.

— Ему тоже непросто, — говорит она.

Я мотаю головой.

— Не так, как мне.

— Ты не знаешь этого наверняка, милая. Я видела его не один раз. Он любит тебя. Это правда. Но иногда, когда люди прежде не испытывали истинных чувств и у них нет в этом опыта, они могут легко запутаться. Похоже, его отношения с Джеймсом были сложнее, чем ты думала.

Я допиваю оставшийся скотч, испытывая небольшое утешение от жидкости, обжигающей мое горло.

— На первый взгляд у них все было хорошо. Иногда Джеймс обижался на него, и Линден чувствовал, что что-то не так...

— Если Джеймс для него ближе, чем собственная семья, он мог пойти на многое ради него, даже на ложь. Ты порой такая же самоотверженная, как и он.

Я пристально смотрю на нее в ответ.

— Самоотверженная?

— Да. Стремишься угодить. Ждешь одобрения. Нашего одобрения.

Я удивленно приподнимаю брови, но мама лишь тепло улыбается.

— Я все знаю. И я не виню тебя. Думаю, это больше наша с папой вина, чем твоя. Твой брат... он требовал так много внимания.

— Он был болен, мама.

— Знаю. И Нэйт занимал все наши мысли. Мы очень часто отодвигали тебя на второй план. Поверь, это не было преднамеренно или специально. Просто мы видели, что происходит, и надеялись, что ты поймешь нас, когда вырастешь.

— Я понимаю — шепчу я.

— Даже если ты понимаешь, это вовсе не значит, что все в прошлом. Жизнь оставляет шрамы. Иногда ты не видишь их, пока не становится слишком поздно. Иногда ты не знаешь, откуда они берутся. Иногда они исчезают прямо на глазах. Но жизнь накладывает на нас определенный отпечаток. Линден пока просто этого не понял.

Я вздыхаю и откидываюсь назад.

— И что это значит? Что мне теперь делать?

— Если бы я знала, сладкая. Похоже, ему нужен друг. Как думаешь, ты сможешь быть его другом?

— Я хотела бы, — говорю я, чувствуя, как сердце переполняется грустью. — Но не могу. Знаю, это эгоистично, но я просто не могу. Я люблю его и не смогу быть ему просто другом. Он слишком глубоко запал мне в душу.

— Иногда нужно быть эгоистом — замечает она. — Хочешь остаться на ужин?

— Конечно, — говорю я, и мой желудок урчит в ответ. Все что я съела за последние два дня — пакет рисовых крекеров вчера вечером. — Где папа?

— Прилег отдохнуть.

— Отдохнуть?

Она кивает в сторону спальни.

— Я не говорила тебе? Он переехал на прошлой неделе.

— Что? Я не видела его машины снаружи.

— Она сейчас в гараже.

— Так все возвращается на круги своя? — спрашиваю я.

Она улыбается, вокруг её глаз появляются морщинки, а взгляд полон нежности.

— В каком-то смысле да.

ЛИНДЕН

Ходячий мертвец. Вот как ты себя чувствуешь, когда твое сердце разбито. Вот как я себя чувствую после расставания со Стеф.

Никогда в жизни я не испытывал ничего подобного. И искренне надеюсь, что больше не испытаю.

Самое смешное, что это действительно так. Я больше никому не отдам свое сердце. Оно принадлежит Стефани. И так будет всегда.

Теперь в моей груди вместо сердца зияет огромная дыра.

Возможно, я слишком драматизирую, но я так чертовски погряз в этой боли, что просто не вижу пути обратно. В моей душе лишь пустота, которая как бездонная яма затягивает меня все глубже и глубже. Каждый день и каждую минуту.

Говорят, что самое тяжелое после расставания — это ночи. Но для меня нет ничего тяжелее утра без Стефани. Протянув руку, чтобы обнять её и притянуть к себе, я натываюсь на пустоту в том месте, где она обычно спала. Никто не ругает меня, что по утрам я пью апельсиновый сок прямо из пакета. Каждое утро я готовлю только одну порцию омлета, и мне больше незачем ехать в район Mission. Я варю слишком много кофе, просто потому что я разучился варить его только для себя.

Я больше не могу поцеловать её утром на прощание.

Я вообще больше никогда не смогу ее поцеловать.

Я потерял ее. Позволил ей уйти из моей жизни. Окончательно и бесповоротно.

Все для того, чтобы успокоить собственную совесть. Все, чтобы не чувствовать себя так, словно я совершил нечто ужасное.

Впервые в жизни я уступил Джеймсу и теперь начинаю жалеть об этом.

Как я ни старался, все равно все это обрушилось на меня.

Спустя несколько дней после разрыва со Стеф я не мог заставить себя общаться с Джеймсом. Если он начинал цепляться ко мне, я цеплялся к нему в ответ. В конце концов, я начал винить во всем его.

Но накануне Рождества он ни с того ни с сего пригласил меня к себе. Джеймс не работал и предложил выпить у него, а не во Льве, что было странно.

Но я пришел. И даже принес ящик пива, потому что именно так и делают друзья.

Дверь была открыта. Джеймс живет в старом доме без лифта, но у него довольно уютно. Хотя с соседями ему, мягко говоря, не повезло.

— Эй, когда ты уже начнешь закрывать дверь, — говорю я, заходя внутрь и запирая за собой.

Он сидит на спинке дивана и смотрит на меня так, будто все это время ждал моего прихода.

— Что случилось? — спрашиваю я, ставя ящик пива на кухонный стол. В комнате пахнет травкой, но я не могу сказать, под кайфом он или нет — Почему у тебя это безумное выражение на лице, брат?

— Не могу поверить, что ты солгал мне, — говорит он, и его лицо становится устрашающе бледным. В этот момент я понимаю, что все кончено, и как ни странно

чувствую облегчение.

Но как бы то ни было, я пытаюсь изобразить недоумение.

— О чем ты?

— Стефани, — говорит он. Первое, о чем я думаю — черт возьми, она разговаривала с ним? Что она ему сказала? Рассказала, что знает о его чувствах к ней? Что еще?

Она в порядке?

Конечно же она не в порядке. Ты разбил ей сердце, идиот.

— Что с ней? — спрашиваю я, все еще надеясь на лучшее.

— Ты трахал её. Несколько месяцев.

Вот оно что.

Я с вызовом поднимаю подбородок.

— Кто тебе сказал?

— Ее подруга, Кайла, — говорит он. — Она сказала, ты разбил ей сердце. И что ты прикажешь мне с этим делать?

Я даже не знаю, что сказать, и просто молчу в ответ. Мне на самом деле нечего сказать.

— Никаких извинений? — едко спрашивает он.

Точно. Не думаю, что это поможет, но все же.

— Прости, что солгал тебе.

— Конечно, — говорит он, резко кивая. — О'кей. Ты солгал мне, глядя в глаза. Сказал, что никогда не спал с ней.

— Я спал с ней.

— Несколько месяцев.

— Несколько месяцев, — соглашаюсь я.

— Как долго ты влюблен в нее?

— Примерно столько же, сколько и ты.

Он качает головой и натянуто смеется.

— Надо понимать, ты и есть тот парень, в которого она влюбилась. Это ведь ты, не так ли?

Я не мог проглотить застрявший в моем горле огромный ком.

— Я не должен был этого делать. И ни о чем не сожалею, — я делаю паузу. — Но я порвал с ней, потому что не хочу делать тебе больно. Я не знал, что ты любил ее, Джеймс. Пойми наконец.

Его темные глаза превращаются в щелки, напоминая змеиные.

— Но ты подозревал? Ты уже солгал мне однажды, так хотя бы сейчас скажи правду. Ты думал, что у меня остались к ней чувства?

Я киваю.

— Да. Но возможно не так...

Он не дает мне договорит, прицыкивая языком.

— Как банально. Не могу сказать, что удивлен. Я увидел ее первым, но думаю, в конечном итоге она стала твоей.

— Она больше не моя.

Он пожимает плечами.

— И что с того?

Я в шоке.

— Но я же отказался от нее ради тебя. Это что-то да значит.

— Ты отказался от нее ради себя! — кричит он мне, брызгая слюной. — Никогда и ничего ты не делал ради меня. Ты сделал это, чтобы избавиться от чувства вины, хотел почувствовать себя лучше. Думаешь, ты проявил благородство? Поступил правильно? Ты эгоистичный мудака, всего был им и будешь, — он делает глубокий вдох. — Но сейчас ты хотя бы знаешь, каково это. Ты потерял ее. А с этого момента и меня тоже.

Мне было нечего возразить. Стефани уже послала меня, я не хочу слышать это еще и от Джеймса. Молча кивнув, я разворачиваюсь и выхожу из квартиры, оставив Джеймса и ящик пива позади.

Удивительно, на что готовы пойти люди в канун Рождества, если вы хорошенько им за это заплатите. К тому времени, как стрелки часов достигли девяти вечера, я вез свой багаж по одному из терминалов международного аэропорта Сан-Франциско, а все вещи из моей прежней квартиры в данный момент ехали в кузове грузовика по направлению Манхеттена. Мало того, что грузчики проработали весь день, загружая мое барахло (за приличную сумму, конечно), так еще и нашелся какой-то сварливый еврей, который согласился перевезти мои вещи через всю страну.

Сначала я собирался это сделать сам. Но когда прошлым вечером я позвонил отцу и сказал, что собираюсь обосноваться в его в квартире на Манхеттене, он настоял, чтобы я это сделал до Рождества. Которое, как вы поняли, уже завтра.

Это первое Рождество, которое я проведу со своей семьей за последние десять лет. Я даже не знаю, что осталось от того, что когда-то было моей семьей. Но это лучше, чем оставаться в Сан-Франциско, где у меня вообще ничего не осталось. Мой отец был прав — зачем пускать корни, если некуда расти?

Нет Стефани. Нет Джеймса. И хотя я до смерти люблю свою работу, всегда можно найти другую. Манхеттен полон вертолетов, нуждающихся в пилотировании.

Манхеттен полон новых возможностей.

Я сел на самолет, и пока мы взлетали одновременно с другим самолетом, идущим на посадку, я смотрел в окно, пока верхушка Пирамиды Трансамерика и мост Золотые Ворота не скрылись за пеленой тумана.

Мое сердце осталось в Сан-Франциско.

Три месяца спустя

СТЕФАНИ

— Я так рад, что ты дала мне второй шанс.

Я киваю, насаживая на вилку кусочек брокколи, пропитанный сливочным маслом. Если честно, я не слушаю. А стоило бы, потому что мой экс-бойфренд сидит напротив меня, и мы находимся в одном из самых красивых ресторанов города. И да, я больше не испытываю к нему ненависти.

Но все мои мысли сейчас совсем в другом месте. Я часто ухожу в себя с тех пор, как Линден ушел.

Я не совсем уверена, что заставило меня дать шанс Оуэну. Одиночество, наверное. Это то, к чему вся моя жизнь сводилась в последнее время. Острая, ноющая боль и одиночество, которые день за днем разрывали меня на части. Когда Оуэн позвонил и сказал, что никогда не переставал обо мне думать, и что хочет все исправить, я почувствовала, как стена, которую я возвела вокруг своего сердца, дала трещину. Да, он изменял мне все эти годы, да, он скучный бухгалтер, который предпочитает чистую водку. Но мне нужен был кто-то, кто бы говорил, что я нужна ему и что он хочет меня.

Мне нужен был Линден. Но его не было рядом.

Вместо этого Линден должно быть сейчас на Манхэттене, живет в шикарной квартире, которую для него купили родители. По крайней мере, я так думаю. Но на самом деле я ничего не знаю о нем. Я даже не знаю, летает ли он до сих пор или ушел в политику, как его отец, или того хуже, превратился в манхэттенского плейбоя, как его старший брат.

Я не разговаривала с Линденом с тех пор, как он бросил меня прямо перед Рождеством. Все это произошло так быстро. В одну минуту мы кричим друг на друга, а в следующую за ним закрывается дверь. Он будто забрал с собой все осколки наших чувств, оставив мне лишь воспоминания о своей любви.

Если, конечно, он вообще любил меня.

Сейчас конец марта. В Сан-Франциско тепло и солнечно, как и всегда в это время года. Мой бизнес с интернет-магазином развивается все лучше и лучше, и я планирую закрыть обычный магазин, как только истечет срок аренды в октябре. На первый взгляд, у меня все хорошо, но я не могу заставить себя так думать. Не тогда, когда все могло быть еще лучше.

Мои подруги, Кайла и Никола, действительно поддерживали меня все это время, но я чувствую, что скоро даже они от меня устанут. Они постоянно твердят мне забыть о Линдене и двигаться дальше, потому что я молодая, яркая женщина, и весь город может быть у моих ног.

Это не правда, но меня это не особо волнует. Я просто хочу, чтобы все было как раньше. Но это невозможно, увы.

И я прекрасно понимаю, что Оуэн — это не то, что мне нужно. Но по эгоистичным причинам я рада, что сейчас он со мной. Я так устала от одиночества. Оно действительно начинает проникать мне под кожу, заставляя сходить с ума. Я взрослая независимая женщина, но даже мне нужно немного ласки и человеческого общения.

— Стефани? — говорит Оуэн, и я смотрю на него в ответ. У него появились залысины и его уши теперь торчат как у эльфа, он реально напоминает мне стареющего Леголаса. Оуэн разбогател, он работает в собственной бухгалтерской фирме и ведет дела со многими крупными предприятиями Силиконовой долины, но к его чести, он не сильно изменился.

— Извини, — отвечаю я и медленно заканчиваю пережевывать свою брокколи в попытке выиграть время, чтобы подумать. — Я рада, что ты решил позвонить. — Вот так. Надо найти дипломатичный выход из сложившейся ситуации. Может быть, я и одинока, но я не хочу давать ему надежду на что-то большее.

Он улыбается, кажется мой ответ его удовлетворил.

— Хорошо. Забавно, как иногда получается в жизни, не так ли? Некоторые люди приходят и уходят, а некоторые всегда возвращаются.

Да. Но вовсе не те, кого бы хотелось вернуть.

Вдруг из моей сумки раздается звонок мобильного. Обычно я не отвечаю на звонки во время встреч, но сегодня меня не особо волнуют правила хорошего тона. Чем хороши бывшие, с ними так же комфортно, как со старыми поношенными башмаками. Я вытаскиваю телефон, ожидая увидеть имя Николы, решившей поинтересоваться, как я там, и не нужен ли мне план побега, но вместо этого я несколько секунд смотрю на экран, прежде чем до меня доходит, чей это номер.

Кстати о бывших — это Джеймс. Я не разговаривала с Джеймсом с декабря. Я не могла его видеть, когда узнала о его чувствах и о том, что именно он стал причиной нашего разрыва с Линденом. Я потеряла их обоих, его и Линдена.

— Прости, я должна ответить, — говорю я, бросив на Оуэна извиняющийся взгляд, и беру трубку. Джеймс никогда не позвонил бы мне просто так, это что-то важное.

— Алло?

— Стефани! — говорит Джеймс. — Ты видела новости?

Его голос слишком тихий и серьезный, я чувствую, как по спине ползет холод.

— Что? Нет, извини, я ужинаю.

— Понятно, — говорит он, и я думаю, что он положит трубку, но вместо этого он продолжает. — Мне жаль, что я говорю тебе это вот так, но ты должна знать. Произошел несчастный случай.

Тук. Тук. Тук. Мое сердце сейчас вот-вот остановится.

О, Боже.

Не может быть.

— Что? — шепчу я, боясь услышать то, что он скажет.

— Линден. Его вертолет разбился.

— Что?! — кричу я. На меня смотрит весь ресторан, но мне нет до этого дела. Холод в моей душе становится все сильнее. Я судорожно втягиваю воздух, боясь пошевелиться или вздохнуть. Чем дольше я молчу, тем дольше я не услышу эту ужасную новость, из-за которой мой мир может рухнуть еще один раз.

— Я не знаю, что случилось, — говорит Джеймс. — Но я думал, ты в курсе.

— Он жив? — шепчу я, чувствуя, как меня охватывает настоящая паника.

— Да, — говорит Джеймс, и я чуть не падаю со стула от радости. Я замечаю, что Оуэн сидит рядом со мной и держит меня за руку, а все вокруг смотрят только на меня. — Да, думаю, он в порядке. Ну, вернее, не совсем в порядке. У него сломана нога, ребра, рука. Сотрясение мозга и рваные раны. Но он жив.

— Как ты узнал?

— Его брат, Брэм, позвонил мне. Наверно, он думал, что мы все еще...

Друзья, вот что хотел он сказать.

— Да, — понимающе говорю я, в то время как Оуэн трясет меня за плечо, спрашивая, в порядке ли я. Но я не обращаю на него внимания, полностью сосредоточившись на звонке, словно это последняя ниточка, связывающая меня с Линденом.

— Хочешь навестить его? — спрашивает Джеймс.

— Что?

Прочистив горло, он повторяет.

— Ты хочешь поехать навестить его? Он в больнице, в Нью-Йорке.

— Что? Когда?

— Сегодня. Вылет ночным рейсом. Я... Я посмотрел расписание в интернете, когда узнал обо всем. Брэм сказал, что будет хорошо, если мы приедем, у Линдена там нет никаких друзей. Он велел написать ему, как только мы доберемся.

— Ты полетишь? — спрашиваю я, чувствуя, как сердце колотится все громче и громче. Мне поехать?

Подождите. Что за глупый вопрос.

— Думаю, мне нужно извиниться перед ним. За многие вещи.

Я сглатываю и киваю.

— Да. Мне тоже.

— Так ты полетишь, если я забронирую нам билеты? Вылет в одиннадцать из аэропорта Сан-Франциско, компанией Virgin America. Я зарегистрирую нас.

— Да, конечно. Я домой, захвачу кое-какие вещи. Скоро увидимся. — Я делаю паузу и говорю, — Спасибо, что позвонил, Джеймс.

— Нет проблем, Стеф.

Я кладу трубку и смотрю на Оуэна. К счастью, остальные посетители снова вернулись к своим блюдам, но Оуэн выглядит действительно обеспокоенным. Я его не виню.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Ты помнишь моего друга Линдена?

Он слегка вздрагивает. Уверена, что он помнит Линдена.

— Да.

— Произошел несчастный случай. Он в больнице, в Нью-Йорке. Я собираюсь полететь ночным рейсом, чтобы навестить его. Мне очень жаль, — говорю я ему, после чего встаю. — Я не хотела, чтобы наша встреча вот так закончилась.

— Знаешь, если ты не хотела меня видеть, могла бы просто сказать об этом. Необязательно придумывать план побега.

Я кладу руку ему на плечо и говорю, — Пожалуйста, прости. Это не ложь. Я должна идти.

Он кивает.

— Я расплачусь и отвезу тебя домой. — Оуэн поворачивается и подает знак официанту. — Знаешь, — говорит он, повернувшись ко мне, — ты чертовски хороший друг.

У меня нет сил даже улыбнуться. Не уверена, кто я теперь Линдену. Но я точно знаю, что мне нужно увидеть его. Иногда второй шанс достается совершенно другому человеку.

Даже несмотря на то, что прошло всего несколько месяцев с тех пор, как я в последний раз видела Джеймса, было непривычно видеть его снова. Но когда я нашла его у стойки Virgin America, первое, что я сделала, крепко его обняла. Когда он мгновение спустя обнял меня, я облегченно вздохнула. Почти как в старые времена. После всего того, через что нам пришлось пройти, я действительно скучала по нему.

— Эй, — говорю я, отстраняясь.

— Эй, — отвечает он, окидывая меня оценивающим взглядом. — Ты хорошо выглядишь.

Я слабо улыбаюсь ему в ответ. Мои волосы немного короче плеч, и я снова перекрасилась в черный.

— Спасибо. Как и ты.

И говорю это вовсе не из вежливости. Джеймс правда хорошо выглядит. Его короткие волосы беспорядочно уложены с помощью геля, а на лице легкий след от загара.

— Недавно был в отпуске? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Ездил в Мексику на пару недель в феврале.

— Везет тебе. Круто должно быть уехать куда-то, сменить обстановку. — Из чистого любопытства, я решаюсь спросить, — С кем ездил?

Ему требуется время, чтобы ответить.

— С Пенни.

Я широко улыбаюсь. — Я так рада. Вы снова вместе?

Повисает неловкая пауза, по крайней мере мне она кажется неловкой, ведь я знаю, почему они расстались. Он тоже знает, но по тому, как он смотрит на меня, я понимаю, что он не в курсе относительно моей осведомленности.

— Да, — отвечает он. — Мы всего лишь решили взять небольшой перерыв. И нам это пошло на пользу.

— Супер. Я так рада за вас. — И это действительно так. После всего, что произошло, я все равно желаю Джеймсу счастья. В жизни всякое бывает. Кроме того, мне правда нравится Пенни.

Вскоре мы переходим к светской беседе, обсуждая более безопасные темы. Мы успеваем обсудить хоккей, бизнес и невероятные истории из жизни Сан-Франциско, прежде, чем замечаем, что мы уже высоко в воздухе на пути к другому концу континента.

К несчастью, я не могу уснуть в самолете, а этот к тому же набит почти до отказа. Я сижу у окошка, Джеймс занял место рядом со мной, я рядом с ним расположилась дама азиатской наружности, которая в данный момент мирно похрапывала.

Я слушаю музыку, пока мой телефон не садится. Убрав его, я молча сижу, сложа руки, и смотрю в темноту, простирающуюся за бортом.

— Стеф, — шепчет Джеймс. — Ты спишь?

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него. — Ты должно быть видел, как я только что убрала телефон.

Он пожимает плечами, задевая меня. — Может, ты одна из тех людей, которые засыпают сразу же, стоит закрыть глаза.

— По-моему, их называют нарколептиками.

Он кивает, его глаза сияют в темноте. — Прости, что не купил билеты в первый класс. Я всегда думал, что когда повзрослею, то всегда буду летать бизнес-классом.

— Да, но для этого нужно немало зарабатывать. Мы оба занимаемся собственным бизнесом, и вполне самодостаточны, но все не так просто. Не знаю, как ты, а я до сих пор не могу похвастаться внушительным банковским счетом.

— Я знаю. Но все же.

— Перестань. Нам просто как можно скорее нужно увидеть нашего друга. Не важно, как мы к нему доберемся, главное побыстрее. — Я так хочу, чтобы этот самолет увеличил скорость раза в три, но... Что я скажу Линдену, когда увижу его?

— Да, — тихо говорит он. — Послушай... Я долго держал это в себе, но чувствую, что пришло время рассказать обо всем, потому что это не дает мне покоя.

О, Боже. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не говори мне, что ты все еще любишь меня. Я понимаю, как это эгоистично с моей стороны, но я просто не смогу с этим справиться, особенно после того, как Джеймс рассказал мне о возобновлении своих отношений с Пенни.

Я ничего не отвечаю, но что бы я ни сказала, он все равно вывалит все это на меня. Поэтому я быстро говорю, — О чем ты?

— Я знаю, почему Линден порвал с тобой.

Поток давно забытых эмоций вновь обрушивается на меня. Я стараюсь дышать и спрашиваю, — Почему?

— Из-за меня. Это я заставил его.

Я не знаю, что сказать, потому что мне известны некоторые вещи, которые мне знать не следовало, но для меня эта новость как гром среди ясного неба.

— Ты заставил его?

— Я думал, что все еще влюблен в тебя.

Я удивленно распахиваю глаза. Нет, не из-за шока, а потому что ему хватило смелости сказать мне об этом.

— Э-э-э-ммм.

Он быстро улыбается.

— Расслабься. Ключевая фраза, думал, что был. Но это не так. Я не влюблен в тебя и тогда не был. Да, я хотел, чтобы это было именно так, потому что у меня с тобой было то, чего никогда не было у Линдена. — Так ладно, похоже, это только верхушка айсберга. — Знаешь... Я сказал Линдену после того, как вы расстались, что с самого начала знал о вас и том, что вы спите вместе.

Он знал?

Джеймс продолжил.

— Я сказал ему, что твоя подруга Кайла рассказала мне. Да, это правда. Она была изрядно пьяна, так что не вини ее. Я напоил ее и разговорил, когда мы были в «Льве». Но дело в том, что я всегда это знал. Когда я увидел, как вы целовались тогда на «Sea Ranch», я все понял. И когда за неделю до этого я застукал вас в коридоре, уже тогда я начал что-то понимать. Да еще это ваше соглашение. Знаешь, думаю я знал о ваших чувствах друг к другу больше, чем вы сами. И все это время я лишь наблюдал за всем со стороны.

Я не могла поверить в то, что я слышу.

— Ты знал все это время? — выкрикнула я и тут же понизила голос, испугавшись перебудить весь самолет.

— Это было довольно очевидно. И черт, я ненавижу Линдена за это. И тебя от части тоже.

— Но почему?

— Ну, я чувствовал, что ты с самого начала хотела Линдена, а пришлось довольствоваться мной. Линден же всю жизнь получал все, что захочет. В отличие от меня. Я так чертовски устал от этого.

— Но ты же знаешь, что это не так.

— Да, знаю. Но я погряз в своей ревности и не хотел видеть дальше собственного носа, мне просто нужен был козел отпущения. Так почему бы им не стать моему лучшему другу? Я знал, что вы вместе. Это было так очевидно. Камера поцелуев. Вы оба то и дело исчезали. А то, как вы касались друг друга, разговаривали друг с другом, когда думали, что никто не видит. Но я всегда видел.

Я тревожно ерзаю на своем месте.

— Это немного странно, Джеймс.

Он кивнул.

— Да. Это так. И это разъедает меня изнутри. Я начал убеждать себя в том, что все еще люблю тебя. Знаешь, когда мы тогда переспали у тебя в магазине, это был просто секс. И ничего больше. Но позже я сказал себе, что это гораздо больше, чем просто секс. Скорее я был влюблен в саму идею, иметь что-то, чего не мог иметь Линден. Поэтому я украл тебя у него, просто чтобы он знал, каково это потерять что-то.

Мне стало так противно от его слов.

— Это ужасно, — говорю я, отворачиваясь от Джеймса к окну. — Seriously, каким муляжом надо быть, чтобы так поступить.

Его глаза сверкали в этом темном салоне самолета.

— Знаю, я поступил просто ужасно. Я — муляж. Я всегда во всем обвинял Линдена и в итоге разрушил все то, что связывало нас друг с другом. Но хуже всего то, что я разрушил ваши отношения, отношения, о которых я всегда мечтал. И я никогда не прощу себе этого.

— Так ты летишь в Нью-Йорк, чтобы извиниться?

— Я лечу в Нью-Йорк, потому что я должен сказать, что мне жаль. Мы почти потеряли его сегодня, и я должен сказать ему это в лицо. Мне чертовски жаль. Я люблю его и скучаю по нему. И я очень хочу, чтобы мой друг вернулся.

Как бы мне ни хотелось возненавидеть Джеймса в эту минуту, когда я вижу слезу, скользящую по его щеке, я понимаю, что не могу. Да, он облажался. Но он искренне раскаивается и ему сейчас так же больно, как и мне.

Он быстро вытирает слезу и говорит, — А больше всего я хочу снова увидеть вас вместе. Вы двое просто созданы друг для друга, вы просто обязаны быть вместе.

Я печально вздыхаю и откидываюсь на спинку кресла.

— Да. Но Линден даже не пытался бороться за меня.

— Я не думаю, что Линден знает, что такое борьба, — говорит он.

— Возможно, кто знает. Но думаю, я этого заслуживаю. Я хочу кого-то, кто боролся бы за меня и верил в меня. Верил в нас и нашу любовь. Звучит глупо, но... когда в твоей жизни есть любовь, ты должен в неё верить. Не думаю, что Линден знает, какого это, а я считаю, что мне нужен тот, кто знает.

Он кивает.

— Да. Я понимаю. Послушай... Порой извинений недостаточно, чтобы все исправить, но я буду стараться. Знаю, то, что я сделал, было ужасно эгоистично, но я чертовски злился из-за того, что был никем по сравнению с Линденом.

— Но ты же понимаешь, что в этом нет вины Линдена, — замечаю я. — Проблема в тебе, а не в нем. Он был хорошим другом. Может, не самым лучшим, но нельзя все делить на черное и белое. В жизни не все так просто, как и в любви. Он просто... Я любила его. Джеймс. И до сих пор люблю. И мне хочется верить, что он, по крайней мере, пытался любить меня так, как мог. Он никогда не хотел причинить тебе боль. Он всегда думал о тебе и беспокоился за тебя. Линден очень старался быть хорошим другом для тебя, но в какой-то момент все пошло не так и нам пришлось делать нелегкий выбор.

Джеймс молча слушал меня, прикусив нижнюю губу. Затем он тяжело вздохнул и добавил, — Я знаю. Я чувствую себя таким...

— Большим бестолковым ребенком? — добавляю я.

Он награждает меня улыбкой. — Знаешь, я всегда жаловался на то, что мне пришлось рано повзрослеть, но... Я не уверен, что я действительно повзрослел.

Я не решаюсь спорить с ним по этому поводу, но бросаю ему «наживку».

— Думаю иногда, когда ты становишься старше, твоя дружба не развивается так, как тебе того бы хотелось. — Мне стоит добавить, что ему не следует быть к себе строгим, но думаю, немного строгости ему не повредит. Возможно, я тоже не совсем повзрослела

— Почему все так чертовски сложно? — говорит он.

— Да уж. Чертовски сложно!

Не знаю как, но мне все-таки удалось заснуть на час или два, потому что когда шасси самолета соприкоснулись со взлетной полосой аэропорта Кеннеди, я судорожно вскочила. Только потом я вспомнила, где я, с кем, и кого мы скоро увидим.

Линден. Мое сердце сжалось при мысли о нем, лежащим на больничной койке. Интересно, его родители там — Брэм, его брат, позвонил Джеймсу, и это хороший знак, — но я то знаю, что они не смогут дать ему ту любовь и поддержку, в которой он так нуждается. Интересно, как все произошло? Ему было страшно? Насколько опасны его повреждения? И захочет ли он видеть меня или Джеймса? Я думала о том, было ли это началом второго шанса для нас или всего лишь последний шанс попрощаться?

Как только мы приземлились, Джеймс сразу же отправил сообщение Брэму. Он одаривает меня обнадеживающей улыбкой, когда мы, забрав наши сумки, шагнули в проход. — Ты готова? — спросил он.

Я кивнула. Он на мгновение сжал мою руку, но даже этого было достаточно. Джеймс подарил мне утешение и немного сил.

Было странно вдруг оказаться на Манхэттене. Легендарные небоскребы, улицы, которые похожи на туннели. Манхэттен — это место, где жизнь бурлит во всех смыслах. Я была здесь однажды с Кайлой, но одни выходные в Нью-Йорке это ни о чем. Я все еще до смерти люблю Сан-Франциско, но если и есть на свете город, который может побороться с Сан-Франциско за место в моем сердце, то это Нью-Йорк.

Мы поймали такси и вскоре оказались перед крыльцом кирпичной больницы. Я собиралась в спешке этой ночью, и моя сумка была довольно легкой, поэтому я просто носила её с собой. Мы мгновение подождали снаружи, пока Джеймс набирал сообщение Брэму, чтобы сообщить, что мы здесь, морозим наши задницы у входа. Март в Нью-Йорке и март в Сан-Франциско — две совершенно разные вещи.

К счастью, вскоре появляется Брэм и быстро идет напрямик к нам. Он почти вылитый Линден, разве что немного выше и чуть стройнее, с необыкновенными глазами серого цвета, а не темно-синего, как у Линдена. У Брэма были точно такие же густые темные волосы, последний раз, когда я его видела, они были покрыты толстым слоем воска и лака. Сейчас он выглядел растрепанным и взлохмаченным, словно его руки то и дело пробегались по волосам. Брэм явно волнуется. И меня это беспокоит.

— Привет, — говорит Брэм, и его акцент почему-то сейчас был сильнее, чем у его брата. Одно мгновение он выглядит так, словно не уверен в том, что ему делать. Наконец, Брэм притягивает меня в свои объятия. — Спасибо, что приехала, Стефани. — Затем он сдержанно кивает Джеймсу. — Спасибо, что привез ее.

— Нет проблем, — быстро отвечает Джеймс. — Как он?

Брэм вздыхает и направляется к крыльцу. Мы молча идем за ним следом. — Ему уже лучше. У него сотрясение мозга. Ему дают морфин от боли.

— Господи, — я перекрестилась.

— Да, — говорит он. — Он не очень хорошо выглядит. Но это скорее плюс, чем минус. — Очевидно, это была шутка, но мне было не смешно. Я не очень хорошо знаю Брэма, но то, что я о нем знаю, мне не очень нравится, но я бы никогда не подумала, что эта ситуация может так на него повлиять. В каком-то смысле это хорошо — у Линдена, возможно, будет больше любви и поддержки, чем он думал.

— А ваши родители, они здесь? — спрашиваю я, когда мы заходим в лифт вместе с медсестрой.

Он кивает.

— Да. Они были здесь. Мама сейчас дома, э-э, отдыхает, а папа где-то внизу по улице. Не знаю, возможно он встречается с кем-то или пытается достать какую-то еду кроме той отвратительной пищи, которую здесь подают, — он смотрит на медсестру, — без обид, дорогая. — Он оглядывается на меня и улыбается, — Но он здесь.

Мы вышли на этаже, где пахло гораздо свежее и было чище, чем на других. Пока Брэм вел нас по коридору, я заглядывала во все открытые двери. Это были частные палаты, которые должно быть стоили целое состояние. Ну, хотя бы сейчас деньги МакГрэгоров оказались полезны.

Наконец, мы останавливаемся перед закрытой дверью, и Брэм делает глубокий вздох, прежде чем открывает ее.

У меня на глазах появляются слезы.

Линдена с трудом можно узнать. Он выглядит просто ужасно — его голова забинтована, все лицо в синяках и царапинах, а левые нога и рука загипсованы. Он выглядит настолько маленьким, лежа на этой постели, что мне трудно поверить, что это действительно Линден.

Но это он. Его глаза закрыты, похоже он сейчас спит. Нам стоит вернуться позже, когда он проснется?

Джеймс берет меня под локоть и медленно ведет вперед. Словно я забыла, как ходить.

— Линден, — говорит Брэм, подходя к кровати и вглядываясь в лицо своего брата. — У тебя гости, брат.

Голова Линдена поворачивается, его глаза слабо мерцают, он с трудом дышит.

— Правда? — шепчет Линден. Он все еще не поднял голову и не открыл до конца глаза.

Брэм смотрит на меня с надеждой.

Прочистив горло, я подхожу ближе. Я беру Линдена за руку, но не знаю, что сказать. Но,

оказывается, мне ничего не нужно говорить. Он медленно и осторожно поворачивает голову и открывает глаза, чтобы посмотреть на меня. Его прекрасные глаза рождают настоящий вихрь чувств в моем сердце.

— Стеф? — шепчет он и хмурится. — Ты настоящая?

Я улыбаюсь. Наверное, самой печальной улыбкой, на которую я способна. — Да. Я приехала, как только узнала. Мы оба приехали. — Я отодвигаюсь, чтобы он мог увидеть Джеймса, стоящего рядом со мной.

— Эй, приятель, — тихо говорит Джеймс.

Линден хмурится еще сильнее. Очевидно, что мы оба были последними, кого он ожидал увидеть. — Привет.

— Ладно, я оставлю вас, ребята, — говорит Брэм, направляясь к выходу из палаты.

Джеймс направляется за ним следом. — Я тоже пойду. Вернусь позже. Вам нужно побыть наедине.

Ситуация становится еще более неловкой. Я смотрю им в след, когда они оба исчезают в коридоре.

Я судорожно сглатываю и поворачиваюсь к Линдену со стеклянным взглядом. Моя рука все еще лежит на его. Он обхватывает мои пальцы и, поморщившись, слегка сжимает. Я чувствую себя как дома.

— Я до сих пор думаю, что это сон.

— Нет, — тихо говорю я. — Это не сон. Джеймс рассказал мне, что произошло. Мы прилетели ночным рейсом. Ты выглядишь... что случилось?

Линден по-прежнему смотрит на меня, но из-за лекарств он выглядит сонным, я вижу, как он пытается вспомнить. — Был сбой, мне сказали, что произошло короткое замыкание, но я не уверен. — Он облизывает губы, медленно выдыхая. — К счастью, никого не было на борту. Я должен был взять пассажиров на экскурсию. Я сейчас работаю в туристической компании, и это был новый вертолет. Я взял его просто, чтобы посмотреть, как он работает. Я помню свет, исходящий от здания аэропорта. Помню, как начал падать. Я помню... едва оторвавшись от земли. Может, футов тридцать. Тогда это показалось мне так высоко. Я знал, что падаю, но... Я на самом деле не помню аварию. Я проснулся здесь. Видел новости. Куча пылающих обломков. Я действительно не знаю, как мне удалось выжить. Мне повезло.

Я была в ужасе. Он снова сжимает мою руку и говорит, — Не могу поверить, что ты здесь.

— Поверь, ковбой.

Он улыбается, но тут же закрывает глаза, напрягаясь от боли.

— Тебе дать отдохнуть? — спрашиваю я.

— Нет, — быстро говорит он, продолжая держать глаза закрытыми. — Просто кружится голова. У меня сотрясение мозга и лекарства... сказочные препараты... но все время словно под водой. — Он открывает глаза и смотрит на меня. — Пожалуйста, не уходи. Расскажи мне. Расскажи, как ты. — Он делает глубокий вздох. — Черт, я так скучал по тебе, Стеф.

У меня снова на глазах появляются слезы. Я не хочу сломаться. — Я тоже скучала по тебе. Это было... это было трудно. Без тебя не очень-то весело.

— Мне очень жаль, — говорит он. — Правда. Я... Я поступил неправильно. Это неправильно. Я... — он делает паузу и резко выдыхает, сжимая челюсти. — Черт. Как же больно. Больно каждый божий день".

— Может тебе нужно еще болеутоляющих? — спрашиваю я, ища кнопку вызова

медсестры.

— Нет, — говорит он, и его глаза вновь сверкают, он явно проснулся. — Нет. Я говорю не об этой боли. Я говорю о той боли, что я причинил нам обоим, когда уехал. В моей жизни была любовь, а я от неё отказался, словно она ничего не стоила, тогда, когда она стоила всего. Я разбил свое гребаное сердце и разбил твое. Каждый день я чувствую внутри себя эту трещину, и не важно, сколько прошло времени, она ни черта не заживает. Дни проходят, но лучше не становится, Стеф... Мальвинка... Мне так чертовски жаль. Я разрушил все, что у нас было. — Он закрывает глаза и кивает. — Я этого заслуживаю.

— Не говори так, — отвечаю я. — Серьезно, прекрати. Да, мы все облажались, но никто не заслуживает того, чтобы попасть в аварию на вертолете. Никто не заслуживает этого, особенно ты. Люди делают ошибки, я делаю их. Мы просто были не теми, кем я надеялась будем.

— Нет, не были. Мы были лучше. — Он улыбается. — Вместе мы были лучше. Вот почему теперь так больно.

Раздается стук в дверь, и я поворачиваюсь, увидев стоящего в дверях Джеймса. Уже второй раз за последние двадцать четыре часа мне хочется его пнуть.

— Извини, — говорит он, и это звучит довольно жалко. — Медсестра сказала мне, что часы посещения вот-вот закончатся. Я просто хотел сказать ему несколько слов.

Я киваю, но Линден сжимает мою руку еще крепче. — Пожалуйста, не уходи, — говорит он хрипло, пытаюсь удержать меня. — Ты нужна мне.

Он на самом деле так думает? Или он просто пребывает в наркотическом блаженстве, или стал чрезмерно эмоционален, потому что столкнулся со смертью лицом к лицу? Я забыла, что теперь он живет здесь. Я все время забываю, насколько все изменилось.

— Все будет хорошо, — говорю я ему. Нехотя отпустив его руку, я ухожу, чтобы Джеймс мог заключить свое перемирие. Я предупреждающе стреляю в него взглядом, когда прохожу мимо. Не знаю, что Джеймс собирается сказать, но если он попросту вывалит все на Линдена, как он сделал это со мной в самолете, то я не уверена, что Линдену хватит сил с этим справиться.

Джеймс кивает, понимая. Я оглядываюсь назад, чтобы увидеть Линдена, смотрящего мне в след с еще большей тоской, чем раньше. Я выхожу в холл и в нескольких метрах от меня замечаю Брэма вместе с каким-то довольно ухоженным мужчиной в возрасте.

— Вы должно быть Стефани? — говорит мужчина с чересчур изысканным шотландским акцентом и протягивает мне руку. — Я отец Линдена.

— О, здравствуйте, — говорю я ему, радуясь шансу наконец увидеть эту знаменитую персону. Его отец высокий, красивый, с тщательно уложенными волосами и блестящими глазами. Я точно могу сказать, от кого его сыновья унаследовали свой взгляд. Яжимаю ему руку со всей твердостью, на которую способна, желая произвести впечатление. — Рада, наконец, встретиться с вами.

— Да, — говорит он. — Я тоже рад, наконец, встретиться с вами, знаменитая Стефани Робсон.

Я фыркнула. Не очень-то женственно. — Знаменитая?

Он обменивается взглядом с Брэмом. — Линден много рассказывал о тебе все эти годы.

— Он что? — Линден вообще редко разговаривал с родителями.

— Да. Он всегда так или иначе упоминал о вас. И с тех пор, как он переехал сюда, ну... он часто вспоминал о вас. Приятно наконец сопоставить такое прекрасное лицо с таким

милым именем.

Линден говорил обо мне с отцом после всего, что произошло? Пока я размышляла над этим, отец Линдена положил руку на плечо Брэма и сказал, — Я еду домой забрать вашу мать. Вернусь позже. — Он слегка кланяется мне. — Был рад встрече с вами. Надеюсь увидеть вас когда-нибудь снова.

— Да, конечно, — говорю я и смотрю, как он уходит.

— Эй, — зовет меня Брэм. — Не знаю, как долго ты пробудешь в Нью-Йорке, но не хочешь ли выпить кофе, пока мы ждем Джеймса? Рядом есть хорошее местечко.

Я киваю. Думаю, это лучше, чем оставаться в больнице. Проблема в том, что я должна вернуться в Сан-Франциско в ближайшее время, чтобы открыть магазин. Я не могу позволить себе закрыть его прямо сейчас.

Когда мы выходим из больницы, я думаю лишь о том, будет ли у меня шанс попрощаться.

ЛИНДЕН

Помню однажды, когда я был ещё совсем мальчишкой, я пошел на конюшню помочь маме. На самом деле, я не то, чтобы помогал, скорее просто околачивался вокруг. Няня взяла выходной, и нашей бедной мамочке пришлось присматривать за мной и Брэмом, а мы если честно были ещё той парочкой засранцев. Брэм забирался на верхушку сеновала и прыгал вниз на тюки, в то время как я прятался в лошадиных стойлах и с криком выскакивал наружу.

В тот день я ходил за мамой по пятам, словно тайный шпион. Я знал, что её раздражали наши игры в то время, как она пыталась работать, поэтому я, типа, просто держался поблизости. Помню, как наблюдал за ней, поражаясь, что же это за лошади такие, которых она, кажется, любит намного больше, чем меня.

В тот день она возилась с годовалым жеребенком, которого, как я помню, собиралась продать. Помню, это была кобылка, и иногда я фантазировал, что однажды она будет моей. Казалось, мама уделяла ей гораздо больше внимания.

Когда она ушла проверять других лошадей, я прокрался в стойло кобылки. По-моему, её звали Эпплтон. Сейчас я понимаю, что имена бедным лошадям давали не иначе как после пары бутылок рома. Хотя, опять же, тогда это имя казалось классным.

Я гладил её так же, как это делала мама, но в этот момент Брэм упал где-то в ангаре. Это напугало кобылку, и она взбрыкнула, ударив меня прямо в голову. Само собой, я стоял не там, где положено.

Всё, что я помню, это взрыв, ослепляющая вспышка, а потом все исчезло и наступила крошечная темнота. Когда позже я очнулся, меня осматривал ветеринар. Видимо, его позвать было проще, чем везти меня в больницу.

Большую часть своей жизни я думал, что это самая пугающая вещь, которая случилась со мной. Но теперь всё изменилось.

Пережить крушение вертолета — вот самая ужасающая вещь, случившаяся в моей жизни. Конечно, это всем покажется очевидным. Подобная авария и должна быть одной из самых травмирующих вещей, которые могут произойти в чьей-то жизни, но, к счастью, это происходит довольно редко. Вот только меня встряхнула не сама катастрофа, и даже не мои переломанные кости. Нет, даже близко нет.

Всё случилось позже, когда я очнулся в больнице и понял, что нет на земле ни одного человека, в котором бы я нуждался. Я был один, может и не физически — мой отец с братом были рядом — но в душе я был один. Моё сердце по-прежнему принадлежало кому-то другому, а я мог умереть, так и не увидев этого кого-то, точнее её, снова.

Именно тогда отчаяние и боль последних месяцев разом навалились на меня, продолжая давить на мою истерзанную душу до тех пор, пока мне не осталось ничего другого, кроме как подчиниться. Подчиниться опустошающему чувству утраты. Подчиниться тому нелепому выбору, который я сделал.

Это была ошибка.

Я рыдал, в самом деле, рыдал в ту первую ночь. Все думали, что мне больно и накачивали меня наркотиками, только вот они не могли справиться с той болью, которая

терзала меня изнутри. Катастрофа осталась позади, но внутри я продолжал ломаться снова и снова.

Всё из-за Стефани, женщины, которую я потерял, женщины, которую я выбросил из своей жизни.

И ради чего? Ради собственной совести? Ради гордости?

Ради ничего! Всё было напрасно.

Ничего — это черная дыра, затягивающая в бесконечность.

Когда Стефани появилась у моей постели, я подумал, что это сон. Не бывает так, что ты отчаянно хочешь чего-то, и буквально на следующий день это происходит. Я ведь не гребаный джин.

Только это был не сон. Что же это?

Я смотрел на Джеймса и понимал, что он не тот человек, которого я хотел сейчас видеть. Человек, который только что оставил меня снова. Человек, который по-прежнему владел моим чертовым сердцем.

— Стеф действительно была здесь? — спросил я. В горле драло так, будто я проглотил наждачную бумагу. Комната продолжала вращаться, словно меня закинули в стиральную машинку. Может мне и правда все это приснилось? Откуда мне знать?

Но Джеймс кивнул.

— Да, она была здесь.

Тогда почему мне всё ещё больно?

— Слушай, я догадываюсь, что я последний человек, которого тебе хочется видеть, — сказал он.

Я хмурюсь, и это вновь вызывает вспышку боли в моей голове.

— Вообще-то, я думал, что это я последний человек, которого ты хочешь видеть. — Учитывая то, что между нами произошло, я вообще в шоке, что Джеймс здесь.

А тем более Стеф. И тут я начинаю все понимать, но до последнего надеюсь, что это ошибка. Они теперь вместе? Джеймс все же добился её? Она снова с ним?

И это сделал я?

Мое сердце болезненно сжимается. И во всем мире не хватит морфина, что его успокоить.

Джеймс, почесав голову, вздыхает и садится на пластиковый стул рядом с кроватью.

— Линден. Я собираюсь сказать тебе что-то, и это будет непросто.

Гребаный дьявол. Я прав, разве нет?

— Хорошо, — говорю я. Получается едва слышно из-за шума крови в ушах.

— Ты захочешь меня убить.

— Звучит заманчиво.

— И, возможно, сейчас не самое лучшее время говорить тебе это, но, если я не скажу, тогда ты уже никогда не окажешься там, где ты должен быть. А ты знаешь, где должен быть, я прав? Ты должен вернуться в Сан-Франциско и быть с ней.

Так, ладно. Мне потребуется некоторое время, чтобы переварить услышанное. Это, мягко говоря, не совсем то, что я ожидал от него услышать.

Он с трудом сглатывает.

— Я говорил тебе, что был влюблен в Стеф. И знаешь что? Так оно и было. Когда мы были вместе, я действительно любил её. Но после того, как мы расстались... мне с большим трудом удалось отпустить её. Как бы то ни было, даже после того, как мы переспали, ничего

не изменилось. Не то, чтобы я лгал тебе, но... когда я говорил, что люблю её, и что порвал с Пенни ради неё, я, правда, не знал, что творю.

— Что-то я запутался, — говорю я, пытаюсь понять, что происходит. — Если ты не в курсе, у меня сотрясение.

Он смотрит прямо на меня, и я вижу, что он держится из последних сил.

— Я не столько любил её, сколько хотел обладать ей. Хотел, чтобы она нуждалась во мне. И хотел забрать её у тебя. Потому что знал. Всё это время я знал, что между вами что-то есть. Я знал, что вы оба вралли мне, скрывая все то дерьмо и постоянно увертываясь. Мне это не нравилось. Больше того, я считал, что это несправедливо. — Он останавливается. — Это не просто признать, но, правда в том, что я ревновал. Я хотел, чтобы ты понял, каково это. Потерять кого-то. И ещё одно, я хотел, чтобы у тебя ничего не было.

Я не подозреваю, как сильно сжимаю челюсти, пока моя голова не начинает пульсировать от боли. Но это ничто, ничто, по сравнению с тем, что происходит у меня внутри.

— Что, блять? — всё, что я смог выдавить из себя. — Зачем ты сделал это со мной?

От его улыбки веет холодом.

— Потому что ты это сделал со мной. И потому что я был тупым слабаком, другом, который не мог перестать обижаться на тебя. Я не горжусь этим. Но это правда.

— Ты решил довести меня до гребаного сердечного приступа, — ору я на него. — Если бы моя чертова рука не была сломана, я бы тебя ударил. Дьявол, клянусь, я смог бы сделать одной рукой! — Я пытаюсь до него дотянуться, но в руку врезается капельница.

— Мне жаль, — говорит он, не двигаясь, словно хочет, чтобы я ударил его. — Я всё испортил. Я разрушил всё, что было у нас с тобой, разрушил всё, что было у вас со Стеф. Я всё разрушил. Даже свои отношения с Пенни. И все потому, что я был ослеплен своей чертовой злостью и мелочностью, чтобы увидеть, что я творю.

Я едва могу говорить.

— Какого хрена ты сейчас мне это говоришь? — рычу я на него. — Я едва выжил, лежу тут в этой долбанной больнице. А ты решил успокоить свою гребаную совесть и вывалить все это на меня?

Он качает головой.

— Нет. Поверь, мне ничуть не лучше от того, что я тебе все рассказал. Все дело в ней. Я говорю тебе это сейчас, потому что Стефани здесь. О чем тебе не стоит беспокоиться, так это о моих чувствах. Ты ни в чем не виноват. И я говорю тебе это, чтобы ты, блять, мог бороться за неё. Это то, чего она заслуживает. Кого-то, кто бы боролся за неё. Она была с нами обоими какое-то время, и каждому из нас нереально повезло с ней. Но ты единственный, кто может заполучить её снова, и ты должен заполучить её. Ты — единственный, кому она принадлежит. И всегда им был.

Я закрываю глаза, пытаюсь восстановить дыхание.

— Я разбил ей сердце.

— Тогда встань, мужик, и исправь это.

Я приоткрываю один глаз, чтобы посмотреть на него. Он уже стоит, нависнув надо мной.

— Вам обоим пришлось нелегко. Но только у тебя есть шанс все исправить. Верни её. Заполучи её.

— Она не хочет меня.

— Она, блять, всё ещё любит тебя! — яростно кричит Джеймс. Мне так отчаянно хочется ему верить, но я реально не понимаю, как кто-то может любить после такого. Любовь так непостоянна и так хрупка. Нет ни малейшей надежды, что она способна выдержать это. Она никоим образом не могла бы даже простить меня за то, что я натворил.

— Ты по-прежнему любишь её? — спрашивает он тихо.

Я тут же киваю, не сомневаясь ни секунды.

— Да. Больше, чем когда-либо. Я люблю её больше всего на свете. — С каждым словом, вырывающимся из моего рта, теснота в груди становится на дюйм больше. Может, это сломанная кость, хотя я не уверен.

— Прошу прощения, — говорит медсестра с соколиным взглядом, появившаяся на пороге. По-моему её зовут Энди. — Часы посещения закончились. Ему необходимо отдохнуть.

Я в панике смотрю на Джеймса.

— Где Стеф?

— Может с Брэмом. — говорит Джеймс и смотрит на медсестру. — В коридоре есть кто-то еще? Девушка в сером свитере, с темными волосами?

Она качает головой.

— Никого. Пожалуйста, сэр, идемте. Вы сможете вернуться завтра.

Джеймс смотрит на меня.

— Прости, чувак. Я посмотрю, может получится задержаться на пару дней. Она говорила, что не может закрыть магазин, так что...

Итак, она собирается вернуться домой. Дьявол, да это чудо, что она вообще была здесь.

— Ты что-нибудь хочешь ей передать? — спрашивает Джеймс.

Я осторожно покачал головой.

— Нет. — Всё, что я хочу ей сказать, она должна услышать от меня. Просто сейчас, я не совсем в том состоянии.

— Эй, мне правда жаль, — говорит он. — Я не хотел взваливать всё это на тебя. Я просто хотел, чтобы ты знал, что я облажался и буду изо всех сил стараться снова стать тебе хорошим другом. Блять, я, правда, скучаю по тебе, братишка. Теперь всё по-другому.

Не знаю, что и думать, поэтому просто киваю.

— Скажи Стеф... — сказать ей что? — Скажи, я рад, что она приехала.

— Будет сделано, приятель.

И хотя я не испытываю прежней радости, когда он называет меня приятелем, с уходом Джеймса я ощущаю знакомое чувство утраты.

— Линден, — слышу я женский голос, зовущий меня. — Милый, ты меня слышишь?

Это не тот женский голос, на который я надеялся.

Я медленно открываю глаза. Солнечный свет заливает больничную палату. На стуле у кровати сидит моя мать. Её рука, худощавая, бледная рука с морщинистой кожей, лежит поверх моей.

В палате больше никого. Мы одни.

Не могу вспомнить, когда в последний раз был с ней наедине.

— Мам, — произношу неразборчиво, пытаюсь сесть.

— Шшш, — говорит она, сжимая мою руку. — Не двигайся. — Я чувствую запах

алкоголя в её дыхании, что не удивительно, хотя глаза довольно ясные. Или мне просто кажется.

Ещё она выглядит обеспокоенной. Всё это как-то не вяжется.

— Что ты здесь делаешь? — с трудом спрашиваю я.

— Пришла, чтобы увидеть своего мальчика, — говорит она, не обижаясь на мой вопрос. Как будто она понимает, что это немного странно для неё быть с сыном, пока тот находится в больнице. — Как ты себя чувствуешь?

— Как будто пережил крушение вертолета, — говорю я.

Она улыбается. Её губы сжимаются в тонкую, плотную линию, но улыбка, по крайней мере, касается её глаз. Она одета очень сдержанно — свитер с высоким воротом и бежевые брюки. На ней совсем нет украшений. Кажется, будто она не спала несколько дней, но это может быть очередной её маской.

— Твой папа хочет предъявить иск вертолетной компании, — говорит она.

— Не удивительно.

— Ты не против?

Я вздыхаю.

— Не знаю, есть ли в этом смысл. Нам ведь не нужны деньги, разве нет?

— Конечно, нет, — говорит она. — Думаю, по большей части, он делает это из принципа. Ты заставляешь человека платить, когда он делает ошибку.

— Но я, на самом деле, не знаю, что случилось. И чья это была вина.

— Говорят, произошло короткое замыкание.

— Уверен, более хороший пилот смог бы все уладить.

— Линден, — говорит она, и её голос становится тверже. — Ты один из лучших пилотов на земле.

Должен сказать, я потрясен её замечанием. Моя челюсть буквально отвисла, а под ребрами чувствуется какое-то особенное тепло.

— Это не твоя вина, — добавляет она. — Мы все это знаем. Компания напортачила.

Я тяжело вздыхаю.

— Такое бывает. Это просто риск, который ты на себя берешь. Я сознательно иду на этот риск каждый раз, когда поднимаюсь в воздух. Знаю, во что ввязываюсь. Это упорядоченная, сложная машина, состоящая из вентилях, приводных валов и проводков, и летает она вертикально. Ты понимаешь, на что подписываешься каждый раз, когда ступаешь на борт одной из таких шукувин. У тебя могут быть идеальные показатели безопасности, но ты никогда по-настоящему не защищен. Это жизнь.

— Это жизнь, — повторяет она. — Я так понимаю, ты продолжишь летать?

— Конечно, — говорю я, ни чуточки не колеблясь. — Не уверен, что вернусь в ту же компанию, но один несчастный случай не заставит меня бросить полеты. Понимаю, это совсем не то, что ты хочешь услышать, но это то, для чего я был рожден.

Она мягко вздыхает.

— Я знаю, сынок. Мы с твоим папой не испытывали... особого энтузиазма от... твоего выбора профессии. Именно поэтому никто не захочет видеть, как страдает его ребёнок.

Я собирался прервать её, сказать, как удивлен, что она вообще в курсе, что у неё есть дети, но решаю позволить ей продолжить. Такое случается редко. Очень редко.

Она заворачивает рукава свитера и продолжает.

— Но если, ты чувствуешь, что это в тебе, и этот несчастный случай, каким бы ужасным

и чудовищным он ни был, не остудил твою страсть к полетам, тогда это действительно твое предназначение. Ни мы, ни кто-то другой не должны вмешиваться в это. — Она похлопывает меня по руке. — Знаю, все выглядит не совсем так, но мы, правда, хотим, чтобы ты был счастлив.

Думаю, это было очень близко к «Я тебя люблю», ничего подобного я и не надеялся от неё услышать.

— Итак, — говорит она, медленно поднимаясь на ноги. — Останешься здесь? Или вернешься в Сан-Франциско?

Я дернулся, отчего голова взорвалась болью.

— С чего бы мне возвращаться в Сан-Франциско?

— Я думала, именно там ты был счастлив.

Я сглатываю.

— Не понимаю. — Я не могу представить себе возвращение в Сан-Франциско и счастливую жизнь без Стефани.

Мама долгое время смотрит на меня до странности ясным взглядом. Потом на её губах появляется крошечная улыбка.

— Знаешь, твой папа сказал мне, что, наконец, встретился с девушкой.

— Девушкой?

— Стефани, — говорит она таким голосом, словно это просто огромное событие. — Ненавижу говорить, как тебе поступать с собственной жизнью, Линден, хотя, уверена, ты с этим согласишься. — Она тихо смеется над собой. — Но, если ты захочешь снова летать, несмотря на катастрофу и несмотря на риск, поставив тем самым все на карту... Возможно, стоит пойти до конца? Может, вертолеты и сердца не так уж и отличаются.

— Кто ты? — не могу удержаться я от вопроса. Внешне эта женщина похожа на мою мать, но она ведет себя вовсе не так, как она, это не та мать, которая была рядом всю мою сознательную жизнь.

— Знаю, знаю, — говорит она, ещё раз похлопав меня по руке, и направляется к двери. — Иногда слишком много времени требуется для того, чтобы кого-то разбудить. — Она искренне улыбается мне и выходит из палаты.

Я остаюсь один на один с вопросом, кого она имела в виду.

Себя или меня?

ЛИНДЕН

Уже две недели прошло с тех пор, как я попал в больницу. Две гребаные недели скуки, флуоресцентных ламп, раздражительных медсестер и отстойной еды, а еще я весь чешусь. Две проклятые недели абсолютного ада.

Однако, эти две ужасных недели дали мне время для размышлений. Я думал о Джеймсе и его словах. О том, что моя мать — которая стала навещать меня каждый день, иногда подвыпившая, однако всегда дружелюбная — посоветовала мне.

У меня было целых две недели, чтобы поразмышлять о наших со Стеф отношениях. И я решил вернуться в Сан-Франциско на старую работу. Решил снова завоевать доверие двух самых близких мне людей.

Но больше всего я хотел вернуть Стефани. Потому что нет никакого смысла жить с сердцем, которое тебе не принадлежит. Если бы мне снова пришлось рискнуть своей жизнью и сжечь все мосты по дороге к небу, я бы сделал это для неё. Даже несмотря на то, что произошло, и тот худший сценарий, при котором я остался в живых, я был готов на все ради Стеф.

Не важно, взаимны ли мои чувства. Не важно, сможет она меня простить или нет. Важно лишь то, что я должен попытаться. Это я разрушил наши отношения. И не допущу этого снова.

Кроме того, две этих бесконечных недели приблизили меня к собственному дню рождению. Моему тридцать первому дню рождению, который будет уже завтра. А это значит, что у меня остался всего один день, прежде чем срок нашего соглашения подойдет к концу.

Я не забыл о нем. Эта мысль постоянно крутилась у меня в голове все это время. Кто-то скажет, что это глупость, но для меня все серьезно. Пока мы оба свободны и не перешагнули через отметку в тридцать, я собираюсь жениться на этой женщине.

По крайней мере, попытаюсь.

Поэтому в ближайших планах у меня значилось погрузить все свое барахло в грузовик и отправить его в Сан-Франциско. На этот раз Брэм вызвался мне помочь, и я не собирался отказываться от его помощи. Думаю, он просто ищет причину свалить из Манхеттена, и не удивлюсь, если в итоге Брэм обоснуется в Сан-Франциско.

Но нет ни единого шанса, что он обоснуется у меня. К счастью, мне удалось вернуть свою старую квартиру, за все это время никто не позарился на нее. Если Брэм решит остаться в Сан-Франциске — признаюсь, я буду рад. За последние несколько месяцев мы действительно сблизились, и оказалось, не такой уж он и дурак. Так — дурачок.

Когда я прилетел в международный аэропорт Сан-Франциско, я понятия не имел, каким будет дальнейший план моих действий. Конечно, у меня было время обдумать все во время чертовски длинного полета, но в самолете показывали реально крутые фильмы, которые я давно хотел посмотреть.

Я остановил такси. Не много прока от костылей, которыми мне приходится пользоваться, с учетом того, что моя нога в гипсе. Вдобавок я не могу нагнуться из-за своих ребер и мне нельзя перетруждать руку. К счастью, таксист оказался добрым малым и пришел

мне на помощь. Ненавижу чувствовать себя инвалидом.

Когда он спросил, где меня посадить — я замешкался с ответом. Я не разговаривал с Джеймсом и Стефани с тех пор, как они покинули Нью-Йорк, поэтому понятия не имел, где они могут быть. К слову, о моем местонахождении они тоже не догадывались.

Сначала я назвал таксисту адрес Стефани, попросив немножко подождать. Это займет немного времени. Я чувствовал, как кольцо от Тиффани, которое я приготовил для нее, буквально прожигает дыру у меня в кармане. Я понятия не имел о том, что скажу ей или сделаю, если она окажется дома, и уж тем более я не знал, сколько это займет времени.

Однако, дома ее не было. Я нажимал кнопку звонка ее квартиры четыре или пять раз, но ответа не так последовало. Наконец, прихрамывая, я дошел до машины, и сказал таксисту адрес Джеймса. Я решил, что он знает, где она, ну или по крайней мере догадывается. Не знаю, остались они друзьями с тех пор, как все пошло ко дну, или нет, но, по крайней мере, ко мне в Нью-Йорк они прилетели вместе.

Это не помогло. Джеймса тоже не было дома. Скорее всего, он в баре.

Став ночным кошмаром таксиста, я попросил отвезти меня в бар, и всю дорогу вел себя как полный идиот. По крайней мере, я отблагодарил его хорошими чаевыми за моральную стойкость и за все те моменты, когда ему пришлось помогать мне выйти и забраться в машину.

Меня окружает призрачный туман, пока я медленно подхожу к двери бара. Сотни воспоминаний связаны у меня с этим местом. Приглушенные звуки музыки и теплым свет из окон — я словно вернулся в прошлое.

Я открываю дверь, и перед моим взором предстает знакомая обстановка, с незначительными изменениями, которые я пропустил за время отсутствия. У этого места свой собственный, особый запах. Запах выдохшегося пива и одеколона в купе с копотью, пропитавшей стены за последние десять лет, аромат жареной картошки фри и нарезанных лимонов. На самом деле, пахнет ужасно, но как же мне это нравится.

Первым я вижу Джеймса. Он стоит за барной стойкой, протирая столешницу. Я чувствую себя героем комедийного сериала «Веселая компания», когда Дэн проходит мимо меня, держа в руке пиво, и говорит, — Линден! — после чего испуганно разворачивается и добавляет, — Святое дерьмо, чувак, ты облажался!

Похлопав его по спине, я продолжаю свой путь, пока Джеймс, наконец, не замечает меня. Едва не выронив тряпку из рук, он явно теряет дар речи. Но Пенни — Пенни! — сидящая за стойкой на своем коронном месте, следует за рассеянным взглядом Джеймса, направленным на меня, и кричит, — Хэй! — она вскакивает со стула и подходит ко мне, чтобы обнять. Пенни такая милая. — Что ты здесь делаешь? — осмотрев меня с головы до ног, она касается пары царапин на моих скулах. — О боже, ты выглядишь просто ужасно. Но все еще горячо.

Что ты здесь делаешь? Хочу спросить я, однако понимаю, что все вполне очевидно — каковы бы ни были истинные причины того, что Джеймс порвал с ней, сейчас они снова вместе.

— Я вернулся, — говорю я, смотря на Джеймса. — Подумываю закончить свое восстановление здесь.

Его глаза становятся еще больше, и он обретает дар речи.

— Ты что, серьезно?

— Да, — отвечаю я. — Мы договорились, что Брэм привезет все мое барахло, думая

именно этим он сейчас и занимается.

— Так почему же ты не поехал с ним? — спрашивает он. — Думаю, с костылями на машине было бы удобнее, чем самолетом.

Я шумно вздыхаю.

— Ну, завтра у меня день рождения.

— Я знаю, — говорит он, криво усмехаясь.

— Тридцать первый, — с восторгом добавляет Пенни.

— Ага. Ну так вот, я вернулся, чтобы довести до конца одно дело, — я обвожу взглядом бар и спрашиваю, — Вы случайно не видели Стефани?

— Ох, — произносит Пенни, и я слышу тревогу в её голосе. Они с Джемсом обмениваются понимающими взглядами.

— Что?

— Эээ... — мямлит Джеймс, потирая шею. — Она здесь, но вроде как... эээ... на свидании.

Блять. Какого черта я решил, что она все еще одинока?

— На свидании?

— Да, — его глаза светятся надеждой, — но есть и хорошая новость. Думаю, это всего лишь их второе свидание. То есть на этот раз. Это ее бывший.

— Кто? Дружок серфингист?

— Арон? Нет. Мудак — экономист.

— Пьяница, который изменил ей? — с недоверием спрашиваю я. — Капитан унылая задница?

— Ага.

— Блять, — говорю я. — Почему она с ним? Где она?

Джеймс поворачивает голову в сторону уборных позади бара. В последний раз я трахал там Стеф у стены. Но в этот раз мне хочется схватить Оуэна и окунуть его башкой в унитаз. Какого черта она тусуется с парнем, который обращался с ней, словно с дерьмом?

Я не чувствую ни капли вины за то, что собираюсь сделать.

Я перепрыгиваю через барную стойку, когда Джеймс кричит мне вслед, — Ты что делаешь, Линден? — однако, я не обращаю на него внимания.

Стеф и Оуэн сидят в угловой кабинке. Он вилок разрезает салат (какой парень заказывает салат в пабе?) и о чем-то болтает. На нем костюм и очки, прическа осталась прежней. А вот ушами он сильно смахивает на Бильбо Беггинса (прим. Бильбо Беггинс — хоббит, персонаж произведений Дж. Р. Р. Толкина).

Стеф сидит напротив него, покручивая бокал с мартини, и выглядит довольно скучающей. Она настолько прекрасна, что я чувствую, будто снова оказался под действием обезболивающих. Боже, это просто невероятно, я так долго знаю ее, я был внутри нее, и она говорила, что любит меня. Поверить не могу. Не уверен, что я когда-нибудь избавлюсь от этого чувства.

На ней ботильоны, джинсы и кофта с длинным рукавом, закрывающая каждый дюйм кожи, за исключением ключиц, которые мне так нравилось кусать и лизать. Ее волосы убраны назад в конский хвост и на ней почти нет косметики. Приятно осознавать, что она не прихорашивалась ради него, чтобы произнести впечатление. Однако все дело в том, что ей это не нужно. Она прекрасна, оставаясь самой собой.

Стеф так красива, что я готов до самой смерти, не переставая, ей восхищаться. Однако,

Оуэн замечает меня и выражение его лица тут же меняется. Он помнит меня. И ненавидит.

Готов поспорить, вскоре он возненавидит меня еще больше.

Стеф поворачивает голову и застывает, открыв рот. Она такая милая сейчас, и я несказанно рад, что преподнес ей своеобразный сюрприз. И да, не похоже, чтобы она злилась, и это хороший знак.

Она смотрит на Оуэна, затем на меня. Словно вот-вот ударится в панику.

Я решаю облегчить ей задачу и иду к ним.

Изображая уверенность, насколько это возможно на костылях, я останавливаюсь перед их столиком.

— Простите, что прерываю ваш чудесный ужин, — говорю я, уставившись в одну точку, пока они оба смотрят на меня так, словно я приведение, — Однако, мне нужно прямо сейчас спросить у Стефани о чем-то важном, — я кидаю взгляд в сторону Оуэна, — если ты не возражаешь, наедине.

Оуэн промакивает салфеткой уголки своего рта, а затем бросает ее на стол. Прочистив горло, он говорит, — О чем бы ни шла речь, ты можешь сказать это при мне.

Да ладно? Никакой жалости к калеке? Я не предполагал наличие свидетелей, однако это может быть мой последний шанс. Оглянувшись назад, я замечаю Джеймса, Пенни и Дэна за барной стойкой, которые наблюдают за происходящим, словно за мелодрамой. Я подмигиваю им и поворачиваюсь назад.

— Хорошо, — говорю я Оуэну, — если хочешь — можешь оставаться. Но если скажешь хоть одно слово, я воткну этот чертов костыль тебе в ухо, понял меня? Он едва сдерживается, изображая праведное негодование, но ничего не говорит. Я смотрю на Стефани и вижу, как крутятся колесики у нее в голове. Она понятия не имеет о том, что я собираюсь сделать. Но я знаю, как направить её мысли в нужное русло.

— Стефани, — произношу я, наклоняясь в её сторону, — завтра мой день рождения. Тридцать первый.

И тут она понимает. Удивление, страх и что-то еще, надеюсь, более позитивное, кружится в водовороте ее больших голубых глаз.

— Я знаю, — тихо и с опаской произносит она.

— И как ты помнишь, однажды мы дали друг другу обещание, — что-то сжимается у меня в груди, однако, я продолжаю, — И не сдержали его. Мы все разрушили. Знаю, это моя вина. Но я не могу делать вид, будто все кончено. Это соглашение по-прежнему многое значит для меня. И я хочу надеяться, что у меня еще есть время и шанс снова подарить тебе свое сердце. И много чего еще.

Оуэн издает раздраженный звук, и я направляю костыль в его сторону, смерив этого ушастого идиота убийственным взглядом. К его же счастью, он замолкает.

Я поворачиваюсь обратно к Стеф и наклоняюсь, насколько это возможно, взяв ее за руку. Такая маленькая и нежная. Такая моя.

— Я совершил ужасный поступок. Отвратительный. Ты любила меня — всей любовью мира — а я отверг эту любовь. Потому что был идиотом. Потому что боялся и думал, что сделаю что-то не так и все испорчу. Но именно так в конечном итоге и вышло — я все испортил и потерял то, чем дорожил больше всего на свете. Не знаю, смогу ли когда-нибудь простить себя за то, что опустил руки. Я обещал бороться за нас, а вместо этого отпустил тебя. Но продолжаю надеяться и умоляю дать мне еще один шанс. Потому что я видел твою душу, детка, и она необыкновенная чиста и особенна. Я верю, что однажды ты подаришь ее

мне. Я хочу, чтобы ты снова была рядом. Хочу, чтобы все было по-настоящему, — я шумно выдыхаю. — Мы настоящие. Всегда были и, надеюсь, будем еще долгие годы.

Я беру Стефани за руку, чувствуя, как сильно бьется ее пульс. Она искренне смотрит мне в глаза, и в этот момент я пытаюсь опуститься на одно колено.

Конечно, из-за костылей ничего не выходит. С секунду я дрожу, едва не падая, но Оуэн, как ни странно, протягивает руку, чтобы меня поддержать. Очень мило с его стороны. Идиот.

— По идее, я должен встать на одно колено, — говорю я, чувствуя, как горят мои щеки, — но вполне вероятно, что после этого я уже не смогу подняться. Так что давай притворимся, что с этой частью покончено, чтобы я смог предложить тебе это, — я замолкаю, опустив руку в карман за кольцом.

Все присутствующие в баре затаили дыхание. Кто-то изумленно вскрикивает (думаю, Пенни).

Однако Стефани не удивлена. Одинокая слеза бежит по ее щеке, одной рукой она держится за сердце, но при всем при этом она не выглядит пораженной. Думаю, Стеф знает меня лучше, чем я думал. Или она просто сочувствует мне. Не многие мужчины делают предложение на костылях.

Я не свожу с неё глаз, пытаюсь взглядом выразить все то, что не смогу сказать вслух.

— Я был твоим лучшим другом на протяжении последних девяти лет. И хочу стать всем твоим миром еще на девяносто вперед. Ты олицетворение всего, что я когда-либо мог желать — подруги, возлюбленной, семьи — ты изумительно горячее предложение три в одном. Я хочу расти и развиваться рядом с тобой, смеяться и угождать тебе, пока не стану старым и немощным, и не смогу говорить или слышать, но даже тогда я все еще буду любить тебя. Единственное, что не иссякнет — моя любовь к тебе.

У меня щиплет в носу и сквозь затуманенный взгляд, я достаю кольцо и протягиваю его ей. Оно платиновое, с огромным вычурным бриллиантом посередине, обрамленным россыпью черных поменьше — такое же красивое, но смелое, как и она сама.

Она тихо стонет, взглянув на него. Я слышу, как слабое «О боже мой» слетает с ее губ, и замечаю, что она нервничает.

Откашлявшись, я принимаю серьезный вид.

— Стефани Робсон, Мальвинка, моя лучшая подруга и женщина, которой принадлежит мое сердце. Окажешь ли ты мне честь стать моей женой? — я останавливаюсь, чтобы взять себя в руки, — Ты выйдешь за меня замуж?

Казалось, все в баре задержали дыхание вместе со мной.

Наступает момент чертовски долгого ожидания.

Она переводит взгляд с меня на кольцо. Секунды тикают. Всеобщее нетерпение становится почти осязаемым.

Я чувствую себя так, словно меня вот-вот хватит удар. Мое сердце готово упасть к ногам и разбиться вдребезги.

А потом — она смеется. Широкая, восхитительная улыбка появляется на ее губах.

— Да! — кричит она, — Да, да, да!

Сердце буквально выскакивает у меня из груди. Я слишком перевозбужден, чтобы одеть кольцо ей на палец, однако, каким-то чудом мне все-таки удастся это сделать. Рукав ее кофты приподнимается, и я замечаю браслет, который подарил ей на рождество. Должно быть, она все же открыла его. Боже, поверить не могу, что она все еще любит меня.

Я вне себя от радости. Она осторожно обнимает меня, смеясь и плача одновременно, и сжимает меня в своих объятиях. Я чувствую боль в области грудной клетки, но не обращаю на это внимания. Позади нас Оуэн незаметно выскользывает из кабинки и уходит, что-то бормоча себе под нос. Неожиданно через весь зал летят пробки от шампанского и люди собираются вокруг нас, чтобы поздравить.

Но я вижу лишь ее. Всегда ее одну.

Я осторожно беру в руки ее лицо и шепчу, — Я люблю тебя, люблю, люблю, люблю. И никогда не перестану тебя любить.

— А я любила тебя всегда, — отвечает она мне. — Спасибо, что вернулся ко мне.

Я притягиваю ее к себе и целую в лоб.

— Спасибо, что сказала «да». Нашему соглашению. Мне. Спасибо тебе.

— Не за что. Знаешь, не могу дождаться, чтобы снова оказаться в роли твоей медсестры, — она целует меня мягкими, нежными, солеными от слез губами. Я отвечаю, растворяясь в ней и в ощущении бесконечного счастья.

Тут же рядом с нами появляются Джеймс и Пенни с четырьмя фужерами шампанского.

— Я знаю, что мы уже пили за это примерно пять лет назад, — говорит Джеймс, широко улыбаясь, — однако, я предлагаю повторить.

Я выпрямляюсь, кивая им в знак благодарности, и беру бокал. Наша дружба подверглась серьезным испытаниям, и она уже далеко не та, что была раньше, но я верю, мы сможем все исправить. Наверное, это такова реальность — наша дружба меняется и развивается вместе с нами. Подобно жизни.

Мы поднимаем фужеры в воздух.

— За Стефани и Линдена, — говорит Пенни.

— За дружбу, — говорит Стефани.

— За любовь, — добавляет Джеймс.

— За нас.

СТЕФАНИ

Как там говорят, если жених увидит невесту до свадьбы, это плохая примета? Ну что ж, думаю, если жених трахнет невесту до свадьбы, то это хорошая примета. Тем более с завязанными глазами мы вовсе не нарушаем никаких правил.

Ну ладно, если честно — все это придумал Линден, а я лишь подыграла ему. Вот почему я стою в подвенечном платье перед дверью гардеробной на верхнем этаже Коринфского яхт-клуба в Тибуроне (прим. Тибурон — город в штате Калифорния, США), держа повязку в руке.

Я стучу в дверь и жду, нервно озираясь по сторонам, чтобы никто из случайно заблудших гостей меня не поймал. Церемония начнется совсем скоро, наше соглашение все-таки превратилось из глупой выдумки в реальность. Мы поклялись на мизинцах в тот день, и я всегда знала, что этот уговор дороже денег.

— Кто там? — спрашивает Линден из-за двери.

— Диснеевская принцесса, — отвечаю я, добавляя, — твоя невеста.

Я слышу его смешок.

— Хорошо, Мальвинка. Лучше бы тебе повязать повязку. Нам нельзя видеть друг друга до свадьбы, ты помнишь?

— Открывай уже, — говорю я ему. Я мысленно запоминаю, где стою, и как далеко от меня находится дверная ручка, после чего надеваю повязку и завязываю ее за головой. — Я бы лучше связала тебя. Эта мысль кажется мне намного сексуальнее.

Мир погружается во тьму. Моя рука тянется к дверной ручке, я медленно поворачиваю ее и с осторожно захожу в гардеробную.

В воздухе витает аромат кожи, ароматической смеси и шалфея. Последний — запах Линдена. Большие, сильные руки хватают меня и тянут к себе. Тяжелое дыхание наполняет комнату, как только позади меня раздается щелчок замка.

— Пожалуйста, скажи, что ты тоже в повязке, — говорю я ему, чувствуя себя невероятно уязвимой в темноте. — Иначе это нечестно.

Одну руку он опускает мне на плечо, второй обвивая за талию. Неуклюже, словно не уверен, где я стою, однако в то же время решительно и без раздумий.

— Я ни хрена не вижу, — говорит он. — И выключил свет на всякий случай. Не переживай, я серьезно отнесся ко всему этому дерьму с *не смотри на невесту до свадьбы*.

— Это не дерьмо, — говорю я, и его губы оказываются у меня на шее, а руки на груди, бедрах и ягодицах.

— Я уже могу сказать, что ты выглядишь прекрасно и платье потрясающее, —

произносит он низким и грубым голосом в темноте.

Я широко улыбаюсь. Мое платье сшито на заказ — с перекрещенными на шее бретелями, облегающее на бедрах и переходящее в просторную юбку фасона «Русалка» — оно безупречно. Белое, с ярко розовым подолом в стиле омбрэ, словно его окунули в краску. Признаюсь, меня вдохновило свадебное платье Гвен Стефани.

— Ты увидишь его совсем скоро, — обещаю я ему. — Так почему мы здесь, да еще в таких условиях?

— Потому что я не могу продержаться двадцать четыре часа, не занявшись с тобой любовью, — шепчет он, пока еще рот находит лакомый кусочек на моей шее, нежно посасывая его.

Я издаю тихий стон, став жертвой его губ и языка.

— Хорошо. Я подумала, что ты нервничаешь, и мне стоит напомнить тебе о преимуществах женитьбы.

— Это тоже, — говорит он, касаясь своими губами моих, — это тоже.

Он целует меня, властно и горячо. Поцелуем он заявляет на меня свои права, хотя я и так всегда принадлежала ему, сердцем и душой. А через несколько часов я стану его законной женой.

Муж и жена. Спустя столько лет после соглашения, это, наконец, произошло. Я все еще не могу поверить, и в какой-то степени не хочу. Мне нравится просыпаться по утрам в его руках и думать, что это сон. Сейчас я собираюсь выйти замуж. Первый раз в своей жизни. Счастливая сучка.

Как всегда, его поцелуи заставляют меня желать большего. Он держит меня за талию и разворачивает к себе спиной, невероятно нежно, но в то же время уверенно. Мои руки тянутся вперед, и я хватаюсь за стойку, на которой висят пиджаки. Это напоминает мне о том эпизоде, когда мы занимались сексом в кладовке моего старого магазинчика. Сейчас Fog&Clothes стал всецело интернет — магазином и у меня нет здания как такового, однако есть и хорошие новости. Бизнес пошел в гору, а часы моей работы сократились. Я все еще новичок в мире интернет-компаний, зато нашла свою нишу в этой индустрии и использую ее для собственной выгоды.

Моя одежда сейчас? Сплошь черепа. Резиновые сапожки с черепами, шарфы, юбки, шляпы — все с черепами. Лампы и сковороды с ручками в форме черепов. Иногда я думаю, что может стоит изменить название на Fog&Skull (прим. skull — череп), однако, я пока так и не решилась. Посмотрим, как пойдет дальше.

Линден стонет, словно изголодавшийся по добыче зверь, и опускается на колени. Его руки скользят вверх по моим ногам, поднимая платье вверх, и останавливаются, встречая на

своем пути пояс с подвязками.

— Кое-что голубое, — объясняю я ему, пока он хватает зубами кружевную отделку. — Твоя мама дала мне его, и это было немного странно. Но она сказала, что он был частью вашего традиционного кильта или как там его.

— Я только за, — говорит он с явным шотландским акцентом, — это чертовски возбуждает.

— Ты про то, что твоя мать дала мне его?

— Не упоминай мою мать в ближайшие несколько минут, — предупреждает он. — Я имею в виду пояс. Тот факт, что ты надела его, много значит для меня. Я знаю, что сейчас наша фамилия пишется с одной А, но мы все еще Макгрегоры.

Я так тронута.

— Ты много значишь для меня. И я возьму любую фамилию, которую ты выберешь.

Я чувствую его горячее дыхание на своей шее.

— Мы и дальше будем вести душевные разговоры или трахнемся наконец?

— Ты отвратителен, — говорю я ему.

Я слышу, как он расстегивает ширинку, и спустя секунду его теплый член прижимается к моим бедрам.

— Ох, ты даже не представляешь, насколько я отвратителен.

Он кладет руку мне между лопаток, подталкивая вперед. Я рада, что мои волосы зачесан назад и покрыты слоем лака, даже если я нагну шею, прическа останется в порядке. А если нет — то и черт с ним.

Он может делать все, что хочет.

Линден дразнит меня пальцем, нежно и легко, прежде чем снова войти в меня. В темноте все мои чувства словно обостряются. Я ощущаю каждый дюйм его члена, когда он медленно продвигается вперед и полностью заполняет меня. Затем каждый дюйм, когда, дразня, он выскальзывает из меня. Его громкое дыхание такое жаркое и влажное, и временами он стонет, словно животное. У меня такое впечатление, словно меня трахает незнакомец, однако, незнакомец, которого я безумно люблю.

Потому что я люблю Линдена больше, чем могу описать словами.

Когда мы оба кончаем, и мои крики поглощают пальто наших гостей, он выходит из меня. Часть меня надеется, что его семя останется внутри меня — последние толчки были столь сильные и глубокие, что я думала, будто он никогда не кончит. Не то, чтобы я хотела детей прямо сейчас, но когда-нибудь это случится. Мы оба этого хотим.

— Думаю, ты не сможешь сказать, как я выгляжу, — говорю я, переводя дыхание, когда тепло растекается по всему моему телу. Я поправляю прическу, дабы убедиться, что ни один лишний волосок не выбился из прически.

— Ты прекрасно выглядишь, — говорит он, аккуратно целуя мои щеки. — Мне не нужен свет, чтобы понять это, — он берет меня за руку. — Ну что, Мальвинка. Готова стать моей женой?

— Да, ковбой, готова, — говорю я ему. — И если бы я знала где ты, чтобы поцеловать тебя — в долгу не осталась бы.

— Ты всегда можешь найти меня, — говорит он, касаясь пальцами моего подбородка так, чтобы наши лица оказались друг напротив друга, и припадает к моим губам в нежном поцелуе.

Я возвращаю ему поцелуй, стараясь продлить удовольствие. Но время нашего свидания подошло к концу, и если я что-то и знаю о наших гостях, так это то, что они не станут нас ждать. Я вздыхаю.

— Итак...

— Думаю, мне лучше выйти первым, — говорит он.

— Всего лишь час, — говорю я, — и мы будем неразлучны.

Самое сложное в свадебной церемонии не платье или место проведения, и даже не план рассадки гостей, самое сложное не иметь возможности видеть Линдена день или два. Учитывая то, что он не только мой жених, но еще и лучший друг, я хотела пройти с ним рука об руку каждый шаг на этом тернистом пути. И я знала, что наши небольшие аудиенции в уборной и гардеробной подарят мне частичку желанного спокойствия. Кроме того, мы и дома частенько безобразничаем подобным образом.

Я слышу, как Линден улыбается в темноте. Он целует меня в лоб, сжимает мою ладошку и уходит. Я чувствую, как воздух покидает маленькую комнатку, и дверь за ним закрывается. Я жду пару минут, достаточно, чтобы его и след простыл, перед тем, как снять повязку и выйти за дверь.

Некто, думаю, это одна из моих старших кузин по папиной линии, смотрит на меня из конца коридора. Она выглядит несколько озадаченной. Я пожимаю плечами.

— Это не дамская комната, — говорю я ей, указывая на гардеробную с видимым замешательством. Она выглядит немного шокированной и идет дальше.

Я вздыхаю и затем иду в настоящую уборную, чтобы убедиться, что выгляжу так же хорошо, как и до гардеробной. Из зеркала на меня смотрит девушка с легким румянцем на щеках. Она вся светится, потому что счастлива.

Перед тем как Линден сделал мне предложение, я чувствовала, что моя жизнь висит на волоске. Оставить его в Нью-Йорке и вернуться к нормальной жизни, полной пустоты — одна из самых сложных вещей, что я когда-либо делала в своей жизни, однако ради оплаты счетов и сохранности собственного сердца, я должна была уехать, у меня не было выбора. Конечно, я оставила Линдену несколько сообщений, чтобы проверить, как его дела. Но я знала, что он в больнице, и не была удивлена, когда он не ответил.

Зато ответил Брэм. Он рассказал мне, что Линден идет на поправку, однако ни разу не намекнул, что тот возвращается обратно или же, что ему нужна помощь. Я находилась в полном неведении до тех пор, пока не увидела его в "Бургундском Льве", побитого, в синяках и на костылях.

По иронии судьбы, я была на свидании с Оуэном. Это было наше второе свидание, на которое мне не особо хотелось идти, однако я чувствовала вину за то, что бросила его в прошлый раз. Не много свиданий заканчиваются предложением руки и сердца, особенно не от того, с кем ты пошла на это самое свидание. Давайте просто запишем это на счет кармы Оуэна.

Награда оказалась невероятно сладкой. Я собираюсь выйти за него замуж. Замуж за лучшего друга, любовника и кто знает, сколько еще ему уготовлено титулов. Я собираюсь выйти замуж за своего Линдена. Больше мне и желать нечего. Этот год с ним превзошел все мои мечты, и сейчас мы собираемся сделать следующий шаг. Знаю, нам не всегда будет так просто — моя работа требует самоотдачи, и когда в туристической отрасли начнется кризис, Линден не будет летать так часто. Иногда самые близки люди становятся как заноза в заднице, и временами мне хочется залепить Линдену оплеуху.

Однако, вместе с этим я учусь ценить то серое в промежутке между черным и белым. И под стать заливу Сан-Франциско, серый может быть невероятно прекрасен.

Милая и крайне скоротечная церемония подходит к концу. Все как мы и хотели — пропустить сентиментальную часть и отправится прямиком в бар. Мой отец вел меня к алтарю, Никола и Кайла были подружками невесты, а Джеймс и Брэм — шаферами Линдена. Наш священник был парнем, с которым когда-то работал Линден, и он опускал такие шуточки, что вы и не поверите. Некоторые из них были ужасно избитыми, но по крайней мере, заставляли людей смеяться и позволили нам расслабиться.

Даже мой бывший, Арон, был здесь. Между нами никогда не было ненависти и злобы, — что не скажешь об Оуэне. К концу вечера, когда все напились и начали бить стаканы, танцуя под отстойную музыку восьмидесятых, я заметила, как Арон подкатывает к Николе, которая снова была одна. Я не уверена, к чему приведет их знакомство, однако знаю, что он хороший парень и она заслуживает такого, как он... даже если он думает, что играть в пейнбол — безудержное веселье.

Вместе с тем я знаю, что Линден не намного лучше в плане уровня зрелости. Всю ночь

мы кружились в неспешном танце рядом с отплясывающими Джеймсом, Пенни, его и моими родителями. Я понимала, что даже несмотря на то, что нам чуть за тридцать, мы все еще не такие взрослые, какими, возможно, хотели бы быть. Не знаю, изменит ли это кольцо на пальце или подпись в свидетельстве о браке. Но это нормально. Дни идут, и я понимаю, что жизнь отнюдь не прямая дорога. Иногда, нужно сделать шаг назад, два шага вперед, а затем перепрыгнуть на другую сторону. Эдакая Черная Дыра во времени, если задуматься.

Жизнь ведет нас разными маршрутам, и я надеюсь, что в итоге разум и тело, жизнь и любовь догонят друг друга.

Я знаю, что все будет хорошо, какой бы маршрут не уготовила мне судьба, особенно если Линден рядом.

Как только над заливом загораются звезды, я притягиваю к себе мужа и улыбаюсь. Рука об руку с Линденом моя душа обретает покой, и остаток моей жизни... а знаете что? Жизнь только начинается.

Больше книг Вы можете скачать на сайте — Knigolub.net